

III 630491

**Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
М У З Е Я**

ВЫПУСК XII

**РАБОТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ**

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА • 1941

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
121	Подпись под рисунком	Арне	Арне Европеус
137	2 сверху	№ 5 и 0	№№ 5 и 10
161	4 снизу	Потребления	Погребения
166	10 сверху	последней	поселений

ИСПРАВЛЕНИЕ

На странице 114 перевернут рисунок.

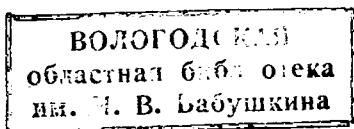
Т Р У Д Ы ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК XII

РАБОТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ

*Под редакцией
проф. Д. Н. ЭДИНГА*

III 630491

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА ★ 1941

9(c)
T 78

9(c)(06)

+ Кр.

*Отв. редактор
проф. Б. Я. ЗАКС*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемым сборником Государственный Исторический Музей начинает публикацию отчетов своих археологических экспедиций.

В научной деятельности Музея выполнение полевых обследований памятников занимает одно из важнейших мест. В первые годы после революции сотрудниками Музея проводились только небольшие раскопки в порядке вузовской практики, которые и не могли, конечно, всегда отвечать основным запросам самого Музея. Лишь в середине 20-х годов экспедиционная работа в нем приняла плановый характер.

Неудержимый рост археологической науки за последнее двадцатилетие, не говоря уже о ликвидации старых пробелов в музейных собраниях, с каждым годом расширяет тематику полевых исследований. Многообразие задач, стоящих перед крупнейшим в Союзе ССР Музеем, и основная среди них — раскрытие истории народов, обитавших и обитающих на территории нашей родины, — диктует организацию раскопок в самых разнообразных областях Союза: в завожских степях, на побережьях Черного и Белого морей, на Урале, Алтае и т. д. Часть экспедиций ведет исследование крупных памятников или значительных районов в течение ряда лет.

Показателен рост числа этих экспедиций:

За первые три года (1925—1927)	— 21 эксп.
С 1928 по 1932 (первая пятилетка)	— 35 »
С 1933 по 1937 (вторая пятилетка)	— 46 »
В 1938 г.	— 12 »
В 1939 г.	— 13 »

Ассигнования на экспедиционные работы в 1939 г. достигли 95 000 руб.

Осуществление программы полевых работ Музей проводит совместно с другими научными учреждениями: Институтами Академий Наук СССР и УССР, Музеем изобразительных искусств им. Пушкина, а также местными организациями. Среди последних необходимо назвать Чечено-Ингушский и Северо-Осетинский научно-исследовательские институты и музеи: Свердловский, Пижне-Татильский, Казанский, Карело-Финский (г. Петрозаводск), Орджоникидзевский, Грозненский, Саратовский, Вологодский, Каргопольский, Череповецкий, Кустанайский, Рязанский, Никопольский и др.

Ценность собранного археологического материала давно подсказывала мысль о публикации отчетов полевых работ; одним введением некоторой части нового раскопчного материала в экспозицию невозможно исчерпать значение проведенной исследовательской работы. Поэтому ГИМ принимает меры, чтобы выпустить в свет материалы, обработка которых к настоящему моменту закончена. Возобновляя издательскую деятельность, Музей уже в плане те-

кущего года отвел значительное место публикации экспедиционных отчетов. В настоящую книгу входит ряд статей, по тематике относящихся в основном к области древнейшей истории.

В сводном отчете о раскопках двухслойной стоянки Веретье М. Е. Фосс устанавливает две культурные стадии для края и характеризует их на основе археологического и фаунистического анализов, а также данных торфования.

Д. А. Крайнов, подводя итоги раскопок могильника фатьяновского типа у д. Ваулова, сообщает ряд заключений по поводу фатьяновской культуры.

Статьи М. Е. Фосс и Д. А. Крайнова завершают работу по опубликованию раскопанных памятников; небольшие разведки у с. Пустынь и на р. Оскеле О. А. Граковой и М. Е. Фосс представляют значительный интерес, несколько проводились в районах, почти не освоенных исторической наукой. Вопрос становления скифской культуры на Кавказе впервые разрабатывается советской наукой, и, хотя изучение крупных памятников Ассиинского ущелья не закончено, актуальность проблемы вызывает публикацию результатов работы Е. И. Крупнова за первые два года. Еще менее в отношении объема раскопок сделано пока экспедицией ГИМ на р. Молоне, но обнаруженные А. Я. Брюсовым следы свайного жилого комплекса являются фактом исключительного значения и несомненно привлекут внимание как специалистов историков, так и краеведов.

Редакция

ностью в 33 см; 8) песок, сильно водоносный. Слои 5—8 прослежены шурфовкой. Уровень воды в реке при низком стоянии несколько выше 4-го слоя.

Приблизительно с середины темной глины начинают встречаться предметы верхнего культурного слоя, сливающегося почти на всем пространстве с нижним культурным слоем; последний начинается внизу темной глины и продолжается до верхней поверхности торфа, а в местах построек заходит в торф. На расстоянии 5—6 м от берега реки Модлоны верхний культурный слой резко обрывается, нижний же простирается почти до берега реки Перечной.

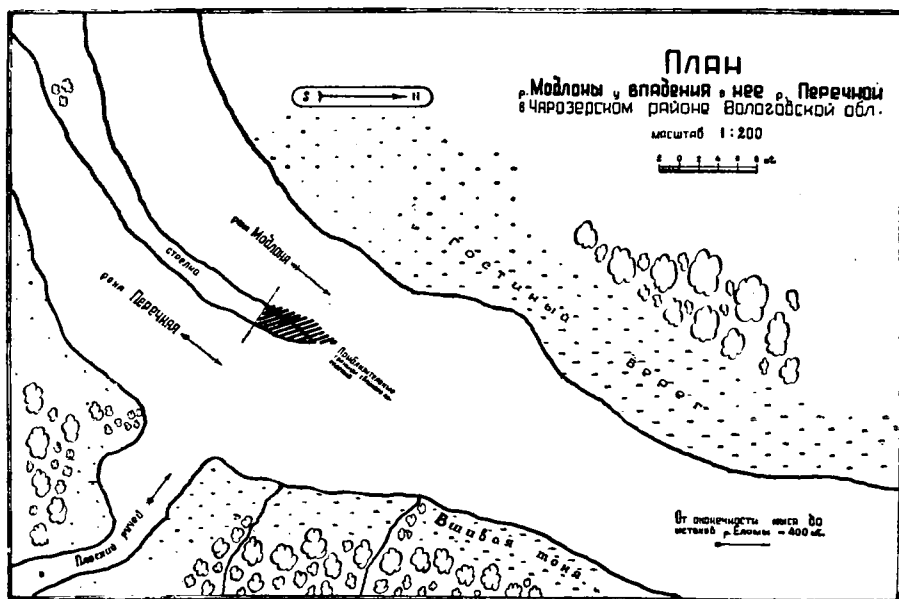

Рис. 1.

В некоторых местах после прохождения раскопками слоя песка между ним и торфом обнаружен был слой из смеси песка, глины и беспорядочно лежащих кусков щепы, то есть сплюснутых, разложившихся кусков дерева. Это остатки обрушившихся верхних частей построек и глиняной обмазки полов. Кое-где под щепой выдавались верхушки свай. По удалении щепы и обмазки пола под ними открывались лежавшие на торфе или немного погруженные в него другие части построек: балки, слезы, бревна, сваи. Чем ниже они находились, тем сохраннее, тем лучше было их состояние.

Сваи были вбиты через весь торф, а наиболее крупные из них заходили в слой нижнего водоносного песка под илом. Некоторые из свай представляли собой простые сосновые, еловые, березовые или осиновые бревна, сохранявшие кору и внизу затесанные на острие. Другие сваи были обработаны по всей поверхности. Обработка производилась, судя по следам от нее, узким железным, вероятно металлическим теслом. Раскопками была вскрыта площадь около 48 кв. м, разделенная на участки в 2×1 м.

При раскопках обнаружены пока части двух домов и пространство между ними. Края домов точно можно определить по расположению крайнего ряда свай (рис. 2). На площади жилищ было особенно большое количество находок и почти исключительно там найдены предметы из янтаря.

Пространство между домами было значительно беднее находками, которые встречались тут исключительно под торфом.

Дома были подняты над почвой невысоко. Сохранившиеся сваи выдавались над торфом только на 30 см. Из этой цифры надо вычесть еще 12 см на усадку торфа, так как после расчисток и пребывания на воздухе все сваи трескались на этой высоте, что свидетельствует о разнице в условиях, в которых находились части свай выше и ниже этой линии.

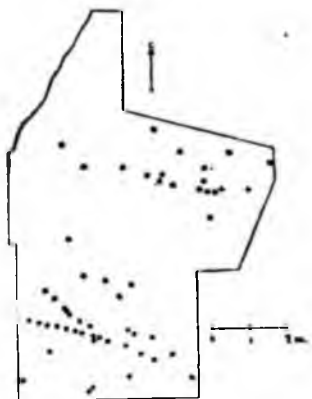

Рис. 2. Расположение свай на площади раскопок.

Сваи служили опорами для платформ, на которых стояли дома. Но после разрушения этих домов платформы, естественно, упали вниз; части их были перемещены водой или сгнили, но в некоторых местах сохранились их остатки, например в северо-восточной части раскопа, на участках 19 — 24 (рис. 5) и в центре, на участках 14—15. В обоих случаях настил состоял из необработанных длинных слег, уложенных вплотную друг к другу параллельно рядам свай, с запада на восток.

На участке 18 у угла дома была вбита особенно толстая и длинная сосновая свая

Скрепление несущих балок со сваями производилось так же, как это прослежено при раскопках западноевропейских свайных домов: на верхнем конце свай оставлялась часть толстого и прочного сучка, образовавшего со стволом широкую развилину, в которую и укладывалась

Рис. 3. Часть дома № 2.

балка. Такая отлемившаяся развилина была найдена около одной из свай в 1938 г.

Подобное скрепление несущих балок со сваями прослежено, например, в Ридшахенском свайном поселении на озере Федерзее.

Применялся и другой известный по раскопкам западноевропейских свайных построек способ: балка укреплялась между двух вертикально вбитых свай (на участках 14—15).

Стены домов, по всей вероятности, делались из переплетений нетолстых веток. Об этом можно судить по остаткам одной такой обвалившейся стены. Она показана на рис. 3 и прорисе с него (рис. 4). На прорисе буквами «с»

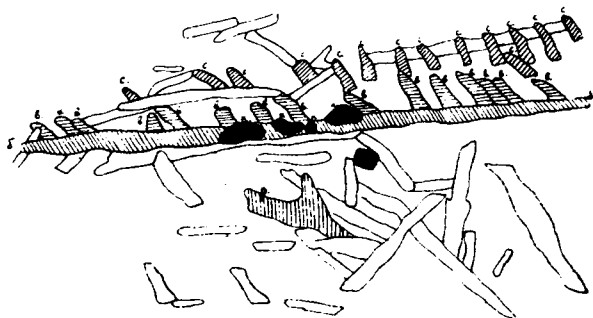

Рис. 4. Прорис с рис. 3.

обозначен задний ряд свай; буквами «в» — обломившиеся и опрокинувшиеся под тяжестью падающей стены верхушки первого ряда свай (буквы «в» стоят в месте облома; под этими обломками находятся невидные на фотографии и не показанные на прорисе нижние части этих свай, уходящие в торф); буквой «б» обозначена несущая балка. Под остатками упавшей стены (балки и слепки на переднем плане фотографии) лежало множество слежавшихся в тонкие щепы остатков нетолстых веток.

Вместе со стеною обрушилась и часть крыши. На прорисе буквой «р» обозначена сохранившаяся часть столба с развилиной на конце, на которую опиралась, очевидно, киезевая слега, поддерживавшая центральную часть кровли (нижняя часть этого столба на фотографии не видна, так как она уходит в торф). Сама крыша делалась, повидному, из бересты, большое количество которой встречалось вместе со щепой. Для прочности эта береста придавлена была крупными камнями (на прорисе отмечены буквой «к»), лежавшими в различных местах на пространствах, занятых домами.

Величина домов еще не выяснена, так как раскопками 1938—1939 гг. ни одна стена не вскрыта полностью. Нельзя также еще говорить о внутреннем устройстве самих домов. На рис. 5 показано расположение открытых на площади раскопок деревянных частей построек. По этому чертежу (см. также рис. 2) видно, что дома располагались тесно друг к другу. Помимо двух уже частично вскрытых домов в юго-восточной части раскопок намечается третья постройка. Пронзведенная шурфовка показала, что подобными постройками занят только край стрелки на пространстве в 140—150 кв. м. Впрочем это не составляет всей площади древнего свайного поселения, а только сохранившуюся часть его. Другая, не меньшая, часть размыва рекою Модлопой, на дне которой против места раскопок сохраняется много свай.

Раскопки подобного типа памятника отличаются некоторыми особенностями.

¹ H. Reinert «Das Federseemoor als Siedlungsland des Vorzeitmenschen», Augsburg, 1924, стр. 75.

Поскольку в археологической литературе описания приемов таких раскопок встречаются очень редко, не мешает остановиться на этом вопросе.

Примененный еще Я. Мессингомером при первых раскопках свайных поселений способ устройства водоотводных глубоких колодцев (ям) вполне оправдал себя. Такой колодец величиною приблизительно в 2×2 м при глубине в 1 м ниже дна раскопок достаточен, чтобы собирать стекающую воду с пло-

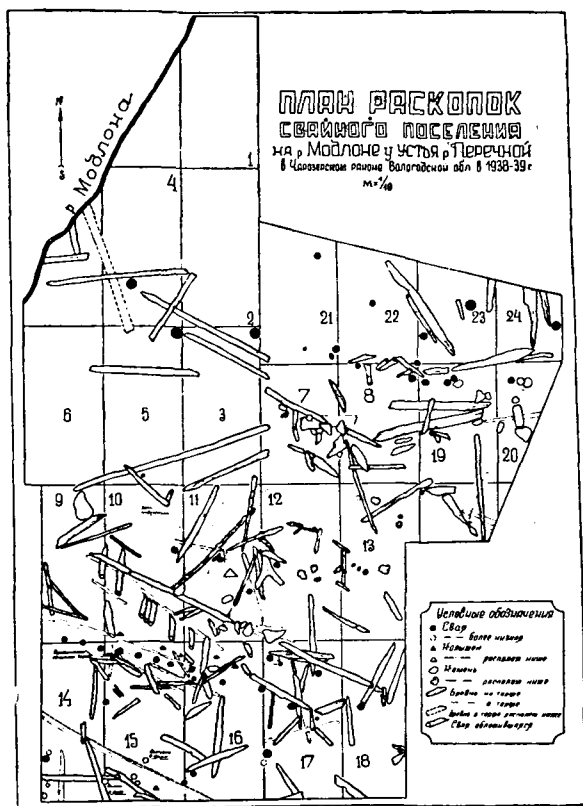

Рис. 5.

щади в 15—20 кв. м. Воду эту периодически откачивают. Колодец надо устраивать сообразно с наклоном водонепроницаемого слоя, иногда в нескольких местах. Надо, однако, иметь в виду, что при устройстве таких колодцев нет возможности ни для тщательных наблюдений и замеров, ни для обеспечения сохранности встречающихся частей построек. Поэтому желательно, кроме первого сточного колодца, вырывать все остальные на площади законченных раскопок.

При обвале строения на болотистую почву лежащие наверху деревянные части его подвергались, конечно, сильному разрушению. Поэтому первое, что открывается при раскопках остатки подобных построек, это — беспорядочно разбросанная масса мелких щепок, веток, кусков бревен, между которыми выдаются там и сям концы свай. Фиксировать на чертеже этот хаос нет никакой возможности, и его приходится отмечать условной штриховкой.

По удалении этой «щепы» картина еще не становится ясной. Лежащие под нею балки, бревна, стег, камни, концы свай находятся в сильно смещенном положении. Направление лежащего бревна еще не свидетельствует

о том, что таково было его первоначальное положение: если оно стояло некогда вертикально, то могло упасть в любую сторону. Точно так же часть горизонтального настила могла переместиться под прямым углом, особенно у края, и тогда лежавшие некогда рядом друг с другом бревна окажутся расположенными друг под другом; в зависимости от массивности бревен и условий падения одно из них может погрузиться глубже, другое мельче.

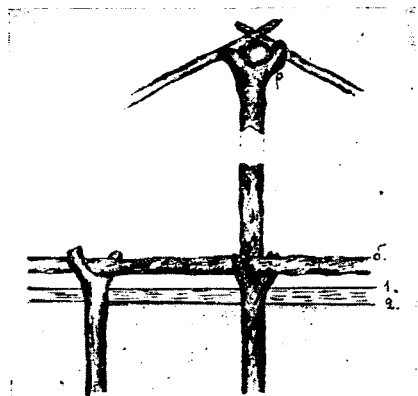

Рис. 6. Схема реконструкции свайного дома.

правлениях, с разными наклонами, часто перекрещивающихся, можно только в очень редких случаях. По тем же причинам невозможно прослеживать их вертикальными разрезами, как это делалось при более благоприятных условиях в Бухау или Ридшахене (Германия).

Поэтому приходилось прибегать к медленной постоянной расчистке по возможности большей площади с тщательным занесением на чертеж разной рас-

При таких условиях расчистка этих остатков сооружений становится крайне затруднительной, тем более, что для стока накапливающейся в раскопке воды необходимо поверхность раскопа держать ровной; иначе вода, собирающаяся в образовавшихся при полной расчистке неровностях, окончательно скроет общую ситуацию от глаз исследователя; устранять же сток этой воды под расчищенными деревянными частями или в обход их при большом количестве этих частей, лежащих в разных уровнях, в разных на-

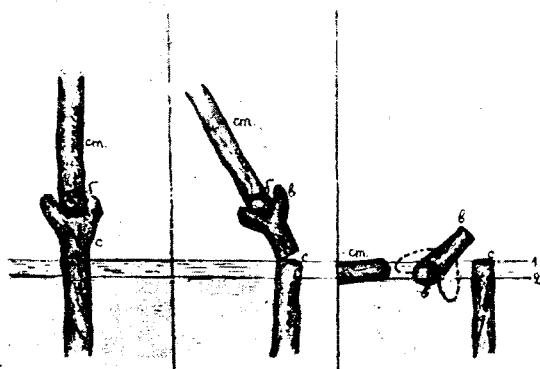

Рис. 7. Схема, показывающая первоначальное и современное положение деревянных частей.

цветкой, согласно с глубиной залегания, некоторых удаляемых бревен, слес и т. п., пока не достигалась полная ясность картины расположения всех частей постройки. Только после этого, на месте, с чертежом перед глазами, можно было приступить к реконструкции строения.

На рис. 6 и 7 дана, в качестве примера, реконструкция одной из деталей, открытых при раскопках построек, и схема, показывающая изменение

первоначального положения после того, как обрушилась стена дома. Цифры 1 и 2 показывают: первая уровень почвы в момент существования дома, вторая — современную поверхность торфа. Буквами обозначены: с — свая; б — несущая балка; ст — стояк, поддерживающий конец клеzewой слепи; р — развилина этого стояка; в — отломившаяся верхушка свай. Штриховкой на рис. 6 справа отмечена обычно отгнивающая часть верха свай.

При таких частичных реконструкциях, приводящих в конце концов к общей реконструкции постройки, большое значение имеет оценка взаимного расположения отдельных частей при обязательном учете веса, высоты падения, прочности вероятного первоначального скрепления с другими частями и условий сохранения. Поясню это примером.

На рис. 7 мы видим длинную балку (б) и рядом с нею целый ряд наклонных бревен (в, в...), уходящих видимым нижним концом в торф. При последующей более глубокой расчистке было обнаружено, что эти «нижние концы» очень коротки и кончаются почти на уровне нижней поверхности балки (б); следовательно то, что было принято сначала за бревна, является только обломками их. Одновременно около этих бревен открыт был ряд свай с обломленными верхами (на рисунках не показаны), причем всем этим сваям соответствовали лежащие против них описанные выше «обломки бревен». Стало ясным, что эти обломки бревен представляют собою не что иное, как отломившиеся верхушки обнаруженных свай. При реконструкции мы должны на чертеже соединить обе части так, чтобы ближайший к свае конец обломка, видимый верхний конец его на рисунках находился внизу, а более далекий (на рисунках конец, уходящий в торф) — вверх. Нахождение балки около этих верхних концов восстановленных свай показывает, что она была скреплена с ними (опиралась на них), т. е. служила несущей балкой, поддерживавшей стену. Отсюда восстанавливается следующая картина.

При начавшемся разрушении дома концы свай, выдававшиеся над почвой, подгнивали; стена покосилась в наружной стороне дома; сваи не выдержали давления и обломались еще тогда, когда несущая балка была прочно скреплена с ними (обломались все сваи ряда).

Упавшая наружу стена представлена лежащими в разных направлениях слепями и балками (на переднем плане рисунков). Среди этих остатков, приблизительно на месте, соответствующем середине стены, лежала довольно длинная слега с развилиной на конце (на рисунках — р; нижний конец этой слепи глубоко уходил в торф и на рисунках виден только частично); и по расстоянию от ближайших свай, и по направлению наклона (развилиной — к дому, обломленным концом — от дома) эта слега не может быть сочтена за конец какой-либо свай; она может относиться только к остаткам обрушившейся стены. Отсюда — вывод о том, что это — часть стояка, поддерживавшего клеzewую слегу.

Вторым примером может служить комбинация остатков частей дома, обнаруженная в 1938 г. Место это (участки 4—5) находилось очень близко от берега р. Модлоны, и культурный слой здесь довольно сильно размыв водою. Это позволяет предполагать, что почва тут была менее плотной, чем дальше от берега, где явления размыва культурного слоя не наблюдается. Естественно, что здесь одна из тяжелых балок была найдена довольно глубоко затонувшей в торфе. Конец ее приходился около одной из свай; и около этого конца, также глубоко в торфе, был найден обломившийся некогда верхний конец этой свай с развилиной, на которую балка опиралась. При падении этот конец обломился и был увлечен вместе с балкою вниз. Следовательно здесь ясно наблюдается тип скрепления вертикальных и горизонтальных частей постройки при помощи опоры на такие развилины.

Культурный слой свайного поселения на р. Модлоне был сильно насыщен находками. В среднем при раскопках 1939 г. на каждом квадратном метре было более тысячи находок; из них более 100 орудий и украшений или обломков их. Особенно много встречалось кремневых осколков; начиная с песчаного слоя, почва была буквально насыщена ими.

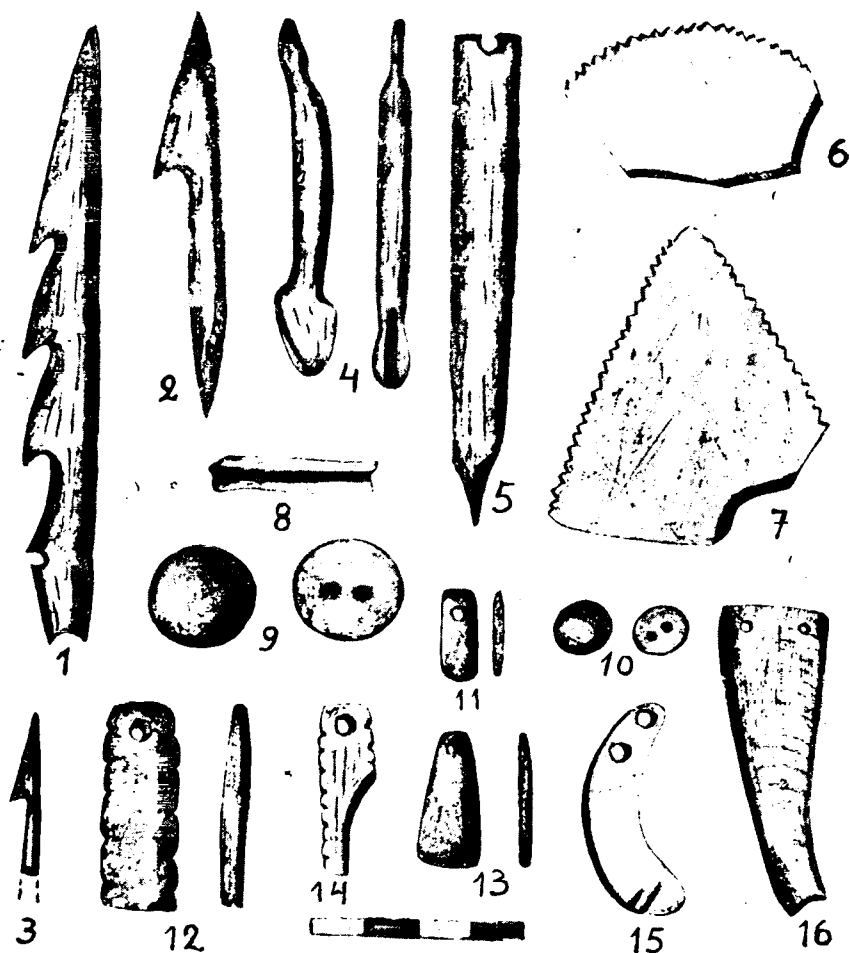

Рис. 8. Предметы из раскопок свайного поселения на р. Модлоне. 1—3 — Костяные гарпуны. 4 — Часть составного костяного удильного крючка. 5 — Костяное шило. 6—7 — Шиферные штампы для орнаментирования сосудов. 8 — Обломок янтарной пронызки. 9—10 — Янтарные пуговицы. 11—13 — Янтарные подвески. 14 — Костяная подвеска. 15 — Каменная подвеска. 16 — Нож из кабаньего клыка.

{ } 1/2 н. в.

Каменные орудия, найденные при раскопках, по большей части довольно грубо сделаны и состоят из: наконечников стрел листовидного типа, реже — треугольных черешковых; скреbel и скребков из кремневых отщепов различной величины; несложных сверл, проколов и скобелей; ножей, преимущественно из отщепов, ретушированных по одному краю. Специфическими орудиями являются скреблеобразные изогнутые и тщательно ретушированные со всех сторон предметы в форме маленького полумесяца; назначение их непонятно.

Довольно часто встречаются шаровидные небольшие ретушеры. Много ножевидных пластинок и обломков ножевидных пластин, иногда явно служивших вкладышами.

Характерными для этой стадии развития каргопольской культуры являются: скобелеобразные орудия в виде полумесяца и решительное преобладание толстых листовидных наконечников стрел (рис. 8). Типы сланцевых полированных орудий нехарактерны: преимущественно это маленькие тесла или стамески с прямоугольным или неречным сечением; встречаются обломки и от крупных сланцевых орудий; следует отметить обломок каменной пилы карельского типа из песчаника.

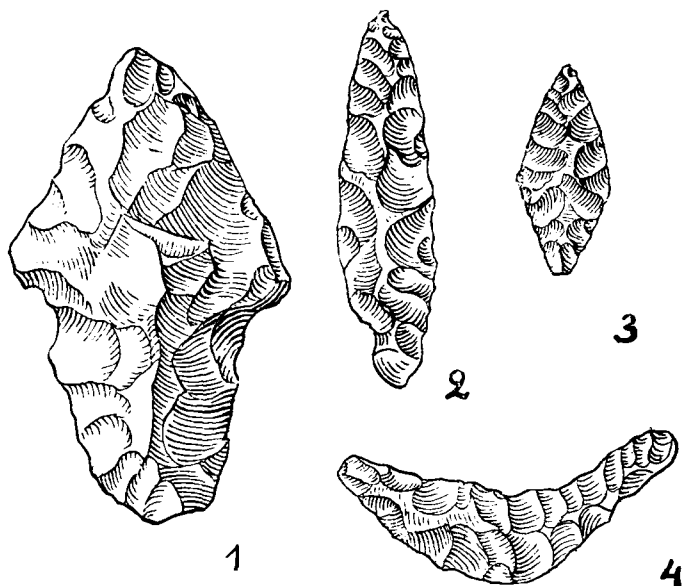

Рис. 9. 1—3 — Наконечники дротика и стрел. 4 — Скобель.
Кремень. Н. в.

Интереснее орудия из кости. Гарпуны, большая часть которых найдена с обломках, представлены двумя поздними типами. Широкие и короткие гарпуны с несколькими зубцами и резко отделенной вырезом короткой нижней частью с полукруглой выемкой в основании; маленькие однозубчатые гарпуны. Часто встречаются фрагментированные шилья и проколки, среди которых выделяется своеобразный тип широких шильев с круглым отверстием сверху. В большом числе встречаются короткие цилиндрические костяные стерженьки, вероятно — заточки от тесов. Наряду с этим имеются: нож из кабаньего клыка, костяные рукоятки (ножей?), небольшие долота. Интересна половина составного костяного рыболовного крючка с зарубкой наверху и длинным узким пазом для вставки жала внизу (рис. 8).

Найдено два шиферных и один костяной штамп для нанесения зубчатого орнамента на глиняные сосуды (рис. 8).

Украшения состоят из многочисленных подвесок из зубов оленя с желобком для привешивания, шиферной и костяной небольших плоских подвесок и ряда янтарных изделий. Предметы из янтаря представляют особый интерес. Это обломок длинной цилиндрической пронырки, несколько подвесок и крупные и мелкие пуговицы. Все подвески имеют плоскую удлиненную форму и отверстие для привязи сверху; длина их колеблется от 1,7 до 4 см;

на одной сделали по краям довольно глубокие зарубки. Пуговицы — круглые, слегка выпуклые по верху, диаметром около 2 см (крупные) и от 0,9 до 1,1 см (мелкие). Сделаны пуговицы очень тщательно и прекрасно отшлифованы. Снизу у всех, за исключением одной, просверлено, как у современных пуговиц, отверстие для пришивки, не выходящее наружу; сверление произведено с двух концов под небольшим углом; у одной крупной пуговицы сверлины этих выходят на наружную сторону (рис. 8). Эти пуговицы и подвески представляют собою аналогию таким же предметам, найденным Н. Рерихом в Кончанском², и соответственно — типам янтарных украшений Прибалтики, откуда они, очевидно, и происходят³.

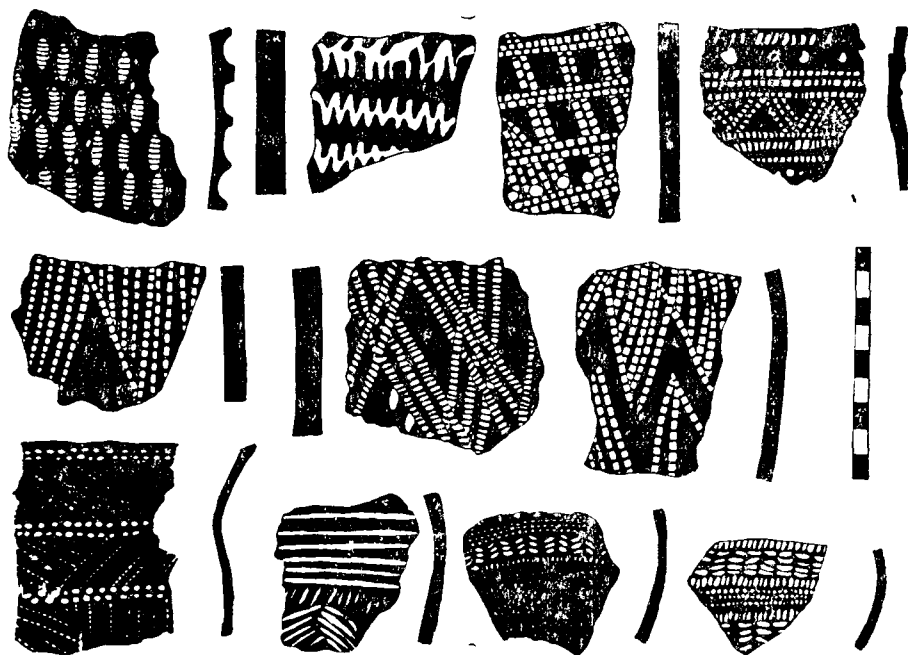

Рис. 10. Первый ряд — керамика 1-й группы. Второй ряд — керамика 2-й группы. Третий ряд — керамика 3-й группы. ²/₃ н. в.

В археологической литературе установилось мнение, что эти типы янтарных изделий датируются поздним неолитом и ранней бронзовой эпохой (по О. Монтелиусу), т. е. не заходят далее начала 2-го тысячелетия до нашей эры. Но эта дата, повидимому, совершенно невозможна в применении к свайному поселению на реке Модлоне, которое должно датироваться значительно более поздним временем. Вместе с тем большое число находок таких янтарных вещей доказывает наличие связей населения в районе озера Вожа с далекой Прибалтикой.

Керамику можно разделить на три группы. Первая состоит из немногих черепков от сосудов с обычным ямочно-зубчатым орнаментом. Вторая, наиболее многочисленная группа, представляет собою черепки преимущественно от больших сосудов из желтой глины с примесью толченой дресвы, листового

² Записки Отд. русск. и славянск. археологии, РАО, т. VII, вып. 2, табл. 1. Спб., 1905 г.

³ А. Brögger «Den arktiske stenålder i Norge». Christiania, 1909, рис. 209 — 210, 214, 219—220.

слюды и роговообманкового асбеста; черепки эти покрыты поверхностными вдавлениями из небольших ямок и перекрещивающихся полос отпечатков зубчатого штампа, по 2—3 в ряд, образующих квадраты и ромбы. Сюда же можно отнести несколько черепков с отпечатками на них ткани. Третья группа особенно интересна; это несколько черепков от небольших тонкостенных, слегка профилированных сосудов. Черепки эти очень хрупки несмотря на внешне хороший обжиг и сильно пористы. Они украшены мелкими поверхностными вдавлениями узкого зубчатого штампа и нарезками. Узор на них дробный, мелкий, в одном случае дающий по верху сосуда заштрихованные треугольники (рис. 10).

Что касается первой группы, то нетрудно заключить, что она выражает пережиточную традицию, идущую с неолита. Тип керамики третьей группы встречается не впервые. Такие же черепки были найдены на стоянке у устья р. Кинемы на озере Лача в раскопках М. Е. Фосс (хранятся в Гос. Историческом Музее). Близки к ним по профилировке и орнаменту некоторые черепки со стоянок на реке Шексне (Борачек, Воятицы)⁴.

Позже этот тип керамики встречен совместно с древним типом классической ямочно-зубчатой керамики и с более поздним типом сетчатой, с отпечатками ткани. Находками такой смешанной керамики отмечается довольно обширный район каргопольской культуры.

Вторая, наиболее многочисленная группа черепков, найденных в свайном поселении на р. Модлоне, не совсем обычна для известных пока стадий каргопольской культуры, хотя и встречается среди других черепков. Она нехарактерна и для стоянок более раннего времени, расположенных вблизи свайного поселения на реке Модлоне. Следовательно ее надо считать одним из признаков особой стадии развития этой культуры.

Среди немногих деревянных предметов (дощечка с пробитым в ней отверстием, кусок батки с вырубленной в ней выемкой и т. п.) следует отметить небольшой кусочек, выколовшийся из деревянного ковша, и странный предмет серповидной формы, тщательно заглаженный по всей поверхности; он сильно утолщен у одного конца и заострен у другого; длина его 34 см; сечение овальное с диаметром у толстого конца в 4,5 и 3,5 см; назначение его неизвестно.

К решению вопроса о датировке должны быть привлечены итоги раскопок в трех ближайших к этому поселению пунктах: у деревни Погостище; на правом берегу реки Модлоны, против Гостиного берега, в четверти километра от свайного поселения; на правом берегу рукава реки Модлоны, Еломы, в 10 км от места его отделения от Модлоны, в местности, носящей название Каравайка.

Во всех этих трех пунктах мы имеем типичные стоянки каргопольской культуры, наиболее древней из которых является стоянка у деревни Погостище. Найденные там расколотая роговая муфта топора и обломок каменного крупного кольцевидного навершия позволяют датировать эту стоянку временем не позднее конца 3-го тысячелетия до нашей эры. Остатки ее находятся под слоем того торфа, который тянется с запада на восток от верхнего течения реки Модлоны до озера Вожа и над которым обнаружены остатки свайного поселения.

Стоянка против Гостиного берега также относится, судя по типичной ямочно-зубчатой керамике, ко времени не позднее 2-го тысячелетия до нашей эры. Остатки ее находятся в слое того же, но разложившегося торфа.

⁴ М. В. Воеводский и А. В. Збруева «Участок при Шексне», Сборник «Археологич. работы ГАИМК на новостройках», т. I, Л. 1935 г., табл. 15, рис. 1 и табл. 16, рис. 1, 7, 10.

И, наконец, Караваевская стоянка (и могильник), часть которой, ближе к берегу реки, находится на слое этого торфа, также, повидимому, предшествует по времени свайному поселению на реке Модлоне. Керамика этой стоянки преимущественно ямочно-зубчатая, но встречаются и гладкие тонкостенные черепки с редкими мелкими ямками под обрезом горла и плоские донья крупных сосудов. Кремневые наконечники стрел по большей части удлиненно-линовидного и треугольно-черешкового типа; реже встречается тип треугольный, с выемкой в основании. Черешковые наконечники близки к типу, который получил в археологии название «сейминского». Коротких и толстых листовидных наконечников стрел, столь характерных для свайного поселения на реке Модлоне, почти нет. Конечная дата существования этой стоянки, по сейминскому типу наконечников стрел, может быть отнесена к середине второй половины 2-го тысячелетия до нашей эры.

Таким образом приходится относить свайное поселение на реке Модлоне ко времени не ранее конца 2-го тысячелетия до нашей эры. Предметы, найденные на самом поселке, подтверждают эту датировку. Костяные гарпуны свайного поселения могут быть поставлены по типу между формами костяных гарпунов нижнего и верхнего слоев стоянки Веретье, раскопанной М. Е. Фосс на озере Лача; керамика третьей группы находит аналогию в керамике с устья р. Кинемы, где среди других предметов был найден М. Е. Фосс бронзовый кельт.

Противопоказанием против этой датировки являются только типы изделий из янтаря, которые в западноевропейской археологической литературе твердо датируются значительно более ранним временем. И это — не первый случай большого расхождения в датировках неолитических (неолитообразных) стоянок за рубежом и у нас. Дилемма — следует ли удреивнить датировку этих стоянок у нас или уменьшить даты западноевропейских археологов — остается нерешенной.

Свайное поселение на реке Модлоне было, повидимому, оставлено в связи с изменившимися климатическими условиями, когда поднявшиеся воды стали заливать дома. Весьма вероятно, — и это подтверждает установленную нами дату, — что это повышение уровня вод надо связывать с наступлением климатического пессимума и увеличением осадков в начале 1-го тысячелетия до нашей эры.

Находки в верхнем культурном слое значительно беднее, чем в нижнем. Кремневые орудия аналогичны орудиям нижнего слоя, но в керамике уже нет черепков от сосудов с ямочно-зубчатым орнаментом. Нет и черепков третьей группы нижнего слоя; зато довольно часты гладкие черепки, черепки с отпечатками ткани, черепки с заштрихованной поверхностью.

Б какому времени надо отнести верхний культурный слой, сказать пока еще трудно.

Кости животных по определению Н. А. Сугробова принадлежат (цифры означают количество неделимых):

В верхнем культурном слое: бобр—7, северный олень—2, лось—1, медведь—1, куница или соболь—1, домашняя собака—1.

В нижнем культурном слое (свайное поселение): бобр—63, северный олень—9, лось—3, медведь—1, куница или соболь—7, косуля—1, домашняя собака—5; кроме того найдена первая фаланга первого пальца руки человека.

Исследование взятой в 1939 году стратиграфической колонки почвы, произведенное С. Н. Тюремновым, не противоречит отнесению свайного поселения на р. Модлоне к концу суббореального или началу субатлантического периода.

КАРАВАЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК И СТОЯНКА

В 10 км от свайного поселения на р. Модлоне, на правом берегу рукава этой реки, Еломы, находится местность, носящая название Караванха. Берег здесь выше, чем в других местах, но у самой реки, на протяжении 60—70 м, он такой же низкий и топкий. Здесь в 1937 г. стоял временный кирпичный завод, и при выборке глины одним из рабочих был найден скелет человека. Это послужило поводом для осмотра места и последующих раскопок, проведенных в 1938—1939 г.

Раскопками была открыта обширная стоянка и большой могильник в юго-восточной части ее. Культурный слой обнаружен был не только на высокой части берега, но и в прибрежной низине. Определить границы стоянки не удалось из-за сильной заболоченности внизу и густого леса вверх. Начинается культурный слой непосредственно под дерном в черноземообразном разложившемся торфе и достигает мощности в среднем от 0,15 до 0,65 м. Занимая всю толщу разложившегося торфа, он подстилается в одних местах плотной валунной глиной, а в других крупным песком с галькой. Погребения также неглубоки, и дно могильных ям лежит на той же глине.

Стоянка не представляет особого интереса. Это типичная стоянка каргопольской культуры середины 2-го тысячелетия до нашей эры. Она имеет значение, однако, для датировки могильника. Судя по количеству находок, это место было заселено гуще в юго-западной части, где в отдельных местах культурный слой достигает мощности до 1,5 м.

Находки на стоянке состоят из мелких кремневых орудий (наконечники стрел удлинненно-листовидные, треугольные черешковые и изредка треугольные с выемкой в основании; скребки; ножи из отщепов; скобели; проколки), немногих полированных орудий из сланца (топсу, маленькие долота или стамески, широкое и короткое желобчатое долото, заготовка молотка с начатым сверлением), небольшого количества костяных предметов (шпиль, обломки тонких игел и веретенообразных наконечников стрел с яйцевидным утолщением, обломок маленького однозубого гарпуна, составной рыболовный крючок, подвески из зубов оленя). Кроме того найдено точило и обломок пилы из песчаника, длинное шиферное трехгранное шило и глиняное шарообразное грузило. Часто встречаются кремневые пуклеусы и ножевидные пластинки. Довольно многочисленны обломки глиняных сосудов, украшенных преимущественно строгим ямочно-зубчатым орнаментом; в юго-восточной, удаленной от реки, части стоянки встречаются вместе с такими черепками также черепки со сложным геометрическим орнаментом и обломки от маленьких тонкостенных, хорошо обожженных сосудов с рядом мелких круглых отверстий под горлом.

Часть кремневых треугольных черешковых наконечников стрел очень близка по типу к так называемым «сейминским» и, следовательно, позволяет ориентировочно наметить дату существования стоянки временем около середины 2-го тысячелетия до нашей эры. Этой дате соответствуют такие типы вещей, как короткое и широкое желобчатое сланцевое долото, костяные веретенообразные наконечники стрел, наличие в керамике черепков со сложным геометрическим орнаментом, а также трехгранное шиферное шило.

Караваяевский могильник был раскопан не полностью. Было вскрыто за 1938—1939 гг. двадцать два погребения (рис. 11). Надо предполагать, однако, что даже на вскрытой раскопками площади было совершено гораздо больше захоронений, так как в засыпке могил встречалось много отдельных разбросанных человеческих костей, очевидно — из более ранних погребений, разрушенных позднейшими.

Как видно из прилагаемой таблицы (стр. 19), глубина могил была очень невелика: устраивать глубокие могильные ямы мешала плотная валунная глина.

Погребения явно были разновременными. Их можно разделить на две группы.

Более древние погребения расположены редко, с большими промежутками между ними. Такие погребения были открыты не только в юго-восточной части Караванхи, на площади собственно могильника, где сосредоточено большинство погребений, но и в юго-западной части, под насыщенным находками культурным слоем. Эти погребения — вытянутые на спине, ориентированные головой на ЮЗЗ, ЮЗ и З, или сидячие. Подсыпка красной охры встречается в них редко и незначительна.

Более поздние погребения сосредоточены кучно в юго-восточной части Караванхи; положение костяков — вытянутое на спине; ориентировка — разнообразная; подсыпка красной охры переходит иногда в сплошную засыпку всего погребения.

Так как захоронения совершены были на площади стоянки (даже в юго-восточной части Караванхи имеется небольшой и бедный находками культурный слой), то определить, какие вещи были положены вместе с покойником и какие попали с засыпкой, можно только в редких случаях. Так например, в погребении № 9 на груди лежало большое шиферное кольцо; положенными с покойниками надо считать, вероятно, фрагментированный большой составной костяной крючок в погребении № 3, желобчатое долото, кремневый накопечник стрелы и несколько кремневых ножевидных пластин в погребении № 8, подвеску из зуба оленя в погребении № 7, полированный клиновидный топор в погребении № 9, фрагментированную костяную иглу в погребении № 15.

Караваяевский могильник является одним из немногих археологических памятников подобного рода. До сих пор известны только следующие погребения на стоянках и могильниках 3—2 тысячелетий до нашей эры в лесной зоне Восточной Европы. Старший Волосовский могильник близ г. Муром на р. Оке, раскопанный А. С. Уваровым¹, три погребения на Кубенинской стоянке, в Архангельской обл. близ г. Каргополя, раскопанные М. Е. Фосс², 7 погребений на Языковской стоянке в Кашинском р-не Калининской обл.³, Оленьеостровский могильник на Онежском озере, раскопанный Н. Н. Гуриной, Г. П. Гроздиловым и В. Н. Равдоникасом (не опубликовано); кроме того упомянем о разрушенном погребении, обнаруженном В. А. Городцовым, при раскопках землянки на Панфиловской стоянке близ г. Муром на р. Оке⁴, и об остатках древнего погребения с каменными орудиями под курганом за Краснопресненской заставой в Москве (не опубликовано).

Караваяевский могильник представляет интерес потому, что это единственный довольно обширный могильник, а не несколько отдельных погребений, на площади одновременной ему стоянки. Кроме того по нему можно проследить различие в погребальном обряде между более ранними и более поздними погребениями, хотя еще нельзя определить, как велика в абсолютных цифрах разница во времени между теми и другими.

¹ А. С. Уваров «Археология России», М., 1881, т. I, стр. 298—300.

² М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино», Труды Гос. Исторического Музея, М., 1938, вып. 7.

³ О. Н. Бадер «Археологические работы у дер. Языково», Антропологич. журнал, 1936 г., № 2.

⁴ В. А. Городцов «Панфиловская палеометаллическая стоянка», Труды Владимирск. обл. музея, вып. 2, Владимир, 1925, стр. 9—10.

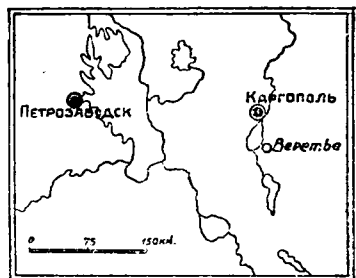
№ погребения	Форма могильной ямы	Глубина погребения в см	Положение костяка	Ориентировка головного	Наличие охры	Примечание
1	2	3	4	5	6	7
1	Овальная	50	Вытянутое на спине	На ЗЮЗ	Нет	У западного края могилы 2 очага из камней
2	?	а) 23 б) 31	? ?	? ?	Много в верхнем погребении у головы	2 погребения; нижнее разрушено верхним
3	?	30	Вытянутое на спине	На ЮЗ		
4	?	23	?	На Ю	Много	Кости плохо сохранились
5	?	23	?	На Ю	Немного	Погребение сильно разрушено
6	?	50	Вытянутое на спине	На ЮЗ	Много	
7	?	65	Сидячее	Лицом к С	Много	
8	?	15	?	На Ю	Нет	Погребение сильно разрушено
9	Овальная, вытянутая с С на Ю; 2,20×0,70 м.	40	Вытянутое на спине	На Ю	Немного	
10	?	45	?	?	Много	Погребение сильно разрушено
11	Овальная, вытянутая с ЗЮЗ на ВСВ; 2×1 м.	65	Вытянутое на спине	На ЮЗ	Немного	
12	?	46	Вытянутое на спине	На З	Много	
13	?	46	Сидячее	Лицом на В	Нет	Яма погребения частично разрушена
14	Овальная	47	?	?	Немного	ямой погребения № 12
15	?	36	Вытянутое на спине	На СЗ	Сплошная засыпка	Погребение сильно разрушено
16	?	40	Вытянутое на спине	На З	Нет	Маленький ребенок
17	?	40	Вытянутое на спине	На С	Нет	Череп нет; на его месте лежит большой камень
18	?	35	Вытянутое	На СВ	Сплошная засыпка	Подросток. Головою на коленях у погребения № 16
19	?	60	?	На З	Нет	Кости плохо сохранились (маленький ребенок)
20	?	60	?	?	Нет	Погребение сильно разрушено
21	?	22—66	Вытянутое на спине	На ЮВ	Нет	Погребение сильно разрушено
22	?	50	Вытянутое	На СССР	Немного	Череп значительно выше, чем ноги
						Погребение разрушено, кроме костей ног

СТОЯНКА ВЕРЕТЬЕ

(Отчет Северной экспедиции ГИМ о раскопках 1929—1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача)¹

ВВЕДЕНИЕ

Стоянка Веретье находится в Архангельской области², около 62° сев. шир., в 35 км от г. Каргополя, на левом берегу р. Кинемы в 1/2 км от впадения ее в озеро Лача (рис. 1). Кинема в этом месте имеет низкие топкие берега, поросшие лесом. Большею частью высота берегов колеблется от 0,5 до 1,0 м. Свое начало р. Кинема берет из громадного сфагнового массива, собирая воду со всего болота³. Течение ее медленно,

русло глубокое, ширина в пизовых значительная — до 100 м. По обоим берегам реки тянется торфяник в среднем от 1 до 1,5 м мощности (рис. 2).

Местность, где расположена стоянка, известна под названием «Веретье», т. е., по объяснению местных жителей, луг, лужайка. Действительно, место стоянки в настоящее время частью представляет собою луг, занимающий небольшое пространство (около 2000 кв. м.), частью заросло лесом. В половодье Веретье заливается водой, в летнее же время более высокая часть стоянки подсыхает, остальная же имеет вид мокрого луга. Даже при низком стоянии воды, в августе месяце, в сухие годы береговая полоса стоянки остается под водой, наиболее же возвышенная часть Веретья выдается над водой на 2 м⁴, а в сырое лето — только на 1,5 м⁵.

Среди заболоченных низин возвышения, подобные Веретью, обращают на

¹ В Северной экспедиции ГИМ, производившей раскопки в Веретье в течение ряда лет (1929—1931 гг. и 1933—1934 гг.), принимали участие зав. Каргопольским музеем Г. П. Сергиевский и практикант ГИМ А. В. Гаррис — в 1929—1930 гг., научный сотрудник ГИМ Л. А. Ельницкий — в 1931—1934 гг. Постоянным участником с самого начала работы, в качестве старшего рабочего-инструктора, был Б. А. Калустин.

В 1934 г. произведены торфеведческие изыскания Д. А. Герасимовым.

² Информационное сообщение о раскопках в Веретье см. «Торфяное дело», 1934 г., № 6.

³ О. Ф. Газе «Окрестности озера Лача (Северный край) в геоботаническом отношении». «Ботанический журнал СССР», 1934 г., т. 19, № 2.

⁴ В 1934 г.

⁵ В 1933 г.

Всего в Веретье раскопано 172 кв. м, что составило лишь половину намечавшейся для раскопок площади; работа на торфянике сопровождалась большими затруднениями, замедлявшими ее темп. На глубине 50—55 см от современной поверхности лочвы проступала грунтовая вода; при углублении раскопа ниже уровня реки вода из Кинемы затопляла площадь раскопок; приходилось рыть водоотводные канавы и откачивать воду. Кроме того, вследствие насыщенности слоя культурными остатками, особенно нижних горизонтов торфа, в котором кости животных и рыб нередко превосходили по массе включавшую их породу, требовалось много времени для выбирания их из плотного торфа.

Веретье и его окрестности были детально обследованы сотрудниками Московского института торфа⁹, и на основании шурфовки торфяника (табл. XIV, 1) и дна реки был вычерчен профиль, показывающий стратиграфию Веретья (рис. 3).

Рис. 2. Вид р. Кинемы.

У берега реки под современным растительным покровом залегает торф, в верхних слоях разложившийся и имеющий интенсивно черный цвет. Ниже торф приобретает сначала бурый, затем табачный цвет. Под этим торфом идет слой перемытого торфа с гиттией, а еще ниже гиттия. По мере удаления от реки в юго-восточном направлении торф сменяется гумусовым песком черного цвета, залегающим непосредственно под современным растительным слоем и покрывающим всю остальную часть Веретья. Основанием торфянику и гумусовому песку служит крупнозернистый песок с галькой.

При раскопках в Веретье обнаружено было два разновременных наслоения. И толщина их (до 40—50 см), и нахождение в различных слоях тор-

⁹ С. Н. Тюрменов «К вопросу об археологической датировке суббореального периода» (печатается в Бюллетене Четвертичной комиссии Академии наук СССР, № 5, 1940 г.); его же «Торфяные месторождения». Гос. научно-техн. изд. нефтян. и горюч. лит., 1940 г., стр. 234.

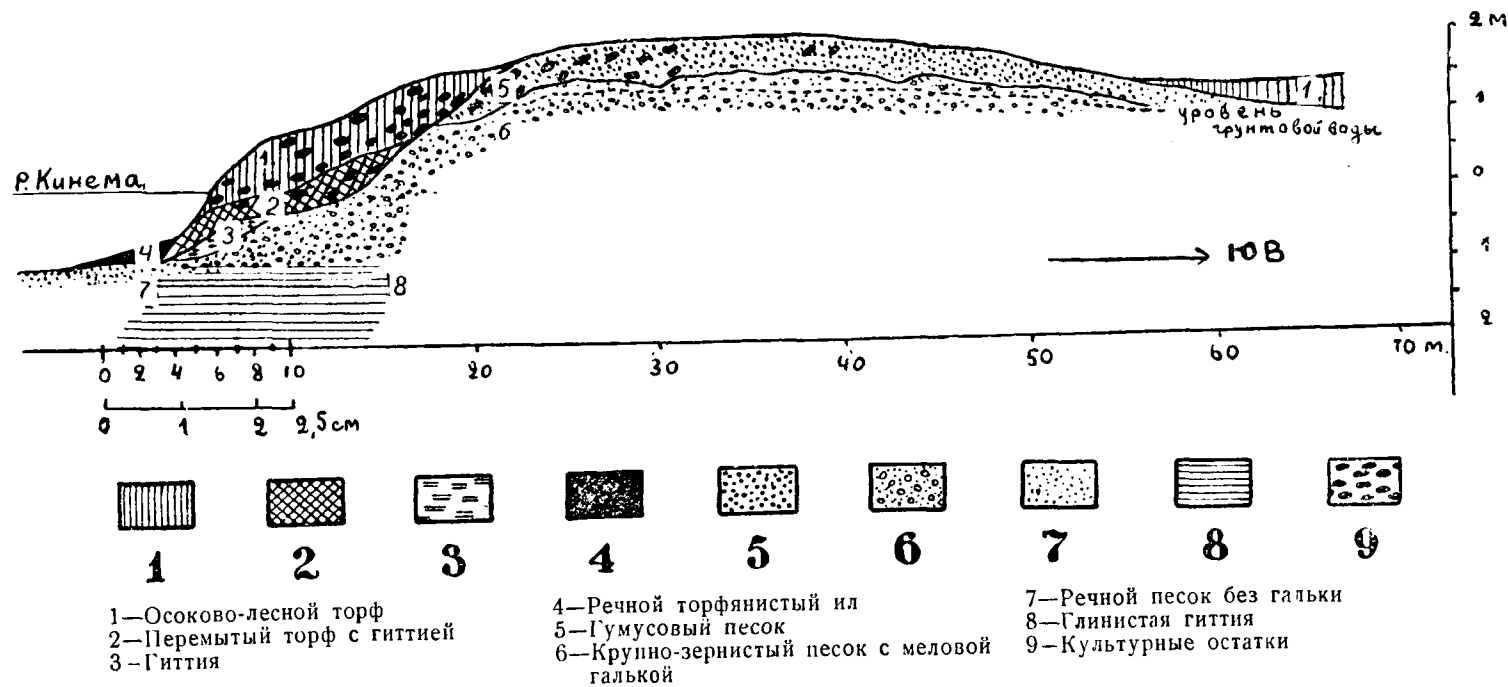

Рис. 3. Профиль местности Веретье.

фьяника, залегающих один над другим, указывают на довольно длительный промежуток времени их образования.

Стратиграфия раскопанной части Веретья такова:

1) сверху — растительный слой (дерн), с единичными находками, относящимися к современной эпохе (толщиной от 10 до 15 см)¹⁰;

2) под ним — разложившийся елово-лесной торф черного цвета (толщиной от 15 до 40 см), сменяющийся на расстоянии 22—25 м к юго-востоку от берега реки гумусовым песком (толщиной от 15 до 40 см).

В этом торфе и гумусовом песке содержатся остатки позднего поселения — Верхнего Веретья (табл. XIV, 5);

3) в береговой части под елово-лесным торфом залегает торф бурого цвета осоково-лесной и осоково-топяной (толщиной от 10 до 15 см), лишенный нахорок. Редким исключением являются осколки кремня и кости животных;

4) бурый торф переходит в плотный табачного цвета елово-лесной торф, ниже которого идет елово-лесной такого же цвета (в общей сложности 25—35 см), а еще ниже осоково-лесной торф (толщиной 5 см). Под торфяным пластом залегает песок с галькой.

В этих отложениях торфа и в поверхностной части песка (до 10—15 см мощности) содержатся остатки древнего поселения, Нижнего Веретья (табл. XIV, 6—7).

Судя по отдельным находкам, обнаруженным при бурении торфяника (см. табл. XIV, 1), во время торфопедческих изысканий, а также при обследовании поверхности Веретья, кое-где разрушенной кротовинами, можно предполагать, что древняя стоянка занимала площадь около 1000 кв. м, поздняя же значительно превосходила ее по размерам. Она заняла место древней, погребенной в торфе, распространилась далее за ее границы, вдоль реки метров на 60, и в юго-восточном направлении от берега приблизительно метров на 70—80, так что площадь ее, повидимому, доходила до 4000—5000 кв. м.

На основании археологических раскопок и обследования, предпринятого Московским институтом торфа, можно представить те изменения, которые произошли в ландшафте в эпоху бытования стоянок в Веретье.

Таблица пылецевого спектра торфа Веретья дает процентное соотношение различных видов лесной растительности во время существования того и другого поселения (рис. 4).

В слоях с остатками Нижнего Веретья отмечено небольшое количество дуба и ольхи (до 10 % каждого), и в противоположность этому — развитие ели (от 30 до 60 %), что служит признаком наступления IV фазы, называемой временем еловых лесов, последнедикиковой эпохи по шкале, выработанной советскими торфоведами¹¹ (суббореальный и субатлантический периоды Сернандера).

Растительность северо-западной области в этот период характеризуется для восточной ее части (ограниченной Онегой и Сев. Двиной и линией Иванова—Горький—Биров) развитием сосново-березово-еловых лесов, а в западной (на территории, ограниченной линией Ленинград—Иваново до границы с Финляндией и на севере — до Кольского полуострова) — развитием елово-сосново-березовых лесов.

¹⁰ В одном случае под растительным слоем на разложившемся торфе была сделана очень интересная находка — серебряная арабская монета, служившая привеской, на что указывают два отверстия у края. На монете сохранилась надпись: МERVANIDY (в Диар-Бекре). МУМАХХИД-АД-ДАУНЯ АБУ-МАНСУР. По мусульманскому летоисчислению монета датируется 399 г., т. е., 997—1011 гг. (Определена в Нумизматическом кабинете ГИМ). Это — вторая находка арабской монеты в Каргопольском районе. Первая относится к 1862 г.: (А. Марков «Топография кладов восточных монет», СПб., 1910 г., стр. 29).

¹¹ Г. А. Благовещенский и К. К. Марков «Ландшафты северо-запада Европейской части СССР», «Проблемы физической географии» т. V, 1938 г.

Веретье по своему географическому положению находится как раз на границе между западной и восточной провинциями. В Веретье, как и в его окрестностях (произведено обследование в двух км к югу от о. Лача, за с. Нюколой), в эпоху древней стоянки был смешанный лес, состоящий из сосны, ели, березы, что отмечается не только по пыльце, но и по остаткам древесины и коры в торфе. В небольшом количестве встречались ольха, дуб, вяз, ива и орех (рис. 4-5). Малый процент дуба служит признаком начала новой климатической фа-

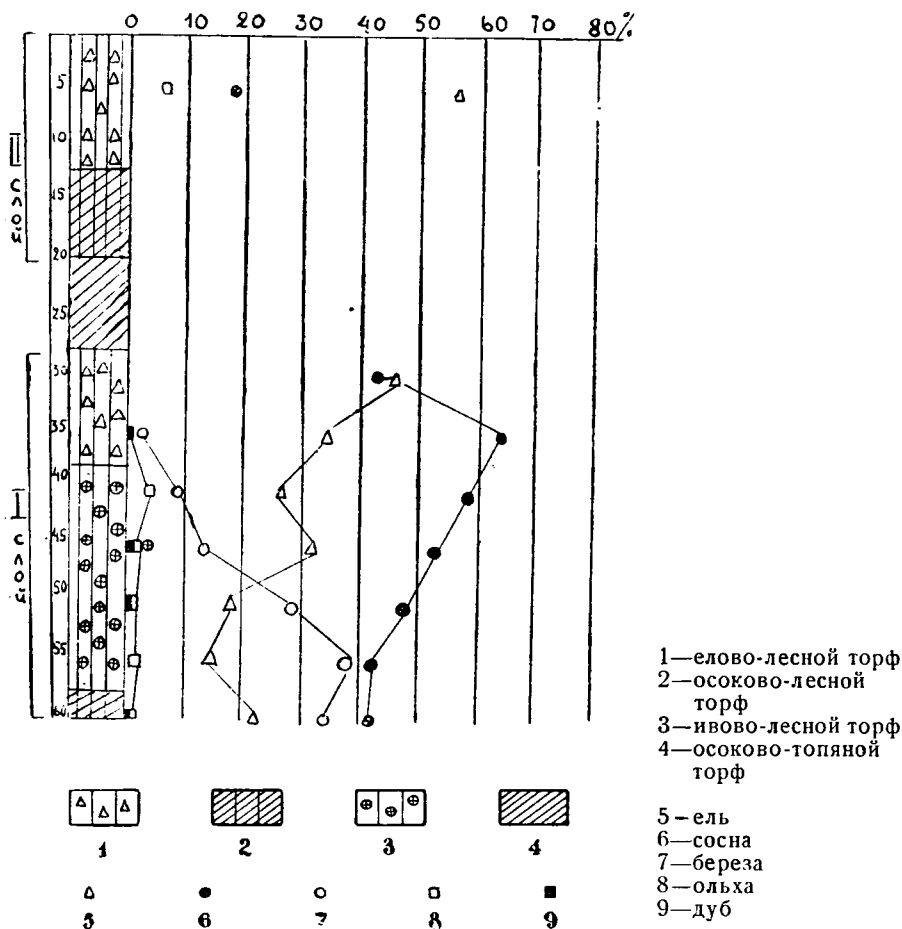

Рис. 4. Пыльцевая диаграмма Веретья.

зы, характеризуемой развитием ели и убыванием широколиственных пород. Присутствие дуба в лесах древнего Веретья указывает на мягкость климата и более высокую среднюю годовую температуру в сравнении с современной. Это подтверждается также и фаунистическими данными; в Нижнем Веретье, в слое, в котором обнаружена пыльца дуба, найдены кости теплолюбивых видов рыб, позднее исчезающих. Кости принадлежат красноперке, жереху и синцу — рыбам, которые в настоящее время севернее волжского бассейна не встречаются¹².

¹² Определение костей и заключение Г. В. Никольского.

Но следует отметить, что в Нижнем Веретье кости теплолюбивых видов рыб, так же, как и пыльца дуба, обнаружены в очень незначительном количестве (определенно 70 зубов) и что преобладающими видами были: щука, налим, окунь, лещ, лзъ, карась и плотва (общее количество их костей составляет около 1 500) ¹³.

Это дает основание предполагать, что уже в период, предшествовавший возникновению Нижнего Веретья, произошло снижение средней годовой температуры, отразившееся на речной фауне.

Судя по произведенным в процессе раскопок наблюдениям над залеганием культурных наслоений и по строению торфяника, приходится заключить о происходивших во время бытования Нижнего Веретья колебаниях климата то в сторону влажности, то некоторой сухости. Несомненно, что в начале возникновения древней стоянки в Веретье климат был суше, чем в последующие эпохи, так как культурные остатки поселения, содержащиеся в настоящее время в береговой части нижних слоев торфа, находятся под водой.

Пыльцевая диаграмма (рис. 4), показывающая увеличение ели в эпоху Нижнего Веретья, также не противоречит предположению о достаточно влажном режиме в это время.

С наступлением же сильного увлажнения уровень воды настолько повысился, что древнее Веретье было целиком затоплено, и в жизни стоянки наступил перерыв, которому соответствует отложение осоково-топяного торфа, не содержащего никаких культурных остатков.

Путем наблюдения над строением торфяника Веретья можно представить не только нарастание торфа, но и происходящий одновременно процесс образования культурных наслоений. В самом начале возникновения древней стоянки, обособившейся на береговой полосе (галечнике) (рис. 6) потерянные предметы падали на песок, затем по мере заболачивания, зарастания осокой, — в сырую мягкую почву, а в дальнейшем, с развитием торфообразования, они оказывались в торфе.

Благоприятные условия — мягкость и влажность почвы, способствовали хорошей сохранности костяных и роговых изделий, как и остатков фауны Веретья.

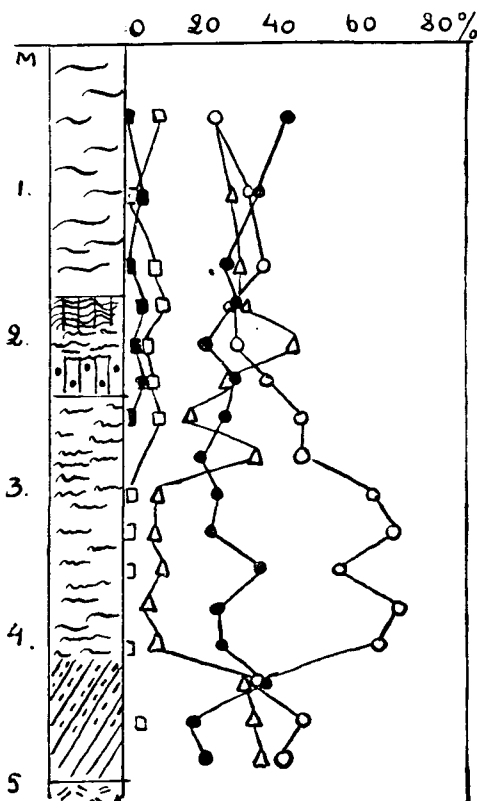

Рис. 5. Пыльцевая диаграмма окрестностей Веретья.

¹³ Определение Г. В. Никольского

Вторичное заселение Веретья произошло уже в период подсыхания торфяника. Процесс торфообразования продолжался и в эту эпоху, а одновременно с ним и нарастание нового культурного слоя. К сожалению, торф, содержащий культурные остатки поздней стоянки, настолько разложился, что почти не сохранились ни лытыца, ни древесина. Удалось определить лишь три вида деревьев: ель, сосну и ольху. При изучении остеологического материала обнаружены современные виды рыб, водившиеся в бассейне о. Лача: щука, окунь, налим и лещ. Повидимому, природные условия в эту эпоху ничем не отличались от настоящего времени. Следует лишь отметить, что в момент вторичного заселения Веретья уровень воды Кинемы был ниже современного, так как культурный слой береговой части позднего Веретья находится в настоящее время тоже под водой (рис. 3).

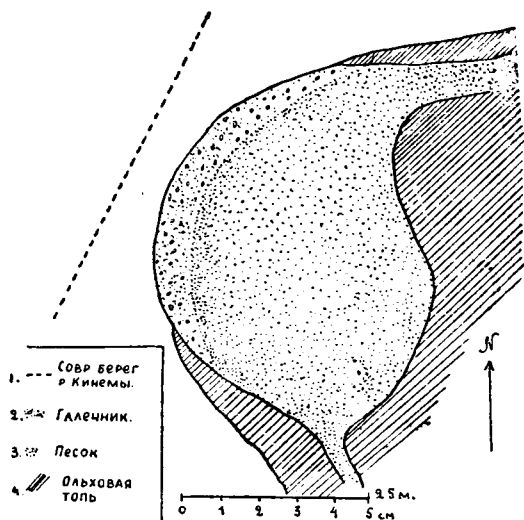

Рис. 6. План Веретья до отложения торфа.

фообразования¹⁴. Оно превратилось в болотистые топи, вода из которых поступала в р. Кинему с ее притоками.

Эти же процессы уменьшили древний водоем, омывавший Веретье, до размеров нынешнего о. Лача. Повидимому ландшафт принял почти современный вид в эпоху, предшествовавшую вторичному заселению Веретья, и поздняя стоянка уже существовала в условиях, близких теперешним.

Выводы о климатических изменениях в период обитания стоянок в Веретье основаны на наблюдениях над небольшим участком, но они не противоречат общему заключению советских торфоведа в отношении всей северо-западной области.

Вопреки гипотезе Блитта Сернандера, представляющего суббореальный период с сухим и теплым климатом, часть советских археологов¹⁵ при изучении торфяников Северо-западной области за последнее время пришла к иным выводам. Допуская возможность наступления в суббореальный период кратковременных волн относительной сухости, они выдвинули новую гипотезу об общем

Подводя итог, приходим к выводу: во время существования обеих стоянок климатические перемены в данном географическом районе сводятся к похолоданию и увлажнению по сравнению с предшествовавшим периодом, что и вызывает исчезновение теплолюбивых видов растений и рыбной фауны.

Судя же по шурфовке дна р. Кинемы, обнаружившей озерные отложения (рис. 3), можно предполагать также о переменах и в ландшафте. Озерные отложения дают основание гипотезе о существовании в период древнего Веретья озера (рис. 6), заросшего в связи с процессом тор-

¹⁴ Исследование дна Кинемы и чертеж с реконструкцией ландшафта Д. А. Герасимова.

¹⁵ Г. А. Благовещенский, К. К. Марковым и др.

влажном режиме в этот период. Такие торфяники, как Веретье, являются как будто подтверждением приведенной только что гипотезы.

Изменения, происходившие в климате, не отразились на животном мире. В лесах, судя по костям, найденным в Веретье, в период древней стоянки водились лось, бобр, медведь, волк, куница, белка и северный олень.

В Верхнем Веретье состав животных тот же, за исключением лишь северного оленя, которого немного было и в Нижнем Веретье. Повидимому, северный олень попадал в Веретье во время своего кочевья, только в зимнее время.

Большую часть остеологического материала, как Нижнего, так и Верхнего Веретья составляют кости лося и бобра¹⁶. Остатки этих животных найдены в

Рис. 7. Погребение в Верхнем Веретье.

таком количестве (особенно бобр), что дают представление об основном составе пищи охотничьего поселения: наряду с рыбой потреблялось главным образом мясо бобра и лося.

Интересно отметить, что и в древней Руси бобр привлекал население не только своим мехом, но и мясом¹⁷.

Разнообразие костей животных Нижнего Веретья послужило В. Е. Кошелеву

¹⁶ По определению В. Е. Кошелева, обработавшего материалы раскопок 1930 г. (с 40 кв. м), найденные кости принадлежали: 11 — особям лося, 23 — бобра, 2 — северного оленя, 2 — медведя; кроме того, найдено 8 челюстей куницы; 96 костей домашней собаки принадлежали 2—3 экземплярам.

Кости животных последующих годов были определены Н. А. Евтюховым. Среди них оказалось больше всего бобра, лося, затем куницы, медведя и водяной крысы, а также — кости 2—3 экземпляров собаки.

¹⁷ Аристов Н. «Промышленность древней Руси». Спб., 1896 г., стр. 76.

основанием совершенно правильно заключить, что туши зверей раздвигались на месте стоянки. Здесь находились черепа, трубчатые кости конечностей, фаланги, пробитые острым оружием, оставившим характерные изругтые отверстия, позвонки и пр. У двух черепов лося рога были сбиты; к одному из них удалось подыскать осколок рога. Все эти остатки фауны, как и костяные изделия, хорошо сохранились.

Наибольший интерес представляют кости домашней собаки, единственного животного, прирученного на севере в эпоху позднего неолита. Этот вид собаки близко подходит по своим размерам к торфяной собаке из свайных построек (по Rüttimeer'у), по массивности же костей ближе стоит к *Canis Inostranzevi* ¹⁶.

В Нижнем Веретье найдены кости пяти собак, что составляет большую цифру, принимая во внимание величину раскопанной площади — 156 кв. м.

Можно предполагать, что в Нижнем Веретье собака уже была помощником человека на охоте.

Дополнением к фауне диких животных является птица, преимущественно болотная: дикая утка, гагара, дикий гусь и лебедь ¹⁸.

О костях различных видов рыбы уже упоминалось выше; здесь следует добавить, что, помимо костей, при раскопках находилась следжавшаяся рыба чешуя в виде отдельных скоплений в нескольких пунктах стоянки, послужившая также для определения видов рыб.

К сожалению, культурные наслоения Веретья, изобилующие материалами, характеризующими природное окружение, а также предметами, определяющими хозяйство, очень бедны данными, по которым можно было бы судить о бытовом устройстве стоянок. Раскопками обнаружены очаги (в Верхнем Веретье) и следы кострищ (в Нижнем Веретье), поблизости от которых концентрировались находки. Никаких остатков жилищ не сохранилось (подробнее см. ниже).

Обработка кости

Кости животных со следами обработки, а также целые и фрагментированные изделия из кости и рога, дают образцы не только работы: по ним можно судить и об инструментах, употреблявшихся на той или другой стадии изготовления предметов. Отличаясь в деталях, обработка кости и рога производилась почти одинаковыми способами. Но рог употреблялся как материал значительно реже, чем кость.

Как указывает современная практика, кость могла подвергаться обработке лишь в состоянии размягченном и легко поддающемся воздействию орудий, будучи к тому подготовлена каким-либо способом (например распариванием) ¹⁹.

Первичная стадия обработки состояла в приготовлении болванки, т. е. в моделировке, употребляя выражение, принятое у современных кустарей. Для этого у рога лося или оленя удалялись боковые отростки ударами каменного топора ²⁰, тесла или долота.

Судя по следам, сохранившимся в виде коротких фасеток на многих роговых изделиях и напоминающим поверхность отесанного дерева, можно ду-

¹⁸ Определение Н. А. Евтюхова.

¹⁹ В современном кустарном производстве кость до начала обработки обезжиривается посредством выпаривания в воде. См. Б. Зубакин «Холмогорская резьба по кости», Архангельск, 1931, стр. 21.

²⁰ Что отмечает и А. В. Шмидт: «Обломки оленьих рогов несут следы рубки. может быть, производившейся каменным топором или теслом, как у эскимосов или чукчей еще в медвежес время», «Древний могильник на Кольском заливе». — Материалы Комиссии экспедиц. исслед. ВАН, 1929 г., вып. 23, стр. 151.

мать, что затупленные и заостренные концы предметов в таких случаях обрабатывались тем же теслом или, быть может, кремневым ножом, короткими срезами (табл. II, 9).

Трубчатые кости крупных животных (лося, медведя и др.), после того, как у них отрезались крупные утолщения сочленений, раскалывались вдоль на части каменным клином или долотом. Подобная последовательная обработка отмечена еще Иностранцевым в описании остеологического материала Ладожской стоянки. Вслед затем поверхность кости подвергалась обработке скребками для удаления наружного слоя и губчатого внутреннего. Рог, если он расщелялся так, что открывалась его внутренняя губчатая часть, претерпевал такую же операцию.

Следы работы скребком бывают заметны на поверхности кости и рога в виде грубых царапин, расположенных в беспорядке, иногда покрывающих сплошь всю поверхность кости, иногда же располагающихся довольно широкими параллельными бороздами. Последнее замечает, очевидно, от лезвия скребка, обработанного с большей или меньшей небрежностью.

Скребки применялись не только для удаления лишних частей материала при первичной обработке, но и при следовавшем за этим заглаживании поверхности, для чего, должно быть, употреблялись скребки с ровным прямым лезвием, вторично ретушированным — при обработке плоской поверхности, и с вогнутым полукруглым лезвием — при обработке предметов цилиндрической формы (например при заглаживании и выравнивании черешков наконечников стрел).

При окончательной отделке поверхности могли употребляться особого типа ножи, подобные тем, какие существовали еще в XIX в. у эскимосов. Они изготовлялись из костяной основы с назами по лезвию, куда вкладывались тонкие кремневые пластинки, укреплявшиеся посредством смолы. Такими ножами эскимосы пользовались при разных тонких работах: зачистке поверхности кожи, дерева, кости и рога ²¹.

Находки костяных орудий с желобками по лезвию и кремневых пластинок мелкого размера, с острыми параллельными краями, в неолитических стоянках передки, как и в стоянках более поздних культур. Были они и на Веребье. Обычно костяные орудия, подобные эскимосским ножам, археологи называют кинжалами, исходя из совершенно неправильных предположений о военном-охотничьем их назначении. Археологический материал не может дать этому предположению никаких подтверждений, сравнения же из области этнографии его прямо опровергают. Противоречит ему, кажется, и сама очевидность: трудно представить себе, чтобы оружие, состоящее из довольно массивной костяной основы, заключающей в толстых стенках кремневые лезвия, могло при ударе проникнуть в тело животного. Кинжалу необходим и тонкий клинок, совершенно несходный с формой нашего орудия.

На поверхности кости, при скоблении ножом со вкладышами или кремневым осколком, получались очень тонкие, едва видимые штрихи, заметные все же при тщательном рассматривании на всех костяных изделиях.

При вырезывании из кости и рога перед тем, как пустить в ход специальное орудие, наносили схематический контур намеченной к изготовлению вещи. На многих незаконченных или испорченных в процессе изготовления вещей сохранились отчетливые следы контурной разметки. Для этого мог служить даже случайный остроконечный осколок. При резьбе же по контуру требовалось уже не только острое, но очень крепкое орудие, так как проникновение его в кость достигалось посредством сильного нажима на рабочий конец. Таким орудием в неолите, как и в палеолитическую эпоху, был резец.

²¹ Porsild «Geräte der Eskimo», «Zeitschrift für Ethnologie» 1912 г., кн. III—IV.

По намеченному на кости контуру резцом должны были проводить с значительной силой много раз, чтобы образовалась глубокая и довольно широкая борозда (табл. VIII, 10 и XII, 29). Затем, судя по оставшимся следам, посредством долота удалялись лишние части. Повторением этого приема надрезывания и обкалывания получалась болванка задуманного изделия. С помощью резца или ножа вырезались на костяных орудиях (например, на гарпунах и ножах) пазы по лезвию для кремневых вкладышей (табл. XII, 9). При этом употреблялся тот же прием, что и при изготовлении болванки: тонкими линиями намечались границы паза, по которым затем и производилось углубление. Получаемый таким образом желобок в поперечном сечении всегда дает острый угол, совпадающий с острым углом рабочего конца резца или дугοобразного ножа, что удалось несколько раз проверить. На конце паза нередко можно заметить тонкие надрезы, образовавшиеся при проникновении режущего орудия за пределы намеченных ранее границ. Эти следы лишний раз подтверждают наше предположение о вырезании, а не выпиливании паза, что доказывается также и едва заметной уступчатостью самих стенок пазов. Таким образом можно думать, что резцы и ножи указанного типа были главными, если не единственными орудиями для разрезания кости и резьбы по ней.

У многих современных северных народов, например, у эскимосов, чукчей и юкагир²², обработка кости производится главным образом с помощью ножа. Им соскабливают поверхностный слой, режут на части, сглаживают шероховатости и наносят узоры. Таким образом при обработке кости резцы и ножи выполняли функции не только режущих, но и пилящих орудий.

Окончательная отделка костяных изделий заключалась в шлифовании и полировке на плитах из песчаника или из каких-либо более твердых пород камня. Посредством шлифовки, состоявшей в трении предмета о каменную плиту с подсыпкой мокрого песка, получалась законченная форма, отделялись края, выравнивалось и затачивалось лезвие. От такой шлифовки иногда сохранялись характерные очень тонкие и частые штрихи, сплошь покрывающие поверхность предмета.

В заключении процесса обработки костяные изделия подвергались полированию. При полировании песок не употреблялся, а вещь, подвергаясь трению о мокрую каменную плиту, приобретала блестящую поверхность (так же, как и каменные изделия, что проверялось на опыте автором статьи).

Провертывание отверстия в костяных и роговых изделиях производилось преимущественно с помощью кремневого сверла. У одного гарпуна отверстие в разрезе расширяется в обе стороны, что указывает на двустороннее провертывание с помощью сверла. Чаще же отверстия вырезались и продавливались. Это особенно хорошо видно на роговых изделиях, например, на кирке (табл. V, 2), овальное отверстие втулки которой тщательно вырезано из губчатого вещества рога, а затем пробито долотом, оставившим следы в виде узких желобков.

Здесь интересно отметить, что в одном слое вместе с киркой найдено костяное долото с узким рабочим концом, в точности совпадающим по ширине с желобчатыми углублениями в стенке втулки кирки (табл. XI, 15). Таким образом с большой долей вероятности можно предполагать, что именно этим или совершенно подобным ему долотом пользовались и при пробивании отверстия у кирки. Аналогичным способом сделаны отверстия у выпрямителя древков (табл. VI, 3), в роговом футляре каменного тоеса, или топора и в дру-

²² Это отмечает и А. В. Шмидт, Указ. соч., стр. 151.

гих предметах. У некоторых костяных изделий отверстия просто прорезались, как например у свистка (табл. IV, 11), удильного крючка (табл. IV, 10) и др.

Обработка дерева

Веретье сохранило нам в небольшом числе также изделия из дерева. Они происходят главным образом из нижних слоев торфа, лежащих ниже уровня речных и грунтовых вод, поэтому очень влажных, — обстоятельство, которое, несомненно, способствовало консервации дерева. Судя по древесным остаткам в пыльце²³, сохранившимся в торфе, материалом для изделий могли служить сосна, ель, береза, ольха, вяз, ива и дуб. По найденным предметам, например, древку копья²⁴, наконечникам стрел и др., можно думать, что предпочтительно употреблялась сосна.

При обработке дерева применялись те же орудия, что и при обработке кости и рога. Однако на первое место выступают топор и в особенности тесло. Таким орудием можно было производить весьма разнообразные работы: рубить дерево, обтесывать болванки, обрабатывать их поверхность и т. д. Тесло, благодаря соединению в себе разнообразных функций, было широко распространено во все времена, начиная с неолитической эпохи²⁵.

На Веретье наряду с теслом употреблялись также режущие и скобящие орудия. Обстругивание мелких изделий, вроде наконечников стрел или древков, удаление сучков, зазубрин, шероховатостей производились кремневыми скребками и ножами (причем не исключена возможность употребления и простых кремневых осколков²⁶). Следы работы скребком отчетливо сохранялись в виде бороздок, например на одном обломке деревянной лопаточки.

НИЖНЕЕ ВЕРЕТЬЕ

При раскопках культурного наложения Нижнего Веретья (154 кв. м) найдено 570 предметов: 314 из рога, кости и дерева и 156 из кремня, сланца и других пород камня. Кроме того, как упоминалось выше, обнаружен остеологический материал (около двух тысяч костей животных и птиц и более 1500 костей рыб). Никаких следов жилищ и очагов не было. Кое-где попадавшиеся отдельные кусочки углей и скопления их, сопровождаемые пережеванной рыбой чешуей, костями, иногда остатками обгоревшего дерева, свидетельствуют о несомненном пользовании на площади поселения кострами и о приготовлении на них пищи. Можно только предполагать, что жилища были наземными, без грунтовых ям, в виде шалашей и чумов.

В раскопках прибрежной части стоянки довольно часто попадались стволы деревьев в 2,5—5,5 см толщины: березы, сосны и ели. Присутствие их поблизости от воды, всегда в горизонтальном положении, наводит на мысль, что

²³ Анализ пыльцы произведен в Моск. торф. ин-те научн. сотрудником С. Н. Тюремовым. См. М. Е. Фосс «Стоянка доисторического человека на торфяном болоте». «Торфяное дело», 1934 г., № 6.

²⁴ Определение древесины этого копья с помощью шлифа произведено в названном институте; материал остальных вещей определен автором по внешним признакам.

²⁵ Что отмечалось не раз; см. напр. Goury «L'homme de Cités lacustres», P., 1932 г.

У малокультурных народов, как, например, на Новой Гвинее и др. островах Океании, каменное тесло совсем еще в недавнее время весьма широко применялось при обработке дерева. Там оно очень часто заменяло целый ряд орудий (топор, струг, рубанок).

²⁶ Подобно тому как в настоящее время зачистка поверхности дерева производится осколком стекла.

это явление не случайно. Хотя деревья были с корой, без всяких признаков обработки, концы же были сгнившие, как и сердцевина, возникает предположение, не представляют ли они остатки гати или помоста, устроенного в заболоченной части стаянки. Но возможно, что берег просто заваливался приносимыми сюда деревьями и ветками. Нет основания предполагать в этом месте лесной поросли, так как корней и нижних частей стволов, стоявших вертикально, не обнаружено.

В распределении находок особенно следует отметить сосредоточение их по середине вскрытой площади (табл. XIV, 2); позидному, здесь главным образом протекала жизнь населения: на этом участке раскопок найдены наиболее ценные предметы (выпрямитель древков, топор и кирка из рога, большого размера гарпуны и наконечник стрел и пр.) и крупные кости животных: череп, рога лося и т. п.

Вообще торф Веретья, особенно в нижних слоях, насыщен остатками фауны. Значительная часть их дошла до нас в виде обломков со следами обработки, по которым можно судить, не только для каких изделий употреблялась кость, но также и о том, как и какими орудиями и с помощью каких технических приемов производилась самая обработка.

Костяные и деревянные изделия

Изделия из кости, рога и дерева, соответственно их назначению и роли в хозяйственной жизни, можно распределить по нескольким группам.

К первой и самой значительной по объему группе относятся орудия охоты и рыболовства: стрелы, дротики, гарпуны, луки, рыболовные крючки и поплавки для сетей, а также выпрямитель древков и свисток.

Вторую группу, опять-таки довольно многочисленную, составляют орудия, служившие для обработки сырых материалов и для изготовления различных изделий из дерева, кожи, лыка, волокнистых веществ и пр. Это долота, струги, ложила, ножи с кремневыми лезвиями, кочедыки, шила, иглы для шитья одежды и плетения сетей, кирка, топор и пр. К этому перечню следует прибавить бусы, найденные отдельно от орудий, необходимые для большинства из них.

Наконец, имеется несколько предметов непонятного назначения, как, например, лопаточки небольших размеров и т. п. Этим исчерпывается круг хозяйственно-бытовых предметов. Особняком стоит группа, состоящая из украшений и вещей культового и магического значения.

Орудия охоты²⁷

Судя по многократным находкам наконечников стрел (в общей сложности найдены 40 целых и обломков), самым распространенным орудием охоты, как и повсюду на стоянках эпохи неолита, был лук.

Но насколько вообще часты и обычны находки наконечников стрел, настолько же редки находки самих луков. Известны находки луков лишь в болотных и озерных стоянках Западной Европы, например в Клерве²⁸ и Робепгаузене²⁹, а у нас в Союзе — в Шигирском³⁰ и Горбуновском³¹ торфяниках. В Веретье найдены один обломок и один фрагментированный лук.

²⁷ Часть этого раздела и введения отдельными выдержками опубликована в 1939 г. в Хрестоматии по истории Карелии А. М. Лиевским.

²⁸ G. Goury «L'homme des Cités lacustres», P., 1932 г., стр. 42.

²⁹ A. Mortillet «Musée préhistorique», P., 1891 г., табл. XIV, № 410.

³⁰ П. А. Дмитриев «Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе», «Из истории родового общества на территории СССР», изд. ГИАИМК, 1934 г., стр. 189—190, рис. 16.

³¹ Д. Н. Эдинг «Горбуновский торфяник». Матер. по изучению Тагильского округа, Н. Тагил, 1929 г., стр. 9.

Судя по луку, сохранившемуся почти полностью, длина его не превышала 0,65 м (табл. XI, 12) при толщине в 1,7 см посредине. По обломкам другого определить размеры не представляется возможным; вообще, размеры лука отнюдь не служат определяющим признаком его боеиспособности и дальноточности. Известно, например, что луки бушменов, не превышающие двух футов в длину³², при толщине около дюйма, посылают стрелы на расстояние до 250 шагов. Причина дальноточности лука заключается прежде всего в степени упругости послужившего для его изготовления материала. Из какого материала изготовлены луки, найденные в Европе, известно; это — тисс и бук, очень крепкое, упругое дерево. Лук Веретья изготовлен из ели³³, но тем не менее по своим качествам он может расцениваться не ниже изготовленных из другого дерева. Известно, что в Енисейском округе луки делаются из той части ели, которая обращена к солнцу, где дерево отличается смолистостью и особой крепостью³⁴.

Незначительные размеры луков следует, может быть, объяснять исключительно местными условиями охоты, происходившей в лесу и не требовавшей от оружия такой дальноточности, которая необходима на открытых пространствах. Размер лука должен был, повидимому, зависеть также и от самого предмета охоты, т. е. от величины дичи. Луки, предназначенные для средней и мелкой дичи — для птицы, выдры, бобра и других подобных тем по величине животных, кости которых в огромном количестве найдены на Веретье, могли быть невелики.

Не исключена возможность выделки жителями Веретья и сложных луков, подобных тем, которые употреблялись, между прочим, еще до недавнего времени у народов, живущих в северных областях Европы, Азии и Америки, примыкающих к берегам Ледовитого океана. Не был ли роговой, довольно плоский предмет, найденный в Веретье (фрагментированный с одного конца), изображенный на табл. II, 10, частью подобного лука?

Наконечники стрел из кости извлечены из того же слоя, что и обломки лука, в количестве 36 экземпляров, в том числе из дерева 4 экземпляра (табл. I, 2, 5, 7, 8), не считая обломков. Все деревянные наконечники — сосновые, одного типа, с головкой биконической формы на конце; костяные наконечники стрел, будучи довольно разнообразны по форме, не одинаковы и по размерам (длина их колеблется от 4 до 27,5 см). Типологически они размещаются в пять групп: стилевидные или игловидные (по П. А. Дмитриеву³⁵), четырехгранные, веретенообразные (так называемые шигирского типа), листовидные и ланцетовидные (табл. XV, 8—21).

К стилевидным отнесены наконечники в виде тонких, круглых в поперечном сечении стержней с заостренными концами (табл. II, 1), напоминающие античные костяные стили для письма. Точно такие же наконечники имеются в Кубенине (в культурном слое и в открытых там погребениях), датированные серединой 2-го тысячелетия до нашей эры³⁶.

Ближние по размерам наконечники (табл. II, 3), имеющие в поперечном

³² Д. Н. Анучин «О древнем луке и стрелах», Труды V археологического съезда в Тифлисе, 1886, стр. 342.

³³ По определению науч. сотр. Моск. Лесохимич. ин-та А. Савиной.

³⁴ М. Ф. Кривошапкин «Енисейский округ и его жизнь», т. II, Спб., 1865 г., стр. 94.

³⁵ П. А. Дмитриев, указ. соч., стр. 191, рис. 18.

³⁶ М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино». Сб. статей по археологии СССР, ГИМ. М. 1938, табл. I. Подобный тип известен по Шигирскому торфянику. См. В. Толмачев «Древности восточного Урала». Екатеринбург, 1914 г., т. II, табл. IX.

сочетании квадрат, названы нами четырехгранными, к ним приближаются также изображенные на табл. II, 2 — с намечающимся черешком.

Наконечники с характерным биконическим утолщением на конце, образующим головку, известны в археологии под названием наконечников «шигирского типа». Основываясь на сходстве с веретеном, их также называли веретенообразными. Эта группа содержит несколько разновидностей, которые отличаются друг от друга главным образом формой головки. Чаще всего ее форма правильно биконическая (табл. I, 6—8), или с утолщением в нижней части, у черешка (табл. I, 4), иногда с рельефным ободком посредине (табл. I, 3, 5, 9, 12, 14); иной раз на самом конце головка образует второе, меньшее утолщение (табл. I, 12). Есть и такие наконечники, у которых головка превращается в сильно вытянутый цилиндр, с заострением на конце, составляющим почти половину длины всего наконечника (табл. I, 11). Иногда подобные наконечники имеют два утолщения у концов (табл. I, 10).

Наконечники шигирского типа различаются также по длине черешка, которая колеблется от полутора до семнадцати см. (табл. I).

Ланцетовидными мы называем наконечники, изображенные на табл. II, 4 с черешком и плоской, несколько расширяющейся верхней частью. У одного из таких наконечников сбоку вырезан паз для кремневых вкладышей, образующих острое лезвие. Такие наконечники распространены также в шигирской культуре.

К ланцетовидным весьма близок тип наконечников листовидный. Последние также имеют черешок, но верхняя часть их значительно шире и приближается к форме лаврового листа; в одном случае черешок достигает до 19 см (табл. I, 1).

Разнообразие форм наконечников стрел в одном и том же культурном слое объясняется высокой степенью развития охотничьей техники и разнообразием ее приемов. Очевидно, форму и размер наконечников варьировали применительно к тому или другому объекту охоты, и каждый вариант отвечал определенным требованиям меткости попадания, убийной силы или дальности полета стрелы. Несомненно, что создание и закрепление форм происходило в соответствии с наблюдениями и навыками, приобретающимися на охоте. Многообразие типов наконечников стрел наблюдается и на стоянках восточного Урала³⁷.

Среди наконечников Веретья преобладают наконечники шигирского типа (из общего числа 16 экземпляров). Их много на Урале, есть они в Прибалтике, находили их в центральной части Восточной Европы³⁸, и в Карелии³⁹, и в Восточной Сибири⁴⁰. И поскольку широкое их распространение не может быть объяснено ни случайными совпадениями, ни культурным заимствованием, нужно искать причину этого явления в одинаковых условиях хозяйственного уклада и, особенно, охотничьих приемов.

Если учесть значение наконечника стрелы в сумме его функций, т. е., не только как острья, и как более твердой, поражающей части стрелы, но и служащей для увеличения инерции всего снаряда, сообщения ему большего

³⁷ П. А. Дмитриев, указ соч. стр. 193.

³⁸ В. М. Иверсен «Новые вещи Волосовской стоянки». ЗРРАО, т. V, в. 1, 1903 г., табл. XIX, 2; по сведениям В. И. Смирнова, бывш. зав. Костромск. муз., наконечник подобного типа найден в 6. Костромск. губ., Чухломском у. на р. Вексе, бл. села Федоровского; по сведениям сотрудницы Моск. инст. краеведения В. А. Тихомировой, подобная же находка имеется в Горьковской обл.

³⁹ По сведениям А. Я. Брюсова, наконечник шигирского типа найден с человеческим погребением на Большом Оленьем острове Онежского озера.

⁴⁰ Проблемы истории докапиталистического об-ва. 1934 г., № 7—8, стр. 153, рис. 3.

количества движения⁴¹, а в связи с этим и более правильной траектории полета, понятным становится преобладание среди наконечников именно шигирского и листовидного типа, расширяющихся или утолщающихся на конце. Весьма ограниченные технические требования и возможности тех времен, бедность выбора материала, совершенно одинаковые способы и орудия его обработки — все это должно было привести к появлению, в самых разных местах, орудий одних и тех же типов, с наибольшей степенью совершенства отвечающих требованиям эпохи.

В общем же, наконечники стрел поражают тщательностью отделки, тонкостью работы, законченностью и правильностью форм. Они свидетельствуют весьма красноречиво о громадном значении, которое имели орудия охоты в хозяйственной жизни Веретя.

Хотя при изготовлении наконечников стрел главное значение имели лишь практические соображения, но нельзя не отметить, однако, и стремления украсить орудия. Наконечник, изображенный на табл. I, 11, орнаментирован рядами скошенных крестиков. У некоторых наконечников шигирского типа, как уже упоминалось, вокруг головки оставались рельефные валики (табл. I), практического значения, повидимому, не имевшие.

Замечательной и уникальной находкой было древко копья⁴², длиной в 2,7 м при толщине в середине 2,2 см, один из его концов утончается до 1 см в поперечнике⁴³. Никаких признаков присоединения к нему наконечника не сохранилось, и, быть может, перед нами не древко, а копье, подобное некоторым австралийским копьям.

Возможно также, что деревянный наконечник стрелы (табл. I, 2), нижний конец которого фрагментирован, представляет собой обломок целой стрелы.

Рядом с этими находками можно поставить еще один деревянный предмет, служивший, очевидно, древку дротика. Его длина равна 57 см при диаметре у нижнего конца в 2 см и у верхнего в 0,5 см⁴⁴. Кроме того, имеется несколько небольших деревянных обломков с круглым поперечным сечением, представляющих собой фрагменты черенков деревянных наконечников стрел.

Скрепление этих наконечников с древками производилось по способу, широко применявшемуся в неолитическую эпоху, — посредством смолы.

Остатки ее отмечены П. А. Дмитриевым на черешках костяных наконечников, найденных на восточно-уральских стоянках. Имеется она и на кремневых наконечниках, найденных на Летнем берегу Белого моря.

В Верете смола обнаружена на некоторых наконечниках, причем на одном из них (деревянном) осталась часть берестяной обмотки, наклеивавшейся на место скрепления наконечника с древком. Такой же точно способ практикуется и у многих современных охотничьих народов Азии, например, у остяков, употребляющих для обмотки тонкую бересту и клей⁴⁵.

К охотничьему инвентарю Веретя принадлежит также орудие, известное в археологии под названием начальнического жезла. Оно сделано из рога оленя, имеет в длину 42 см, частично отполировано и украшено по всей поверхности простым геометрическим орнаментом из тонких пересекающихся линий. На одном из концов «жезла» продолблено отверстие диаметром в 1,8 см, другой конец обломан (табл. VI, 3). Палеолитические «жезлы» были без орнамента

⁴¹ Ануцин, указ. соч.

⁴² Еще одна находка древка копья известна в овальных постройках Швейцарии. Изображено у Ранке «Человек», т. II на стр. 590.

⁴³ Находится в ГИМ.

⁴⁴ Находится в ГИМ.

⁴⁵ Изделия остяков Тобольской губ., «Ежегодник Тобольск. губ. музея», вып. XIX, Тобольск, 1911 г. стр. 131.

и с узорами, большею частью с резными изображениями животных; количество же отверстий доходило до четырех. «Жезлы» неолита известны только с одним отверстием. Разнообразные и противоречивые мнения о назначении «жезлов»⁴⁶ сменились более правдоподобными, с нашей точки зрения, объяснениями, определяющими их как орудия для выпрямления древов⁴⁷. копий и стрел, а также для разминания ремней. Действительно, подобные орудия являются неотъемлемой принадлежностью инвентаря многих охотничьих народов еще в XIX в. в Северной Азии и Америке. Они имели широкое распространение, территориально и во времени, в древних культурах. Выпрямитель древов известен в археологии Западной Европы и у нас в Союзе на протяжении всего верхнего палеолита и неолита⁴⁸, и распространение его совпадает с расцветом охотничьего хозяйства. К охотничьему же инвентарю принадлежит и найденный в нижнем культурном слое свисток (табл. IV, 11), сделанный из трубчатой кости птицы или мелкого четвероногого, с небольшим отверстием на одном конце, как и у теперешних свистков. Находки подобных предметов крайне редки; нам известен один лишь свисток, также относящийся ко времени неолита и найденный в Алексинском уезде б. Тульской губ.⁴⁹. Позднее свистки встречаются в культурах типа Дьякова⁵⁰. Смысл его, как охотничьего орудия, заключается в приманивании птиц звукоподражанием. Маженькая простейшая дудочка и сейчас кое-где употребляется охотниками и птицеводами.

Наряду с луком и стрелами на Веретье в большом ходу были гарпуны⁵¹.

Найдены они в числе 50 экземпляров. Почти все гарпуны, за исключением двух, односторонние и различаются между собою размерами самих наконечников, а также величиной, количеством и формой зубцов (табл. III и IV). Величина наконечников доходит до 26,5 см при минимуме в 7 см. Однозубчатые гарпуны отличаются друг от друга лишь размерами (табл. III, 1, 5; IV, 3, 8), многозубчатые же, кроме того, резко разделяются на крупно- и мелкозубчатые (табл. III, 2—4, 6; IV, 1—2, 4—5; XVI, 16—28).

Среди последних особенно любопытны два наконечника. Один из них, тщательно отполированный, имеет на спинке желобок для кремневых вкладышей, а с другой стороны — пять зубцов. В нижней части наконечника сделано отверстие для привязи шнура (табл. IV, 2). Другой наконечник (табл. IV, 5), снабжен на нижнем конце желобком для привязи шнура. Но кроме этого у него имеется еще второй желобок на верхнем конце, предназначенный, по-видимому, для прикрепления кремневого острия. Это предположение основано на находке А. В. Шмидта⁵², при раскопках могильника на Оленьем острове в Кольском заливе: к костяному наконечнику гарпуна с помощью клейкой массы прикреплен был каменный наконечник. По предположению Шмидта, ссылающегося на наблюдения ихтиолога Н. А. Смирнова, наконечник этот служил для охоты на морского зайца и других ластоногих. У эскимосов Гренландии были в употреблении костяные гарпуны с каменными наконечниками для охо-

⁴⁶ Г. Обермайер «Донисторический человек». II, 1913 г. стр. 230.

⁴⁷ Pfeiffer L. «Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen». Jena, 1930, стр. 62.

⁴⁸ Г. Обермайер, указ. соч. Стр. 545. П. П. Ефименко «Первобытное общество», 1938, стр. 500, а также Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. 1918—1919 гг., стр. 314—315. 1926—1927 г., стр. 49, 99, 107.

⁴⁹ Коллекция Гос. Исторического Музея. Находка Поленова у сел. Бехова.

⁵⁰ Например в Каширском городище. В. А. Городцов «Старшее Каширское городище». Изв. ГАИМК, вып. 85, Л. 1934, стр. 32, табл. VII, 9.

⁵¹ В археологических описаниях всякие наконечники с зубцами принято называть гарпунами. В дальнейшем я буду также придерживаться условного обозначения, отнюдь не подразумевая под этим каждый раз орудие с подвижным отделяющимся наконечником.

⁵² А. В. Шмидт, указ. соч., стр. 141.

ты на морских бобров, специально для прободения толстой шкуры животного⁵³. Весьма возможно, что в Веретье подобные гарпуны употреблялись для охоты на речного бобра, кости которого в изобилии встречаются на стоянке.

Среди крупнозубчатых гарпунов выделяется группа пакопечников с клювообразными зубцами (табл. III, 3), аналоги которым имеются в Льяловской стоянке⁵⁴, в Волосове⁵⁵, Шингирском торфянике⁵⁶ и других пунктах.

Назначение таких же точно гарпунов в охотничьем снаряжении эскимосов Гренландии и некоторые их механические особенности, зафиксированные этнографами со слов туземцев, быть может, нам помогут при изучении гарпунов Веретья. У эскимосов гарпуны с клювообразными зубцами служили как наконечники стрел, употреблявшиеся охотниками на оленя; достаточно такому гарпуну хотя бы слегка вонзиться в тело животного, как вращательное движение древка стрелы, развивающееся от бега животного, глубже вгоняет гарпун, зубец за зубцом, в рану животного. При этом, как уверяют охотники, клювообразная форма зубцов чрезвычайно способствует автоматическому проникновению гарпуна в тело. Такой пакопечник особенно ценится слабыми и старыми охотниками, уже не имеющими достаточно сил, чтобы поразить зверя обыкновенной стрелой⁵⁷.

Не могли ли подобные гарпуны Веретья равным образом служить для охоты на северного оленя и лося? Количество костей лося на стоянке весьма велико. Оно составляет около 45 % всего остеологического материала, добытого раскопками. Среди охотничьих орудий Веретья как костяных, так и каменных, за редким исключением, отсутствуют наконечники копий и дротиков. Весь охотничий инвентарь исчерпывается стрелами и гарпунами, вследствие чего, может быть и следует, со значительной долей вероятности, предположить применение для охоты на таких крупных животных, как олень и лось, лука со стрелами, снабженными в качестве пакопечников, зубчатыми гарпунами (табл. III, 3, 6). Какое-либо другое назначение этих пакопечников, например для охоты на птиц или рыбу, мало вероятно, так как все они весьма велики и толщина некоторых из них достигает 1—1,5 см.

Причины разнообразия типов гарпунов, как и пакопечников стрел, следует искать в разнообразии приемов и объектов охоты. Значительная часть гарпунов предназначалась, повидимому, специально для речного зверя и рыбы. Почти в таком же количестве, как и кости лося, на Веретье добыты кости бобра (около 40% всей остеологической коллекции). Много к тому же костей, принадлежащих крупным экземплярам рыбы: щуки и налимы достигали 87 см.

Для ловли рыбы в Веретье употребляли не только гарпуны, но также и удочку. Найденные в нижнем слое Веретья костяные удильные крючки (8 экземпляров) отличаются исключительно большими размерами (табл. IV. 9—10 и табл. XVI, 21—33). Крючки, приближающиеся по форме и величине к найденным на Веретье, могут быть указаны в ранних неолитических культурах Западной Европы (например в Дании⁵⁸ и в Восточной Пруссии⁵⁹). Как и гарпуны, крючки служили для ловли крупной хищной рыбы. На острый изог-

⁵³ Porsild, указ. соч.

⁵⁴ Б. С. Жуков «Неолитическая стоянка вблизи села Льялова Моск. уезда», Труды Антроп. института, 1925 г. в. I.

⁵⁵ Koudriavtsev P. «Les vestiges de l'homme». См. Congrès international d'archéologie, т. II, М., 1893, стр. 252, рис. 28.

⁵⁶ См. образцы в коллекциях Историч. музея и указ. соч. В. Толмачева, табл. V.

⁵⁷ Porsild, ук. соч.

⁵⁸ Mémoires des antiquaires du Nord, 1918—1919 гг., стр. 331, рис. 62.

⁵⁹ Schuchhardt Carl, «Alteuropa», Leipzig. 1926, стр. 35, рис. 10.

нутый конец крючка насаживалась, в качестве приманки, маленькая рыбка (так называемый «живец»). Такой крючок не нуждался в бородке для удержания схватившей его рыбы: крупная рыба заглатывала его целиком, и, благодаря большому размеру, он сам служил достаточным препятствием к тому, чтобы рыба «сорвалась». На р. Онете еще в настоящее время ловят щуку на самодельный, очень больших размеров деревянный крючок⁶⁰. Для ловли же мелкой рыбы, кости и чешуя которой в огромном количестве находятся в торфе Веретья, по всей вероятности, существовали сети (о чем речь ниже) и деревянного поплавка в виде плоского кружка с отверстием посредине (табл. V, 6). Находки на стоянках поплавок для сетей довольно редки. В Гольмгардтском торфянике (Дания) найден один подобный поплавок, но автор определил его как предмет неизвестного назначения⁶¹. У нас на Урале найдено несколько поплавок из дерева и сосновой коры при раскопках Горбуновского торфяника⁶².

Орудия для обработки сырых материалов

В Нижнем Веретье для обработки дерева, наряду с каменными орудиями, были в большом ходу орудия из рога и кости. На табл. VI, 1 изображен топор, изготовленный из рога лося, с прекрасно зашлифованным лезвием. Никаких признаков, указывающих на способ крепления его с рукояткой, нет, за исключением следов обтески обуха, дающих основание предположить, что боек вставлялся своей обуховой частью в особую роговую муфту, служившую сочленением рукоятки и бойка.

Возможно, что найденный нами обломок рогового орудия является частью подобной муфты; посредине его пробито отверстие для рукоятки, застрявший во втулке обломок которой уцелел до нашего времени. Но так как оба конца этого рогового предмета обломаны, наша догадка остается весьма спорной. Нельзя отрицать, например, и того, что первоначально орудие это могло иметь форму кирки, подобно описанной ниже.

При пробивании в дереве отверстий, пазов и т. п. могли употребляться долотовидные костяные орудия.

Имеется целый ассортимент (14 экземпляров) таких орудий, различающихся и по форме рабочего конца, и по величине.

Наиболее распространенный тип долота — со скошенным лезвием, известный по описанию Иностранцева⁶³ под названием «острия под углом в 45°»; делались эти долота из трубчатых костей животных. К единичным экземплярам относятся плоские долота с узким прямым лезвием (табл. XI, 15) или с лезвием выгнутым (табл. XI, 8).

Угловые долота могли применяться не только для долбления дерева и кости, но и, например, для сдираания лыка, как это делается в Каргопольском районе, по рассказам местных крестьян, и теперь. Долото, направляемое ударами по рукоятке, скользит лезвием под корой и сдирает с древесины полосы лыка шириной, соответствующей лезвию. Лыко же, судя по найденным в изобилии на Веретье костяным «кочедыкам», широко использовалось для плетения различных изделий. В Каргопольском районе еще и по настоя-

⁶⁰ По сведениям знатока края и завязаного рыболова Б. А. Капустина.

⁶¹ Mémoires des antiquaires du Nord, 1926—1927 гг., стр. 72.

⁶² Раскопки Д. Н. Эдингга. Коллекции Гос. Историч. Музея.

⁶³ А. А. Иностранцев «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера», 1882 г., СПб., стр. 145, табл. VII.

щее время употребляются деревянные и костяные кочедыки плоской формы со слегка заостренными концами.

Кочедыки (найдено 14 экземпляров) чаще всего изготовлены из метаподий лося. Среди них выделяется кочедык со скульптурным украшением в виде головки животного на верхнем конце орудия (табл. VII, 4). Более основательные и широкие кочедыки сделаны из трубчатых костей крупных животных (табл. XI, 17).

Из орудий, предназначенных для обработки сырых материалов, особенно следует отметить, как редко встречающуюся на стоянках находку, роговую кирку (табл. V, 2). Сделана она из бокового отростка лосиного рога со втулкой для рукоятки, от которой сохранились остатки, застрявшие в отверстии. Форма рога оставлена почти без изменения; обушковый конец сохранил естественное расширение и уплощение, характерное для основной части рога.

Роговые кирки еще более примитивной конструкции — без втулки для рукоятки, обнаружены в большом количестве в западноевропейских неолитических шахтах для добывания кремня⁶⁴. Кирки же, аналогичные нашей, известны в торфяных стоянках Дании⁶⁵. Находки роговых инструментов в шахтах и сходство по форме с современными кирками послужили основанием рассматривать их как орудия для разработки камня.

Так как в Веретье не обнаружено ни шахт, ни каменоломен, то было бы ошибочно найденную здесь кирку определить как орудие столь специального назначения. В соответствии с условиями стоянки кирку следует определять как универсальное орудие, применявшееся при всякого рода земляных работах, например для рытья ям, выкапывания корнеплодов, а также и для выкапывания кремневых валунов, что косвенно подтверждается некоторыми наблюдениями. В нижнем слое, где была найдена кирка, кремневые орудия почти все изготовлены из однородного голубовато-серого кремня. Так как на Веретье на поверхности кремня вовсе нет, а в окрестностях и на берегу о. Лаца кремнь другого, большей частью красноватого или желтоватого цвета, оставалось предположить, что находимые на Веретье кремневые орудия сделаны из материала, добытого на некоторой глубине, где-либо поблизости от стоянки. Соображения эти подтверждаются обнаружением в песке, подстилающем культурный слой, кремневых валунов одного цвета с орудиями.

Шилья, иглы и прочие орудия

В значительном количестве в Нижнем Веретье найдены шилья (23 экземпляра)⁶⁶. Шилья, как и кочедыки, большею частью сделаны из метаподий лося (табл. II, 5). Острые концы их затачивались, иногда же тщательно полировались; вся поверхность их орнаментировалась (табл. II, 6). Тонкие шилья изготовлялись из птичьих костей и осколков трубчатых костей крупного животного, обработанных таким образом, что острие получало тонкую и вытянутую форму (табл. II, 7). Одно из них имеет боковые выемки для привязи к рукоятке, но большинство шильев употреблялось, по-видимому, без них. У шильев же из метаподий лося сохранились головки суставных соединений, которые и служили естественными рукоятками. У некоторых экземпляров, сделанных из осколков костей, тщательная обработка тупого конца также может служить признаком отсутствия специальных рукоятей. Следует упомянуть еще одно шильце из реза бобра, выделяющееся своими малыми размерами и кризвизной (табл. II, 8).

⁶⁴ Gourgu, G. указ. соч., стр. 112—115, рис. 75.

⁶⁵ Mémoires des antiquaires du Nord, 1926—1927 гг., стр. 104, рис. 52.

⁶⁶ Подобные костяные шила употреблялись еще в недавнее время остяками при шитье кожаных и меховых вещей. «Изделия остяков Тобольской губернии», Тобольск, 1911 г.

Рядом с шильями должны быть упомянуты костяные иглы, по своему назначению и форме распадающиеся на две группы: для шитья и для плетения. Иглы, употреблявшиеся при шитье, по форме и способу употребления близки к шильям. Повидимому, в эту древнюю пору стоянки функции иглы и шила еще не были строго между собою разграничены. Иглы для шитья отличались равной толщиной по всей длине, тщательной обработкой и имели желобок для привязи нити (табл. IV, 6).

Иглы, употреблявшиеся для плетения сетей, были плоские, широкие, с одним заостренным концом и другим приспособленным для привязи шнура, снабженным головкой, желобком или ушком в виде петли (табл. III, 7; IV, 7).

Ближайшие аналогии иглам, как и шилам, Веретья находят в материалах Ладожской стоянки⁶⁷.

При обработке шкур животных и выделке кожи, наряду с кремневыми ножами и скребками, жители Веретья употребляли костяные струги; они делались из ребер или лопаточных костей крупных млекопитающих. Одна из длинных сторон выбранной кости затачивалась и служила лезвием, другая же оставалась тупой; рукояткой служила часть самой кости. Струги найдены в количестве трех экземпляров (табл. V, 1); один из них орнаментирован тругольниками, заштрихованными тонкими линиями (табл. VI, 2).

Совершенно такие же, как и найденные на Веретье, струги применялись для выделки шкур многими народами Северной Азии⁶⁸. Ими очищали мех, с их помощью могло производиться и самое сдирание шкуры с убитого животного, и весьма вероятно, что ими пользовались также и при сдирании коры с деревьев⁶⁹. Струги из кости найдены в Ладожской стоянке и описаны Иностранцевым как костяные ножи⁷⁰; известны они также и на Урале и по Верхней Волге⁷¹.

Совершенно особую группу предметов составляют костяные рукоятки, по-видимому, для каменных и, в особенности — кремневых орудий. Излишне говорить, что эти рукоятки имели огромное значение: они не только предохраняли руку от повреждений, но увеличивали самые размеры орудия, делали рабочие движения более свободными и правильными, что способствовало повышению производительности труда. Рукояток на Веретье найдено в нижнем слое 6, не считая фрагментов; образцы их даны на табл. V, 5, 7—8. Способы крепления этих рукояток с орудиями, по всей вероятности, приближались к способам крепления наконечников стрел и дротиков с древками, т. е. посредством смолы и сыромятных ремней или шнуров.

Одна рукоятка сделана из грифельной кости лося, с обрезанным концом; в открывающуюся полость кости вставлялось тонкое цилиндрическое орудие, по-видимому, шило; сочлеповная головка кости на тыльном конце рукоятки обработана и приспособлена для привязи шнура (табл. V, 5).

Часть предметов, найденных в Веретье, пока не поддается определению. К ним относятся два роговых кружка с отверстием посередине; один из них изображен на табл. V, 4; возможно, что он представляет собой пряжку для ремня пояса. Другой, вдвое больше по величине — с четырехугольным отверстием. В том же слое найдены предметы лопаткообразной формы с поперечным лезвием (табл. XI, 14) или заостренным концом. Некоторые из них, мо-

⁶⁷ Иностранцев, указ. соч., табл. X.

⁶⁸ Костяной струг, появившись в палеолите, просуществовал почти без всяких конструктивно-формальных изменений вплоть до железной эпохи.

⁶⁹ П. П. Ефименко, указ. соч., 1934 г., стр. 246.

⁷⁰ Иностранцев, указ. соч., стр. 151, табл. IX.

⁷¹ Из раскопок Д. Н. Эдинга. В коллекции Гос. Историч. Музея. Из раскопок Б. С. Жукова. В коллекции Моск. антропологич. музея.

жет быть, служили бойками мотыгообразных орудий, употреблявшихся при земляных работах. Роговой предмет (табл. II, 9), имеющий желобчатообразную форму, напоминает предохранительную пластинку, надевавшуюся на большой палец охотниками некоторых североазиатских народов при натягивании тетивы лука, по его размеры больше, чем это требуется для предохранительной пластинки.

Предметы искусства

Закапчивая на этом обзор костяных, роговых и деревянных орудий Нижнего Веретья, необходимо прибавить несколько слов об украшениях и предметах культового и магического характера; они несут на себе следы мастерства и определенных художественно-технических приемов. Искусство, о котором идет речь. — скульптура и резной орнамент на кости.

Из резных изделий интересна голова животного в верхней части одного кочедыка (табл. VII, 4). Перед нами скорее всего условное изображение звериной, но может быть и птичьей головки с торчащими вверх ушами. Сходящиеся книзу крутые дуги глаз переходят в нос, заостренный, как клюв; остальная часть, ниже этих сходящихся дуг, выдолблена сплошной ямкой, — способ, вообще очень характерный для примитивной скульптуры, придающий в данном случае изображению сходство с головой совы или филина.

Вторая из найденных нами фигурок не закончена. Она имеет удлиненную цилиндрическую форму с закруглением на одном конце и расширением в виде головки на другом (табл. VII, 8); на голове весьма схематично лишь намечены торчащие вверх уши.

Кроме этого, имеются подвески со схематическим изображением птицы и рыбы, с зубчиками по контуру (табл. VII, 2—3).

Довольно многочисленна группа подвесок, сделанных из звериных зубов, которые, строго говоря, не могут быть причислены к образцам искусства. Это простейшие украшения и амулеты, среди которых различаются резцы лося (их больше всего), бобра и клыки волка и собаки (табл. VII, 6, 7, 9). Все они имеют глубокие надрезы у корня для привязи шнура.

Орнаментальная резьба по кости и рогу в Веретье состоит из простых узоров геометрического стиля. Мы уже видели ее на орудиях: на наконечниках стрел, выпрямителях древков, струге (табл. VI, 2—3) и т. п. Для полноты представления о характере орнаментации в Нижнем Веретье необходимо привести еще несколько изделий: роговую пластину большого размера с резным изображением, напоминающим лист на длинном стебле (табл. VII, 12), костяной пластинчатый наконечник стрелы, орнаментированный тонкими волнистыми линиями, расположенными группами через равные интервалы, и наконеч, четырехугольную пластинку, украшенную зигзаговыми линиями, в точности повторяющими орнамент одного древненеолитического орудия из оленьего рога, найденного на берегах Северного моря⁷²; по бокам этой пластинки имеются небольшие выемки, очевидно, для прикрепления ее, как украшения, к одежде (табл. VII, 1, 5).

Резьба этих изделий показывает, что в Нижнем Веретье повторяются древнейшие орнаменты торфяных стоянок Балтики⁷³. Наблюдается та же простота узоров, однообразие и последовательное повторение отдельных элементов в нескольких несложных комбинациях, например в виде заштрихованных треугольников, пересекающихся линий, образующих сетку, или в виде зигзага, простых зарубок, точек и т. п.

Таким образом, костяной инвентарь, как орудия, так и украшения, дает

⁷² Mémoires des antiquaires du Nord, 1897 г., стр. 88, рис. 4.

⁷³ То же. 1926—1927, стр. 63, рис. 29.

основание предполагать о древнем возрасте Нижнего Веретья, по знакомство с каменным инвентарем, в комплексе которого обнаружены типичные для позднего неолита орудия, приводит к иным выводам, о чем речь ниже.

Каменный инвентарь ⁷⁴

В Нижнем Веретье каменных изделий немного: включая болванки, нуклеусы и пр. — 156 экземпляров.

Каменные орудия выделялись из местного валунного кремня, по всей вероятности добываемого на территории стоянки (о чем уже было сказано раньше), сланца, диорита и других пород камня.

Среди кремневых орудий доминируют скребки массивного типа, обработанные посредством скола, с легкой подправкой по краю (табл. XI, 11). Пластинчатых, столь частых в позднелинитических стоянках, мало (табл. XI, 6). Орудия, тщательно обработанные, так же как и малого размера, составляют исключение (табл. XI, 5). Выделяются скребки с узким рабочим концом и округлым лезвием. Всего найдено 54 экземпляра (целых и фрагментированных).

Более тщательной обработкой отличаются режущие орудия (14 экземпляров), особенно ножи (табл. XI, 7, 13), хотя среди последних есть изготовленные из отщепов и пластин, ретушированные лишь по краю.

Интересен резец из массивного осколка с легкой оббивкой вдоль края одного бока (табл. XI, 10). В небольшом количестве найдены скобели (3 экземпляра), проколки (1 экземпляр) и наконечники стрел (5 экземпляров) (табл. XI, 1—3). Следует еще упомянуть о заготовках тесел (2 экземпляра), подобных найденным на стоянках Белого моря ⁷⁵.

Из орудий, применявшихся при обработке камня, найдены отбойники (11 экземпляров), отчасти специально изготовленные для этого, отчасти представляющие необработанные валуны, подходящие по своей форме. Один из них шарообразно-уплощенной формы с небольшими углублениями в центре с обеих сторон, для более удобного захвата в руке, другой большего размера, удлиненный, с желобчатыми углублениями с боков и сбитым рабочим концом. Имеются и кремневые отбойники обычного типа округлой формы с характерными сколами вокруг, получившимися во время работы от сильных ударов по твердому материалу, а также ретушеры кремневые и роговые (из отростков рога лося). Много найдено нуклеусов (37 экземпляров), из которых выделяется один, миниатюрных размеров, отжимной техники (табл. XI, 4).

В Нижнем Веретье орудий, изготовленных из сланца и других пород камня, еще меньше, чем кремневых. Сохранились они преимущественно во фрагментах, по которым трудно восстановить форму орудий. Два из них представляют фрагменты как будто полированных кликов оленецкого типа (табл. XI, 16), третий может быть является частью клиновидного орудия. Имеется один фрагмент заготовки тесла с округлым лезвием и два фрагмента грузила со следами двустороннего сверления.

Целым найдено лишь одно тесло, плоское, с прямоугольным поперечным сечением; сбоку сохранились следы опиала, лезвие сбито от работы (табл. XI, 9).

Находки подобных орудий наряду с полировальными плитами (найден 16 фрагментов) свидетельствуют о развитой технике шлифования и полирования

⁷⁴ В этом разделе сохраняется условная терминология орудий, независимо от функционального значения их.

⁷⁵ А. В. Збруева «Стоянка на реке Чукче близ селения Красной горки», Сборник «К десятилетию Октября», М., 1928 г. Изд. ГАИМК, стр. 46, рис. 2.

камня, а также о начале новых приемов пиления и сверления или, может быть, долбления, предшествовавшего сверлению.

Кроме полированных орудий, найдены полированные каменные украшения, представленные фрагментами прищенок (табл. VII, 10—11). Одна из последних в виде кольца, подобна найденным на стоянках Кубенино⁷⁶, при устье р. Кинемы⁷⁷, в Карелии⁷⁸ и в среднерусской полосе⁷⁹, другая треугольная.

* *
*

Нижнее Веретье, благодаря своеобразию инвентаря, выражающемуся в отсутствии керамики, многочисленности костяных и роговых изделий и малому количеству каменных, напоминает торфяные стоянки Балтики и на первый взгляд производит впечатление довольно архаичной стоянки. И только типологическое сопоставление вещевого инвентаря с комплексами стоянок, близких по формам материальной культуры, приведет к другим выводам.

Отсутствие керамики в Нижнем Веретье могло бы быть истолковано незнакомством с керамическим искусством и рассматриваться как признак древнего возраста стоянки. Возможно, что керамика по каким-то причинам подверглась разрушению, и от нее не осталось следа. Из всех северных стоянок с неолитическими каменными орудиями керамика обычно находится в изобилии, и это обстоятельство заставляет предположить, что и в Нижнем Веретье она была известна. Даже такие поселения, которые относятся исследователями к временным стоянкам, обычно имеют в своем инвентаре глиняную посуду. Поэтому отсутствие керамики в Нижнем Веретье представляется случайным.

В Нижнем Веретье есть некоторые предметы, несколько архаизирующие его комплекс. К ним относятся: наконечники гарпунов, с крупными клювообразными и мелкими зубцами и др., выпрямитель древков, костяные изделия с резным геометрическим орнаментом и т. п., а также кремневые наконечники, изготовленные из тонких пластинок, и самые пластинки.

Все эти предметы имеют аналоги в торфяных стоянках Западной Европы (Маглемозе, Свердборг, Гольмгард), относимых к атлантическому периоду. Присутствие же их в Нижнем Веретье я объясняю консервативным характером костяной индустрии, о чем уже была речь выше. Наблюдения над развитием ее показывают, что раз выработавшаяся форма держится тысячелетия: так же, например, орудия, как выпрямитель древков, гарпуны с клювообразными зубцами, струги и др., находимые в датских торфяных стоянках, найдены и в Нижнем Веретье в одном комплексе с орудиями и украшениями, полированными, несущими следы пиления и сверления; все это характеризует технику позднего неолита.

Хотя подобные предметы представлены в незначительном количестве, но факт их присутствия исключает возможность удревления памятника.

Наличие в комплексе стоянки мелких ножевидных пластинок и наконечников стрел, изготовленных из них, следует объяснить распространившейся на севере, в эпоху позднего неолита и бронзы, техникой комбинированных орудий из кости или дерева и кремня. Микролитические же орудия геометрической формы, сближающие древние торфяные стоянки Балтики с тарденуазской эпохой, в Нижнем Веретье совершенно отсутствуют.

И результаты исследования торфа, судя по пылевой диаграмме (рис. 4), характеризующей конец суббореального периода, а не атлантический, тоже не дают основания синхронизировать Нижнее Веретье с Маглемозе и др.

⁷⁶ М. Е. Фосс «Стоянка Кубенино», «Советская археология», № 5, 1930 г., стр. 48—49, табл. II, рис. 10—11.

⁷⁷ В коллекциях ГИМ из сборов М. Е. Фосса на о. Лача в 1928—1929 гг.

⁷⁸ А. Я. Брюсов «История древней Карелии», изд. ГИМ, 1940 г., стр. 312.

⁷⁹ Например, у Плеханова Бора из собр. Уварова, в коллекции ГИМ.

При сопоставлении же комплексов Нижнего Веретья и ряда стоянок позднего неолита или, правильнее, начала бронзы, — кубенинской, ладожской, стоянок шигирской культуры и др., обнаруживаются не только аналогии в типах орудий, но выявляется тождественность в технике обработки кости и камня и наблюдается стилистическое сходство в предметах искусства.

Такие находки, как фрагменты каменных полированных кирок оленевого типа, фрагменты каменных грузил, костяные долота углового типа, повторяющие формы характерных орудий Ладожской стоянки, гарпуны с клювообразными зубцами и пр., служат основанием для датировки начала Нижнего Веретья — началом 2-го тысячелетия до нашей эры⁸⁰. Мелкозубчатые гарпуны, наконечники стрел шигирского типа, фрагмент каменного кольца кубенинского типа и схематические изображения животных указывают на более позднее время — середину 2-го тысячелетия до нашей эры.

Таким образом продолжительность обитания древней стоянки Веретья может измеряться около 500 лет.

По составу инвентаря Нижнее Веретье характеризуется как типичная для позднего неолита стоянка, с развитым охотничье-рыболовческим хозяйством, бывшая постоянным поселением. Хотя здесь и не были обнаружены ни остатки жилищ, ни очаги, но насыщенность культурного наслоения, содержавшего в громадном количестве остатки пищи, в виде костей животных, многочисленные изделия из кости, камня и пр. как законченные, так и незаконченные, безусловно свидетельствует о длительности бытования стоянки.

ВЕРХНЕЕ ВЕРЕТЬЕ

Культурные остатки Верхнего Веретья заключаются в разложившемся торфе черного цвета и черном гумусовом песке (табл. XIV, 5). Наиболее интенсивны находки посредине возвышенной части дуга; встречаются они и за пределами возвышения, к ЮЗ и СВ от него, а также в части, заросшей лесом, в отдалении от реки, но в этих местах находки редки, что указывает на скраины поселения.

Общая площадь раскопок Верхнего Веретья составляет 172 кв. м⁸¹. Здесь, как и в Нижнем Веретье, не сохранилось никаких следов землянок, но очаги дошли до нас в хорошем виде. Один из них (табл. XIV, 4) представлял неглубокую яму округлой формы ($1,25 \times 1,50$ м), заполненную камнями, многие из них были настолько пережжены, что рассыпались при прикосновении на мелкие куски. Земля в яме отличалась от окружающей углистым цветом; между камнями найдены фрагменты сосудов, из которых один представлял плоское дно. Неподалеку от этого очага обнаружена часть ямы, неправильно-овальной формы, уходящей под юго-восточную стенку траншеи. В этой яме, наполненной слежавшейся рыбьей чешуей и кусочками углей, производилось печение рыбы или она служила местом для отбросов пищи.

По другую сторону очага, на расстоянии 2 м обнаружены остатки человеческого скелета, ориентированного с ЮЗ на СВ (табл. XIV, 4): сохранились лишь части верхних и нижних конечностей; никаких следов черепа, ребер и других костей не было. Скелет лежал в неглубокой яме с расплывчатыми очертаниями (рис. 7). Могильная яма, заполненная песком черного цвета,

⁸⁰ Детальное изучение материалов раскопок привело к увеличению даты Нижнего Веретья. В информационном сообщении («Торфяное дело», № 6, 1934 г.), а также в статье «Стоянка Кубенино» («Советская археология», № 5, 1940 г.) Нижнее Веретье ориентировочно было датировано серединой 2-го тысячелетия до нашей эры.

⁸¹ На плане значатся два пункта раскопок, так как первоначально намеченная площадь не была вскрыта целиком, и середина осталась нераскопанной.

резко выделялась на подстилающем культурный слой желтом песке (табл. XIV, 5). Сверху скелет был покрыт гумусовым песком, в котором содержались культурные остатки Верхнего Веретья, и поэтому невозможно было определить, — связаны ли с могилой найденные в ней предметы, или они целиком относятся к культурному наслоению. Под малой берцовой костью правой ноги найдены были кремневый скребок и обломок каменного полированного орудия. Вероятнее всего эти находки оказались случайно попавшими в яму при устройстве могилы. Два костяных шила, найденные в области пояса, могли быть положены и при погребении (табл. XIII, 1). Судя по расположению костей скелета, лежавшего на спине, с вытянутыми нижними конечностями и согнутыми в локтях верхними (сохранились фаланги пальцев рук в области пояса), и учитывая наличие погребения в Кубенине⁸², приходим к заключению, что присутствие человеческого скелета на стоянке у очага в Верхнем Веретье не случайно. Повидимому, и здесь мы имеем дело с захоронением на площади поселения. Несмотря на то что Верхнее Веретье отделено от Кубенина большим промежутком времени, неизменность в бытовом укладе, одинаковые с предшествовавшей эпохой формы хозяйства и, вероятно, мало чем отличающаяся общественная структура создавали условия, благоприятные для сохранения древних традиций и обрядов, — в данном случае обряда погребения — у очага на площади стоянки. Предположение о случайном захоронении, не связанном со стоянкой, отпадает ввиду ненарушенности стратиграфии в этом месте.

Второй очаг в Верхнем Веретье обнаружен на уч. 20, 29 и 103 (табл. XIV, 1, 3). Здесь камни очага были разбросаны (на глубине 40 см от современной поверхности) на протяжении трех метров, и среди них в большом количестве найдены крупные фрагменты глиняных сосудов, утля и кости животных.

Поблизости от этих двух очагов найдена большая часть предметов инвентаря стоянки, между тем как в прибрежной полосе находок было значительно меньше. Всего в Верхнем Веретье обнаружено 730 предметов, не считая керамики и костей животных. Osteологического материала, по сравнению с нижним слоем, было намного меньше; по своему составу животный мир, за исключением трех видов теплолюбивых рыб и северного оленя, ничем не отличался от древнего. Кости птиц не сохранились.

Из прирученных животных попрежнему была лишь собака.

Керамика

Отличительной чертой инвентаря Верхнего Веретья при сопоставлении с Нижним является наличие в его комплексе керамики, найденной в виде фрагментов сосудов, числом более 5000.

Из них более трети — с явно гребенчатым орнаментом, более четверти — с гребенчатым и немного менее половины — без орнамента, с гладкой или заштрихованной поверхностью; кроме этого, найдена в незначительном количестве «сетчатая» керамика (около 100 фрагментов) с оттисками грубой ткани (табл. X, 15).

Такое разнообразие орнаментов, свойственное северным поздне-неолитическим стоянкам, производит впечатление смешения разновременной керамики. Особенно вызывает сомнение присутствие в комплексе фрагментов керамики древнего типа сосудов с коническим округлым дном, прямым горлом и соответствующим этой форме явно гребенчатым орнаментом. Наряду с этими пержиточными формами появлялись и развивались новые виды керамики — сосуды с плоским дном и бедной орнаментикой. Техника же выделки сосудов и нового и древнего типа ничем не отличается: состав глины, чаще с примесью

⁸² М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино», Сборник статей по археологии СССР, ГИМ, 1938 г.

дресвы и песка, в исключительных случаях асбеста, так же, как и обжиг, одинаковы. Приемы лепки с применением ленточной техники от руки у круглодонных и плоскодонных сосудов одни и те же.

Внутренняя и внешняя поверхность сосудов большею частью обмазана хорошо отмученной глиной. Цвет керамики в общем грязножелтый, иногда розоватый, средняя толщина стенок равняется 0,7—0,8 см, а у дна и краев обычно несколько увеличивается.

Ямочно-гребенчатая керамика, хотя и удержала основные декоративные элементы — круглые ямки и расположение их сплошными узорами или зонами, разделенными поясами из гребенчатых элементов, все же отличается от бытовавшей в более древние эпохи. Прежде всего обращает внимание небрежность выполнения орнамента: отсутствует отчетливость и правильность очертаний самых элементов и точность в расположении их на сосудах, столь характерная для древней ямочно-гребенчатой керамики.

Представлена она главным образом фрагментами глиняной посуды, покрытыми округлыми неправильными очертаниями ямками, расположенными чаще всего в шахматном порядке. Зоны, составленные из ямок, чередуются с рядами гребенчатых или бороздчатых элементов, оттиснутых горизонтально, наклонно или вертикально (табл. XIII, 6, 8).

Иногда ямки имеют форму подчетыреугольную, ромбическую, овальную и т. п. (табл. XIII, 10).

Очень редко встречаются элементы веревочного орнамента (табл. XIII, 3). В небольшой доле обнаружены фрагменты, поверхность которых орнаментирована одними гребенчатыми элементами. Таким образом, в сосудах ямочно-гребенчатого типа сохранилась лишь формальная сторона декоративной тематики, качество же ее снизилось до уровня поздней керамики, бытовавшей повсеместно на севере и в средней полосе Восточной Европы у населения начала железной эпохи — около середины 1-го тысячелетия до нашей эры. Характерным для этой керамики, представленной в Веретье многочисленными фрагментами, является плоское дно, хорошо выраженная шейка и скудный орнамент по верхней части сосуда (табл. XIII, 9). Поверхность сосудов без орнамента бывает или гладкой или штрихованной, причем в зависимости от размера зубцов штампа, которым производилось сглаживание, штрихи получались крупными или мелкими (табл. X, 13). Подобная обработка прослеживается на сосудах многих стоянок северной области, относящихся к 1-му тысячелетию до нашей эры, на стоянках беломорской культуры, где штриховка отличается необычной топкостью, у с. Борочок на р. Шексне, на озерах Лача и Вожа и др.

Среди узоров Верхнего Веретья следует отметить, как характерные для района озера Лача, нанесенные гребенчатым штампом с двумя крупными зубцами (табл. XIII, 7 и 11) и со многими мелкими (табл. X, 14; XIII, 11 и 15), причем расположение элементов орнамента в обоих случаях одинаково. Найдены также фрагменты шеек сосудов с типичным для Лача ямочным орнаментом, образующим фигуру треугольника (табл. XIII, 5); сосуды с такими узорами обычно плоскодонные, в виде миски, с широко открытым горлом и с стенками, идущими полого от дна, с большим уклоном наружу (табл. XIII, 13), и в виде сосудов с хорошо выраженной, но короткой шейкой и прямым или отогнутым наружу краем; стенки его поднимаются от дна круто (табл. XIII, 12). В одном случае отмечен край, заканчивающийся волнистым обрезом.

Из всей массы керамики выделяются фрагменты одного очень тонкостенного сосуда с тонким гребенчатым орнаментом из пересекающихся линий, образующих как бы сетку (табл. XIII, 7). Аналогии ему имеются в материалах со стоянки на р. Перечной, в районе южного берега озера Вожа⁸³.

⁸³ Раскопки А. Я. Брюсова на р. Модлоне.

Необходимо также отметить фрагменты, редкие в Веретье, — с орнаментом, характерным для костеносных городищ Камского района. Подобный орнамент, обычно украшающий шейку сосуда, представляет валик, по сторонам которого расположены или отгибки шнура, идущие вокруг параллельно краю, или короткие гребенчатые полосы в косом направлении (табл. X, 12 и XIII, 11 и 15)⁸⁴.

Судя по фрагментам, сосуды имели большую частью средний размер. Исключение составляют несколько экземпляров миниатюрных размеров. Кроме того, в Веретье найдены обломки, похожие на ручки сосудов (табл. XIII, 14). Внутри их обнаружен узкий, круглый в поперечнике, канал, идущий вдоль оси ручек. Прием изготовления их можно представить следующим образом: за основу брали прутки, обмазывали его глиной и концы втыкали в стенку сосуда. Во время обжига прутки сгорали. Пример аналогичного приема можно видеть также в кубенинской керамике, где имеется часть широкой ручки с тремя продольными каналами⁸⁵.

Из орудий, связанных с изготовлением глиняной посуды, обнаружен лишь штамп для нанесения гребенчатого орнамента. Он представляет собой плоский обломок кости с тремя неровными зубцами, дающими отпечатки, аналогичные покрывающим гребенчатую керамику Веретья (табл. XIII, 2).

Несмотря на свой пестрый состав, керамика Веретья представляет единый комплекс, бытовавший одновременно. В Веретье наблюдается то же явление, что и в Кубенине и при устье р. Кинемы и на всех остальных стоянках Лача, — сосуществование древних и поздних видов орнаментов. В керамических комплексах этих стоянок отмечается, с одной стороны, преемственность стиля орнамента предшествовавших эпох, с другой, — преобладание одного какого-либо вида орнамента.

В Верхнем Веретье доминирует плоскодонная керамика без орнамента или с белым орнаментом лишь по верху сосудов, а ямочно-гребенчатая и сетчатая керамика являются пережитками традиций 2-го тысячелетия до нашей эры, бытовавшими наряду с керамикой нового типа, аналогии которой находятся в камских костеносных городищах. Большое сходство в керамических комплексах обнаруживается при сопоставлении Верхнего Веретья и одной из стоянок в бассейне р. Шексны (у д. Борочок⁸⁶), именно в той части керамики, фрагменты которой украшены отрисками гребенчатого штампа, отпечатками ткани или покрыты штриховкой.

Каменный инвентарь

Каменные орудия Верхнего Веретья не отличаются тщательностью работы. Обработка кремня производилась главным образом посредством оббивки с помощью отбойников и ретушеров: полирование не применялось. Отбойниками обычно служили естественные валуны, подходившие для этого по форме и размерам, подобно тому как это было в древнем Веретье. Концы и края их несут следы сильных ударов — выбоины и сколы.

По нуклеусам (40 экземпляров) и ножовидным пластинкам можно представить, что наряду со сколотой техникой продолжала применяться отжимная. Интересен один нуклеус округло-плоской формы, с гранями, соответствующими по очертаниям и размеру вкладышам, вставлявшимся в желобчатые пазы костяных пожей и гарпунов.

⁸⁴ Подобного типа орнамент встречается во многих стоянках о. Лача и Вожа и на Летнем берегу Белого моря. Время бытования его — с середины 2-го до конца 1-го тысячелетия до нашей эры.

⁸⁵ Раскопки М. Е. Фосс, 1923 г. Находится в Вологодском музее.

⁸⁶ М. В. Воеводский и А. В. Збруева «Участок на р. Шексне», «Археологические работы академии на новостройках», 1932—1933 гг., т. I, ОГИЗ, 1935 г.

Ретуширование кремневых орудий производилось лишь по краю с целью заострения или затупления последнего, остальная часть поверхности оставалась незатронутой ретушью. Исключением являются лишь наконечники стрел, ретушированные с обеих сторон по всей поверхности. Число отбойников и ретушеров доходит в собранном материале до 12.

Сланец обрабатывался сначала подобно кремню посредством обдочки, затем болванке придавалась более правильная форма отпиливанием ненужных частей и шлифованием. Техника обработки сланца прослеживается по незаконченным орудиям и целому ряду находок различных полировальных плит и брусков.

Кремневый инвентарь Верхнего Веретя более многочислен и разнообразен по сравнению с Нижним. Орудия отличаются от древних прежде всего серовато-желтоватым и коричневым цветом кремня.

В инвентаре преобладают скребки, изготовленные преимущественно из осколков среднего размера, чаще пластинчатых, с прямым, округлым или скошенным лезвием (табл. XII). В основном скребки можно подразделить на две группы: изготовленные из массивных (табл. XII, 24) и пластинчатых (табл. XII, 10) осколков. Первые отличаются крутым рабочим краем, приспособленным для работы над таким твердым материалом, как рог и кость (см. соответствующий раздел этой статьи). Среди пластинчатых выделяются единичные экземпляры, сделанные из пожевидных пластин (табл. XII, 11). К скребкам же можно отнести одно орудие с желобчатым, подобно долоту, лезвием. Всего найдено 136 скребков.

В небольшом количестве были найдены скобели (14 экземпляров) (табл. XII, 21).

Режущих орудий по сравнению со скребками значительно меньше (48 экземпляров). Эта категория орудий распадается на две группы: исполняющие функцию ножа и специального назначения, приспособленные для работы по кости, частью сохранившие форму классических древних резцов, частью нового типа (табл. XII, 13—14, 19).

Большинство режущих орудий изготовлено из осколков кремня с затупляющей ретушью по краю и хорошо выраженной рабочей частью.

Роль резца, должно быть, исполняло орудие, напоминающее по виду скребка, но с острым выступом по середине лезвия⁸⁷ (табл. XII, 15).

Собственно ножи найдены в небольшом количестве. Они изготовлены из пластинчатых осколков и пожевидных пластин с краевой ретушью, за исключением нескольких экземпляров, у которых отретуширована вся поверхность (табл. XII, 23). Лезвия ножей — прямые, округлые и скошенные (табл. XII, 16, 27).

Ассортимент режущих орудий пополнялся пожевидными пластинками, которые в большинстве случаев несут на лезвии выщербины — следы использования их при разрезании и скоблении кости (см. соответствующий раздел статьи).

Орудия с частично отретушированным лезвием и затупленной спинкой должны быть определены так же, как режущие. К этой же категории следует присоединить и вкладыши (табл. XII, 12), найденные в двух экземплярах. Судя по их ширине, они вставлялись в довольно глубокий желобок крупного по размерам орудия, подобного найденному в Нижнем Веретя. В кремневом инвентаре Веретя имеются в шести экземплярах проколки (табл. XII, 18). Среди них выделяется одна, представляющая комбинированное орудие, которое снабжено по краю вдоль лезвия мелкими выемками, а на конце — острием. Повидному, это орудие выполняло функцию скобеля и проколки.

К единичным находкам (два экземпляра) принадлежат теслообразные, грубо-обработанные орудия, подобные найденным в нижнем слое торфяника.

⁸⁷ Подобный тип отмечен в Кубенине, М. Е. Фосс «Стоянка Кубенино». «Советская археология», 1940 г., № 5, табл. V.

Тесла Верхнего Веретья найдены в 10 экземплярах (целых и фрагментированных). Изготовлены они почти все из сланца. Имеются желобчатые тесла, с прямым лезвием и с округлым (табл. XII, 26, IX, 8). Все они с прямоугольным поперечным сечением.

Остальные ударные орудия представлены только фрагментами; молотки с желобком для привязи к рукояти (табл. XIII, 4) и с отверстием, просверленным полым сверлом (в отличие от техники древнего поселения), каменный клин с сильно сбитой тыльной частью и с обломанным рабочим концом и чирка, близкая к олонцкому типу.

Наконечники стрел, найденные в 35 экземплярах, преимущественно имеют листовидную форму, реже — с черешком или выемкой у основания (табл. XII, 1—6).

Всего в Верхнем Веретье найдено 400 целых и фрагментированных орудий из камня.

Костяной инвентарь

Костяных изделий в Верхнем Веретье, по сравнению с Нижним, гораздо меньше, как и вообще костных остатков, что объясняется неблагоприятными почвенными условиями: разложившийся торф и песок не способствовали их сохранению. Костяные предметы по внешнему виду отличаются от найденных в Нижнем Веретье и сохранивших гладкую поверхность коричневого цвета, иногда с зеленоватым оттенком. Кость Верхнего Веретья в большинстве случаев приобрела шероховатую поверхность, источена и испещрена трещинками; цвет ее грязносерый или коричневатый. Всего найдено около 200 костяных предметов (большая часть в виде фрагментов).

Типы костяных орудий претерпели существенные изменения, чаще, в сторону упрощений и известной дегенерации, и наряду с ними появились новые формы генетически, может быть, не связанные с орудиями Нижнего Веретья.

Орудия охоты

Среди наконечников стрел, найденных в количестве 31, имеются типы, бытовавшие в Нижнем Веретье — листовидный и ланцетовидный. Первоначальная форма первого сохранилась в точности; второй испытал небольшое изменение. Из наконечников шпигирского типа в верхнем слое сохранился лишь один вариант — асимметричный, сильно разнящийся по форме, остальные исчезли бесследно так же, как исчез стилевидный тип. К новым типам, появившимся в Веретье лишь в позднюю стадию поселения, принадлежат трехгранный и треугольно-черешковый, которые все же можно считать дериватами форм нижнего слоя: первый — из четырехгранного, второй — из ланцетовидного (табл. XV, 1—7).

К трехгранным относятся удлинненные наконечники с треугольным поперечным сечением и с заостренными на три плоскости концами (табл. VIII, 8), к четырехгранным — отнесены подобные наконечники, но с ромбическим поперечным сечением, к листовидным — черешковые с плоской, расширяющейся подобно листу верхней частью, по виду своему напоминающие одноименные наконечники нижнего слоя (табл. VIII, 3—4). Треугольно-черешковые имеют большую часть короткий черешок, а в верхней части — треугольное или овальное поперечное сечение (табл. VIII, 2, XII, 7).

Асимметрический наконечник найден всего в одном экземпляре — широкого типа, но с асимметричной головкой (табл. VIII, 5); может быть, он представляет собой просто единичное искажение формы, обусловленное неудачно выбранным куском кости. Но потому, во-первых, что технически этот

тип не является ни в какой мере абсурдом, имея даже, может быть, некоторые преимущества перед прочими в способе скрепления с древком, а также и потому, что в археологии известны изготовленные по этому же принципу кремневые наконечники стрел, он нами выделен, как представитель особого типа. Ланцетовидный тип в верхнем слое также представлен лишь в одном экземпляре (табл. VIII, 9).

Наиболее характерными типами наконечников являются трехгранные и треугольно-черешковые, по общепринятой датировке относящиеся к железной эпохе⁸⁸.

При сравнении наконечников стрел нижнего и верхнего слоев резко бросается в глаза господствующая в последнем дегенерация форм. Отдельных типов, собственно, можно насчитать столько же, как и в нижнем слое, но они не имеют отпечатка той формальной выразительности и тщательной детализации, которые так характеризуют орудия нижнего слоя.

Гарпуны Верхнего Веретья в большинстве случаев повторяют древние формы: однозубчатые и многозубчатые с большими, близкими к клювообразным, зубцами (табл. VIII и XII, 28, 29 и табл. XVI, 1—11). Встречаются, однако, и новые типы с едва заметными выступами по лезвию вместо зубцов и с крупными зубцами на обеих сторонах (табл. VIII, 7); есть обломки гарпунов с частыми и мелкими зубцами в виде поперечных зарубок по краю лезвия. Выделяются массивные гарпуны из трубчатых костей лося (табл. VIII, 15).

Из других особенностей, бросающихся в глаза, при рассмотрении гарпунов верхнего слоя, следует указать на усовершенствование в способах скрепления с древком наконечников. Появляются гарпуны со специальными приспособлениями для укрепления их нижнего конца во втулке древка (табл. VIII, 11—12), что повлияло, очевидно, и на всю конструкцию гарпуна, сообразив ему новую форму, вполне отчетливую и конструктивно законченную. Для соединения хорошо обточенного черешка с древком посредством шнура, у одного просверлено отверстие и сделан выступ, на другом — кольцевидное утолщение. Аналогичному типу гарпуна можно найти в дьяковой культуре⁸⁹, в коллекции А. В. Шмидта, из раскопок на Оленьем острове⁹⁰, датруемых второй половиной 1-го тысячелетия до нашей эры, и среди вещей из раскопок Сольберга на о. Кёльмо в Варангерфпорде⁹¹, относящихся к значительно более позднему времени — ко второй половине 1-го тысячелетия нашей эры. Таким образом, период их бытования в Европе измеряется весьма большим промежуток времени. Всего в Верхнем Веретье найдено 25 гарпунов (целых и фрагментированных).

Наряду с гарпунами употреблялись рыболовные крючки: простые (7 экземпляров) небольшого размера и составные (4 экземпляра) из двух частей — собственно крючка, небольшого гладкого острия, и удлиненного стерженька, к которому прикреплялся этот крючок и леска⁹² (табл. VIII, 6; XII, 8 и IX 3—4; табл. XVI, 12—15). Составные крючки хорошо известны по много-

⁸⁸ Костяные наконечники стрел с треугольным и ромбическим сечением получают широкое распространение в 1-м тысячелетии до нашей эры. Часты находки таких наконечников в городищах, относящихся к началу нашей эры (с I по IX вв.). См. например: А. В. Збруева «Пижемское городище», Сборник ГАНМК, «Из истории родового общества на территории СССР», Л. 1934 г., стр. 276.

⁸⁹ В. А. Городцов, указ. соч., табл. XII, 4.

⁹⁰ А. В. Шмидт, указ. соч., табл. II, 3.

⁹¹ Solberg «Eisenzeitfinde in Ostfinnmarken», St., 1909 г., стр. 33—39.

⁹² О способах скрепления частей составного крючка см. В. В. Федоров, «Некоторые орудия рыболовства неолитического времени», «Советская археология», № 3, Л., 1937 г.

численным находкам в районе о. Лача, в Карелин, Финляндии и других местах, например в Окском районе, на Урале и в Западной Сибири. На Веретье обнаружены костяные стержневые составных крючков; они уплощенно-продолговатой формы с зарубками на концах для привязи лески в верхней части и крючка. — в нижней; судя по размерам, они предназначались для ловли крупной рыбы; на это указывают и кости, по которым определены: щука, доходившая до 82 см в длину, палим — 55 см и окунь и лещ — 35 см ⁹³.

Мелкого размера рыбу, очевидно, ловили сетями, косвенным доказательством употребления которых могут служить отпечатки грубой ткани на фрагментах сосудов — несомненный признак знакомства жителей поселения с тканьем, а следовательно и плетением волокна.

Орудия для обработки сырых материалов

Из орудий домашнего быта в Верхнем Веретье найдены иглы, шилья, долота, кощедыжи и пр.

Иглы, повидимому, предназначались для шитья кожаных и меховых изделий шпуром или нитями из сухожилий, для продевания которых делалось круглое отверстие (табл. X, 7). Еще не так давно у остяков употреблялись подобные же костяные иглы при шитье меховой одежды нитями из сухожилий лося и оленя ⁹⁴.

Шилья, найденные в Верхнем Веретье в количестве 22 экземпляров, почти ничем не отличались от типов Нижнего Веретья; они также изготовлялись из расколотых вдоль трубчатых и грифельных костей лося или трубчатых птичьих костей, заостренных на конце (табл. X, 10; XIII, 1).

В связи с орудиями, употреблявшимися при обработке кожи и шкур и при шитье кожаных и меховых изделий, необходимо упомянуть о лошине, служившем для разминания кожи, разглаживания швов и т. п. Лошину Верхнего Веретья изготовлено из обломка кости с округлым концом, который заполировался во время работы от продолжительного трения обо что-то мягкое, скорее всего именно о кожу; эта полировка отличается от обычной гораздо более сильным лоском.

Кощедыжи, найденные в трех экземплярах, обычного типа; один из них орнаментирован поперечной нарезкой (табл. X, 11).

Из долот Верхнего Веретья (найдено 16 экземпляров), ни в чем существенно не отличающихся от древних (табл. IX, 6), интересно одно с широким лезвием, напоминающим современную стамеску (табл. XII, 25), и другое плоское угловое, с двумя отверстиями сверху и выемками с боков для крепления с рукоятью.

Рукоятки орудий (в 7 экземплярах) Верхнего Веретья в общем близки по форме древним. Лишь один фрагмент (табл. X, 6), если правильно определение, дает новый тип для Веретья, известный по близким к нему находкам в Каширском городище под названием «грибовидного» ⁹⁵.

Неопределенными до сих пор остаются предметы из кости, по виду напоминающие рыболовные крючки (табл. IX, 5), но имеющие широкую нижнюю часть с тупым коротким крючкообразным выступом, совершенно не приспособленным ни для наживления, ни для захватывания рыбой.

Предметы искусства и культа

Из предметов культа и искусства в верхнем слое найдены фигурки, изображающие человека и животных, а также подвески-амулеты.

⁹³ Определение научн. сотр. Зоомузея МГУ Г. В. Никольского.

⁹⁴ «Изделия остяков Тобольской губ.», Тобольск, 1911 г., стр. 30.

⁹⁵ В. А. Городцов, указ. соч., табл. VIII, 3.

Самая замечательная из находок этого рода — костяная человеческая фигурка, обнаруженная в нижнем горизонте верхнего слоя стоянки, величиной несколько более трех сантиметров (табл. IX, 2). Фигурка сделана без рук, и ножки ее, судя по одной, сохранившейся полностью, ее имели ступней и заканчивались, сужаясь, в одной плоскости с туловищем. Туловище несколько удлинненное, с косыми бороздами по обеим сторонам груди и спины, заходящими на бока и обозначавшими, очевидно, грудную клетку.

Голова круглая, гладкая. На лице ямками намечены глаза и рот. Судя по пропорциям тела, форме бедер, живота и спины, фигурка изображает мужчину.

Фигурка стилистически близка кубенинской⁹⁶, но в ней уже нет признаков, сближающих ее со звериными изображениями: лицо, туловище и ноги человеческие, руки же, как и в кубенинской, отсутствуют.

Эта фигурка, хотя и не найдена с погребением, как в Кубенино, несомненно, имела значение, аналогичное кубенинской, и являлась выражением религиозных представлений, связанных с культом предков-людей. Если в эпоху стоянки в Кубенино еще сохранился отголосок почитания звериного предка, которое выражалось в звериных чертах, придаваемых человеческому изображению (копыта, сходство с совой и т. п.), то в Верхнем Веретье уже происходит завершение антропоморфизации божества.

Кроме человеческого изображения, в Верхнем Веретье найдены две фигурки, представляющие, повидимому, птицу (табл. X, 3, 2). Первая вырезана из рога и по виду напоминает филина; верхняя часть ее по контурам приближается к головке, украшающей кочедык из Нижнего Веретья (табл. VII, 4). Совершенно подобное описанному изображению, но меньшего размера, имеется в коллекции из Волосовской стоянки⁹⁷.

Вторая роговая фигурка может быть принята лишь как условное изображение птицы (табл. X, 2). Обр. изображения следует рассматривать как амулеты, носившиеся в виде привесок на шнуре.

Из костяных изделий интересен еще фрагмент в виде утиного клюва (табл. X, 9), который по своим очертаниям похож на клюв утки из Горбуновского торфяника⁹⁸ и Волосовской стоянки⁹⁹.

Наряду с этими изделиями в Верхнем Веретье найдено много примитивных украшений, изготовленных из зубов животных, с зарубкой или отверстием для прикрепления к шнуру (табл. X, 4, 5); имеется также одна привеска из трубчатой птичьей кости, орнаментированная нарезкой (табл. X, 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что в Верхнем Веретье не найдено ни одного металлического предмета, не обнаружено никаких следов изготовления и употребления бронзы и железа, состав инвентаря позволяет заключить, что Верхнее Веретье существовало уже в железную эпоху. Безусловно, в это время была известна не только бронза, которая найдена в соседней стоянке у устья р. Кипемы конца 2-го и начала 1-го тысячелетия до нашей эры: судя по костеносным городищам, дающим аналогии Верхнему Веретью, бытовали и железные вещи. Возможность проникновения железа, как и бронзы, в Веретье нельзя отрицать, но, вероятно, здесь металл употреблялся в ничтожном количестве и не мог оказать влияния на бытовзвзную технику каменных орудий. В Верхнем Веретье еще не заметен упадок выработки кремневых

⁹⁶ М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино», табл. I, 5 и «Стоянка Кубенино», табл. I, 12.

⁹⁷ Из собраний ГИМ

⁹⁸ Д. Н. Эдинг, указ. соч.

⁹⁹ Koudriavtsev, указ. соч., стр. 254, рис. 32.

орудий, и древние приемы отжима пластинок и ретуши применяются в полной мере. Проплывают и комбинированные орудия с кремневыми вкладышами по лезвию. Повидимому, только позднее, в эпоху появления городищ, сменивших стоянки, камень вытесняется железной индустрией. Эти памятники района Лача, да и вообще севера, еще не затронуты исследованием.

Консервативный характер костяной техники и стойкость форм костяных изделий не облегчают датировку памятника, но в Веретье, благодаря отчетливому стратиграфическому разделению двух культурных наслоений, возможно не только фиксировать принадлежность предметов к одному из двух разновременных комплексов, но и проследить типологические изменения отдельных предметов. Подмечая характерные особенности форм, сравнивая вещи Верхнего и Нижнего Веретья, можно установить новые определяющие и датирующие признаки. Разница между формами орудий особенно заметна при сопоставлении наконечников стрел, гарпунов и крючков (табл. XV—XVI).

Таким образом, в торфянике Веретья отчетливо различаются два комплекса предметов, относящихся к различному времени. Первый — из нижних слоев торфа, в итоге анализа состава инвентаря и по сумме типологических признаков, датируется первой половиной 2-го тысячелетия до нашей эры. Второй, происходящий из верхних слоев торфа, относится к более позднему времени. В нем обнаружены такие орудия, как гарпуны массивные большого размера и со сложным подвижным креплением и костяные наконечники стрел трехгранной формы; среди кремневых наконечников стрел преобладающей формой является листовидная; в керамике доминирует плоскодонная посуда без орнамента, с крупной штриховкой на поверхности или со скудными узорами по верху сосудов; в некоторых случаях выделяется орнамент, характерный для камско-ветлужских городищ.

Все перечисленные данные служат основанием для датировки Верхнего Веретья второй половиной 1-го тысячелетия до нашей эры.

Обе стоянки, верхняя и нижняя, несмотря на различный возраст, по содержанию ничем не отличаются друг от друга. В древнюю эпоху, как и в позднюю, Веретье имело обычный вид неолитического поселения с легкими наземными жилищами неподалеку от воды. И Верхнее, и Нижнее Веретье были охотничье-рыболовческими поселениями с единственным прирученным животным — собакой.

Повидимому, и в социальной структуре Верхнего Веретья не произошло изменений: родовая группа, увеличившись, лишь распространилась и заняла площадь, значительно превосходящую по размерам территорию Нижнего.

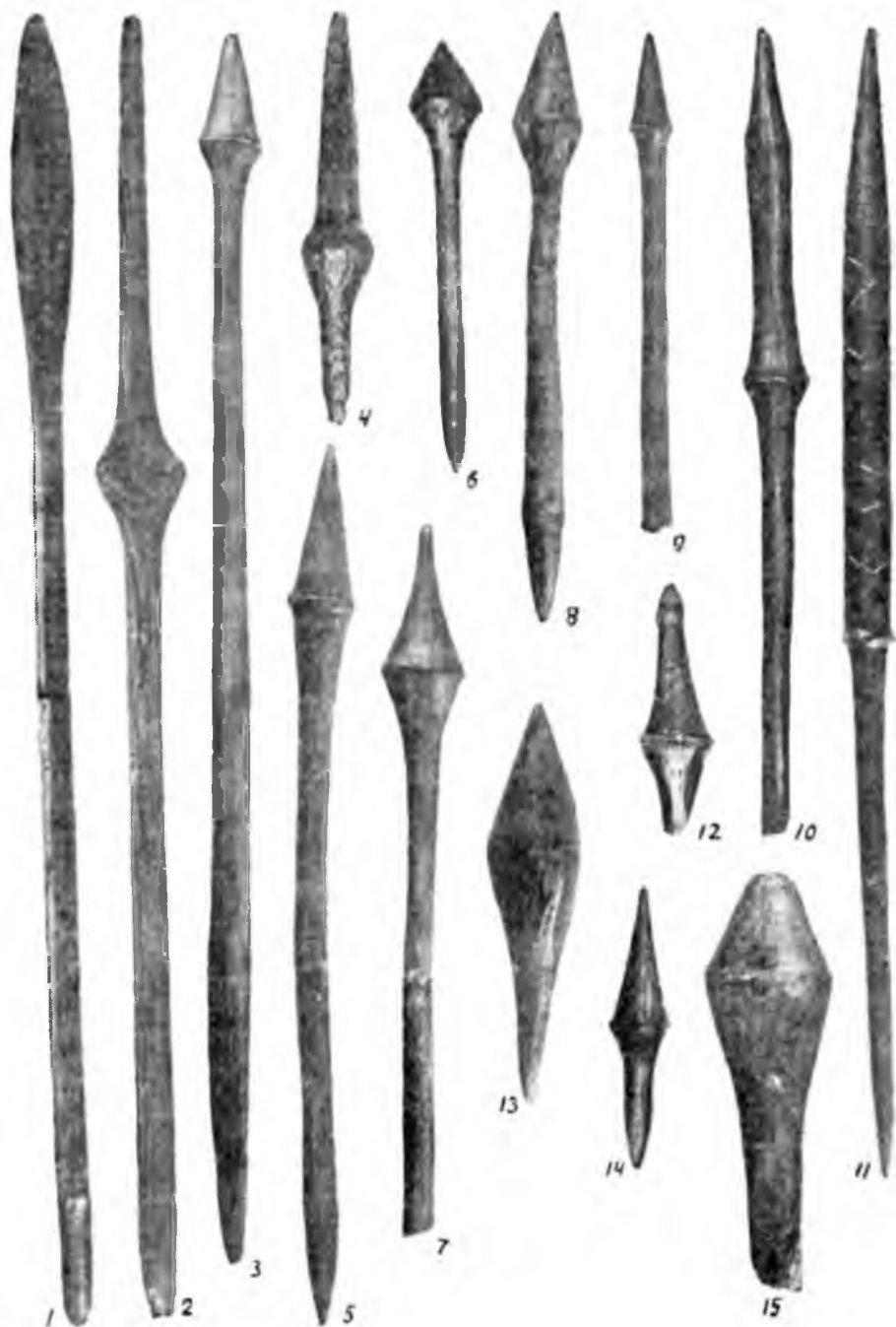
Среди открытых в районе о. Лача стоянок Нижнее Веретье занимает по возрасту первое место. В настоящее время развитие позднего неолита в этом и смежном с ним районе может быть прослежено на протяжении двух тысячелетий; к более древней стадии — началу 2-го тысячелетия до нашей эры — относится Нижнее Веретье, затем к середине 2-го тысячелетия до нашей эры — Кубенино; средняя стадия характеризуется стоянками — при устье р. Кипемы¹⁰⁰, датируемыми мною концом 2-го и началом 1-го тысячелетия, и на р. Модлоне¹⁰¹ (нижний слой), относимой А. Я. Брюсовым к VIII в. до нашей эры; к поздней стадии относятся стоянки — на р. Модлоне (верхний слой), Верхнее Веретье и Попово¹⁰² в 0,5 км от Веретья вверх по р. Кипеме, датируемые второй половиной 1-го тысячелетия до нашей эры.

¹⁰⁰ Коллекция находится в Гос. Историческом Музее.

¹⁰¹ А. Я. Брюсов «История древней Карелии», 1940, Изд. ГИМ, стр. 259.

¹⁰² Раскопки М. Е. Фосс 1928—1929 гг.; коллекция находится в Гос. Историческом Музее.

Нижнее Веретъе.

Наконечники стрел.

1—2 — около $\frac{3}{4}$ п. в. 3—15 — около $\frac{1}{2}$ п. в.

Таблица II

Нижнее Веретье.

1—4 — Наконечники стрел. 5—8 — Шилья. 9 — Роговый предмет неизвестного назначения; 10 — Часть сложного лука (?).

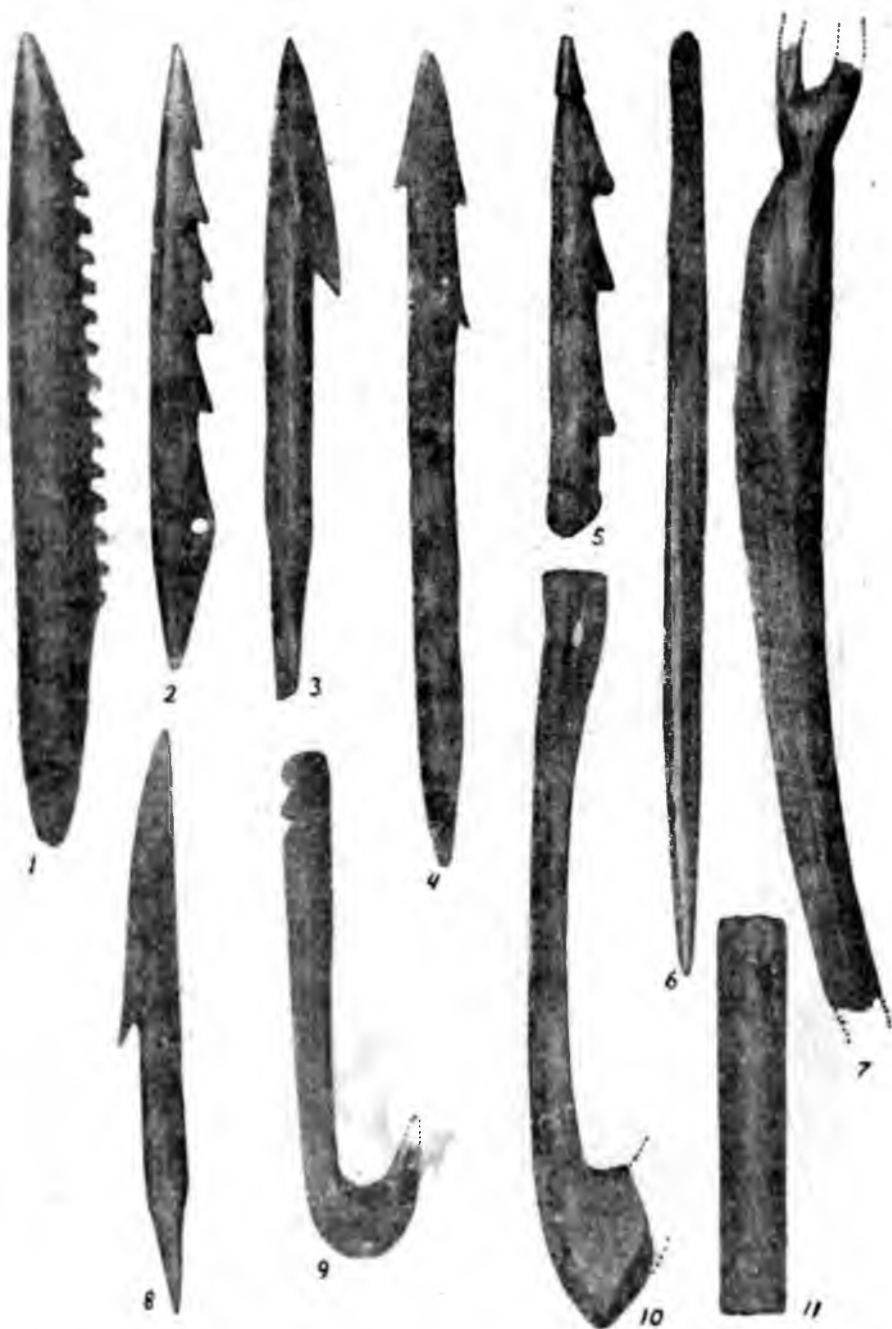
1—8 — $\frac{5}{8}$ н. в. 9—10 — ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

Нижнее Веретъе.

1—6 — Наконечники гарпунов. 7 — Игла для плетения сети.
1,6 — $\frac{2}{3}$ н. в. 2 — $\frac{3}{4}$ н. в. 3—4, 5, 7 — $\frac{5}{6}$ н. в.

Таблица IV

Нижнее Веретье.

1—5, 8 — Наконечники гарпунов. 6—7 — Иглы для плетения сети.

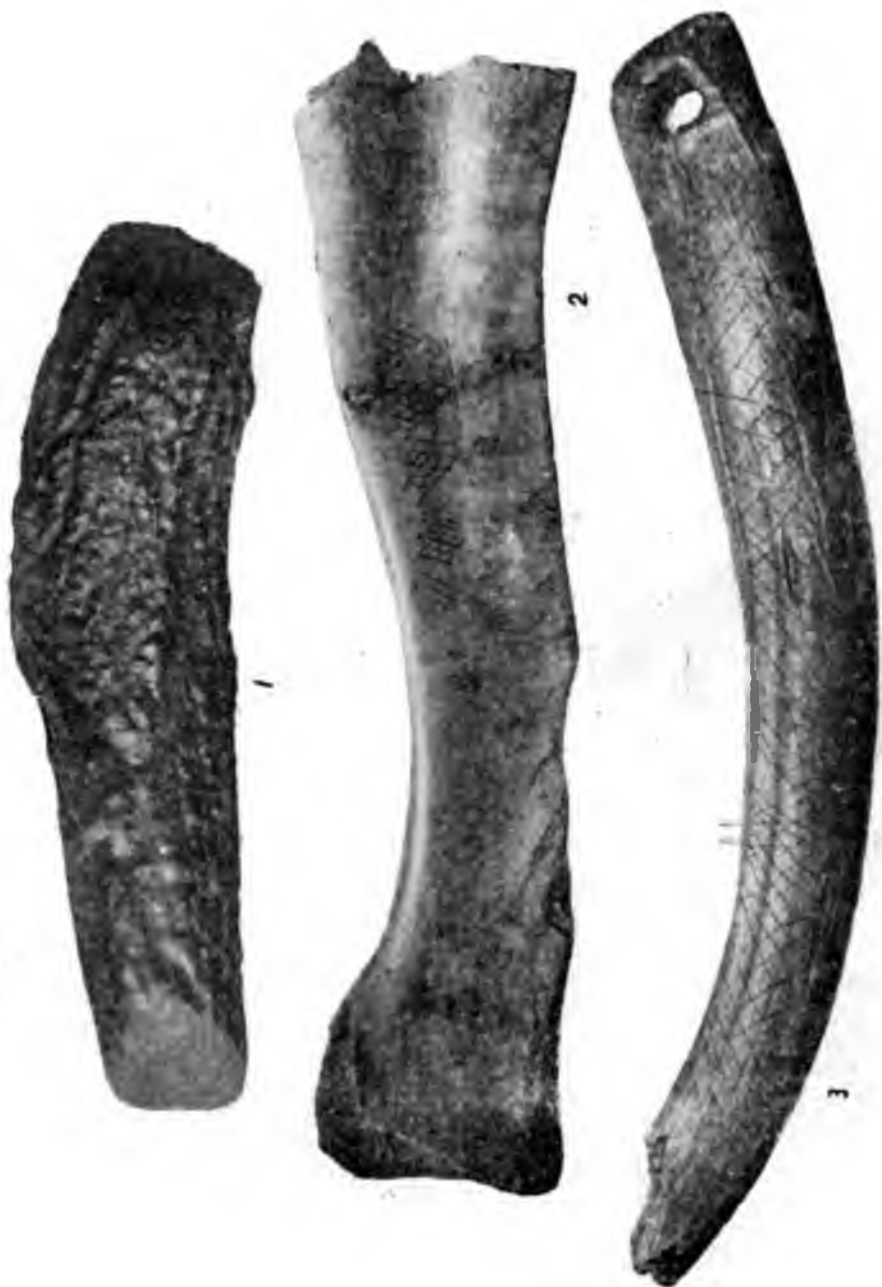
9—10 — Рыболовные крючки. 11 — Свисток.

1—7, 9—11 — около $\frac{6}{7}$ н. в. 8 — около $\frac{5}{9}$ н. в.

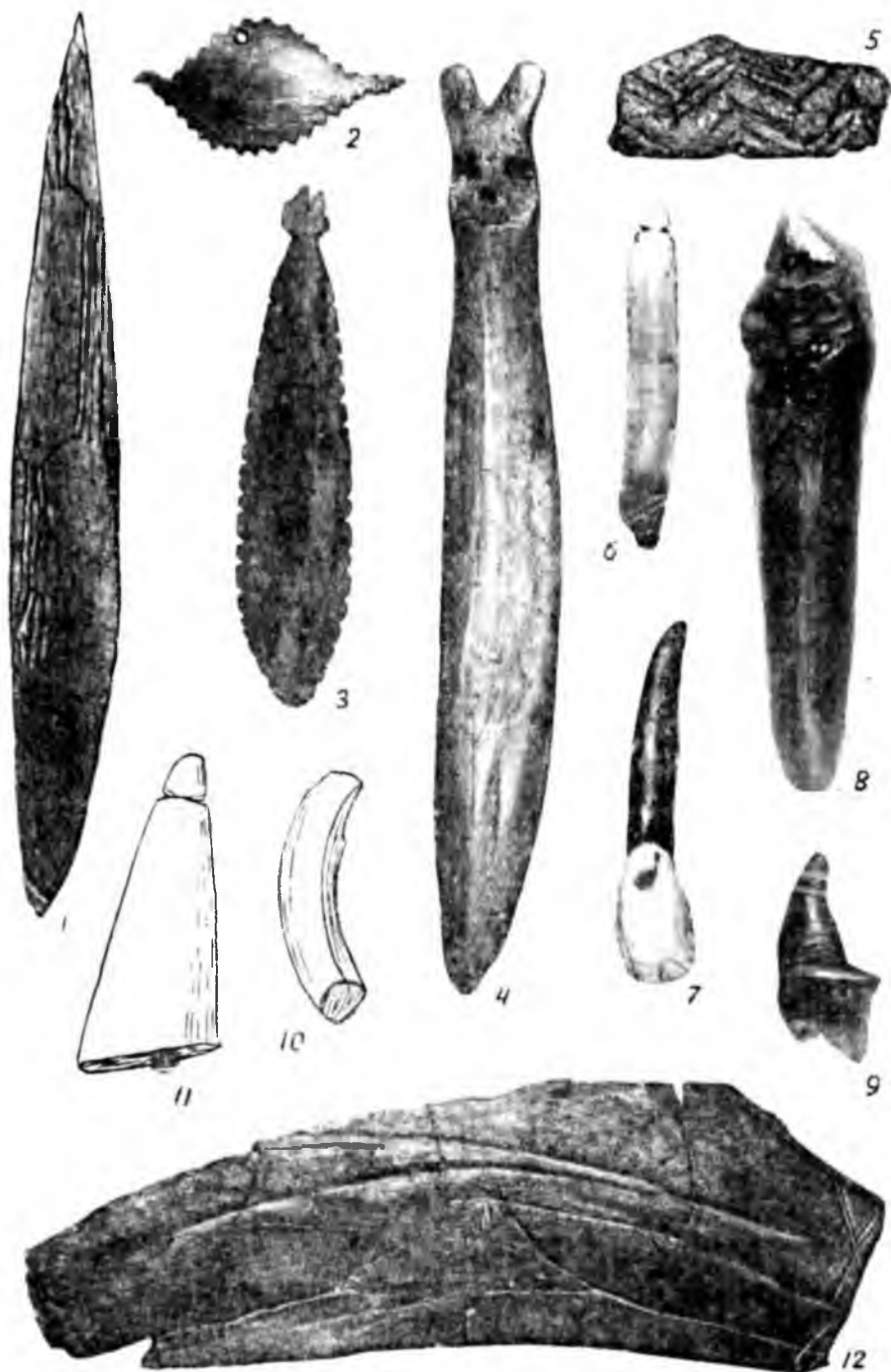
Нижнее Веретье.

- 1 — Струг. 2 — Кирка. 3 — Фрагмент лопатообразного орудия. 4 — Пряжка.
 5, 7—8 — Рукоятки. 6 — Фрагмент поплавка.
 1—3 — $\frac{1}{2}$ н. в. 4—8 — $\frac{5}{6}$ н. в.

Нижнее Веретье.

- 1 — Роговый топор. 2 — Струг с резьбой.
 3 — Выпрямители древков с резьбой.
 1 — около $\frac{2}{3}$ н. в. 2—3 около $\frac{1}{2}$ н. в.

Нижнее Веретье.

1 — Наконечник стрелы (?). 2—3, 6—7, 9 — Привески. 4 — Кочедык. 5 — Пластика с резьбой. 8 — Незаконченная скульптура. 10 — Фрагмент кольца.
11 — Фрагмент привески. 12 — Роговый предмет с резьбой.
1—7, 9—11 — около н. в. 8 — около $\frac{3}{4}$ н. в. 12 — около $\frac{1}{2}$ н. в.

Верхнее Веретье.

1, 7, 11—15 — Наконечники гарпунов. 2—5, 8—9 — Наконечники стрел.
6 — Рыболовный крючок. 10 — Фрагмент заготовки гарпуна с контурным надрезом.

1—12— около $\frac{5}{8}$ н. в. 13—14 — около $\frac{3}{4}$ н. в. 15 — около $\frac{5}{7}$ н. в.

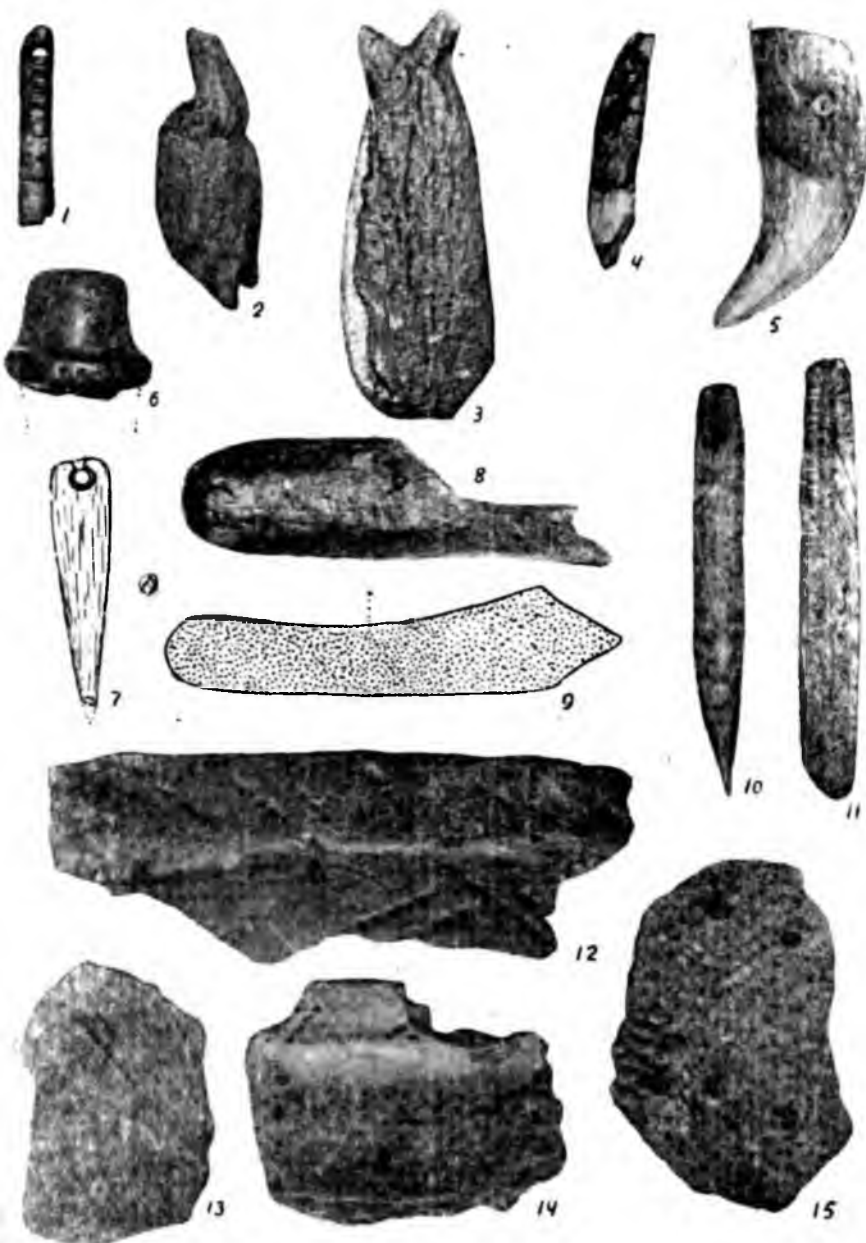

Верхнее Веретъе.

1 — Роговая пробка. 2 — Изображение человека. 3—4 — Части рыболовных крючков (грузики). 5 — Крючок неизвестного назначения. 6—7 — Долота. 8 — Тесло.

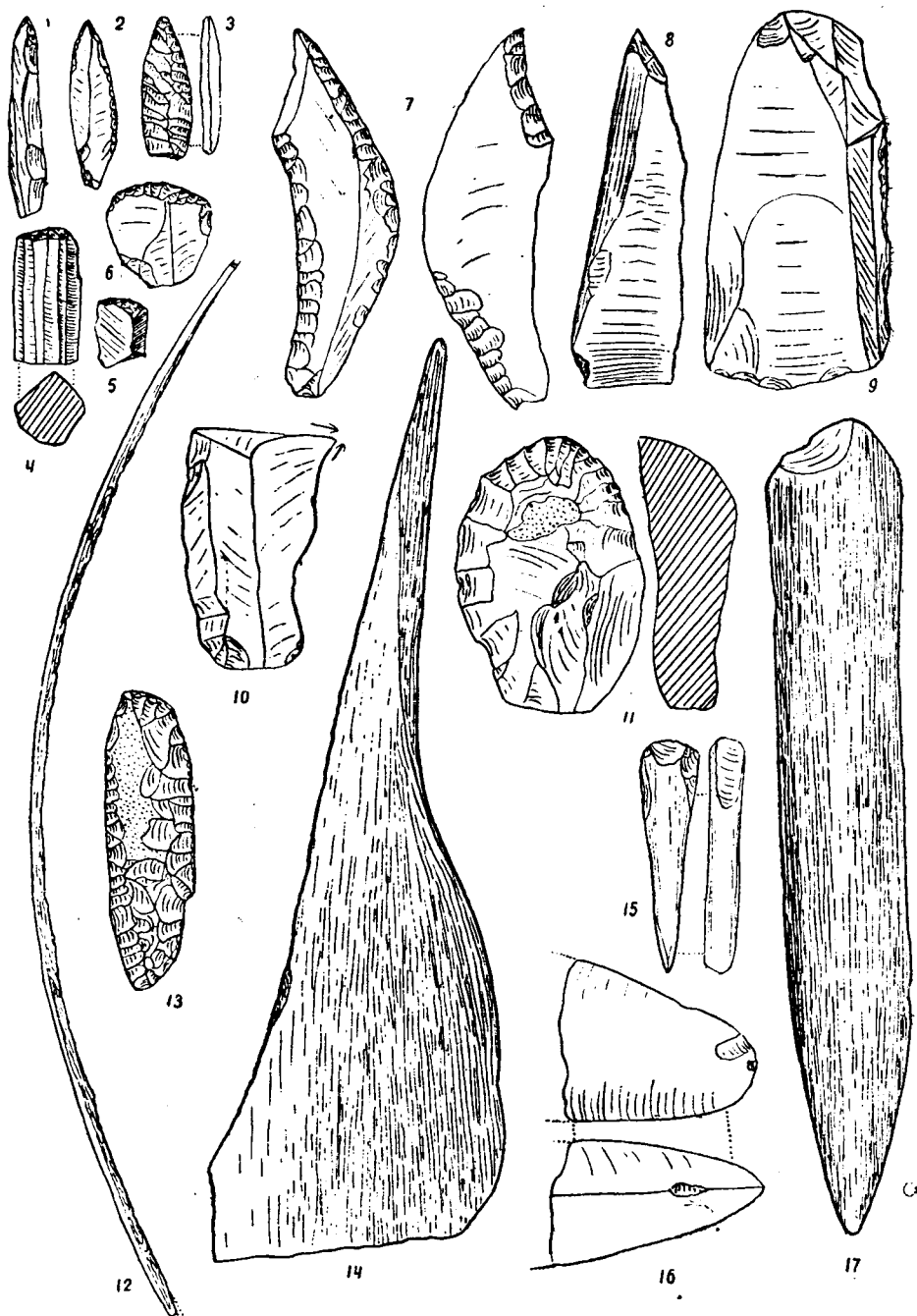
1, 3—6, 7 — около н. в. 2 — увелич. более чем в 2 раза. 8 — около $\frac{1}{2}$ н. в.

Верхнее Веретье.

- 1 — Привеска. 2 — Изображение птицы. 3 — Изображение филлина.
 4—5 — Привески. 6 — Фрагмент рукоятки. 7 — Игла. 8—9 — Изображение
 клюва утки. 10 — Шило. 11 — Кочедык. 12—15 — Фрагменты керамики.
 1—11 около $\frac{1}{2}$ н. в. 12—15 — около $\frac{5}{9}$ н. в.

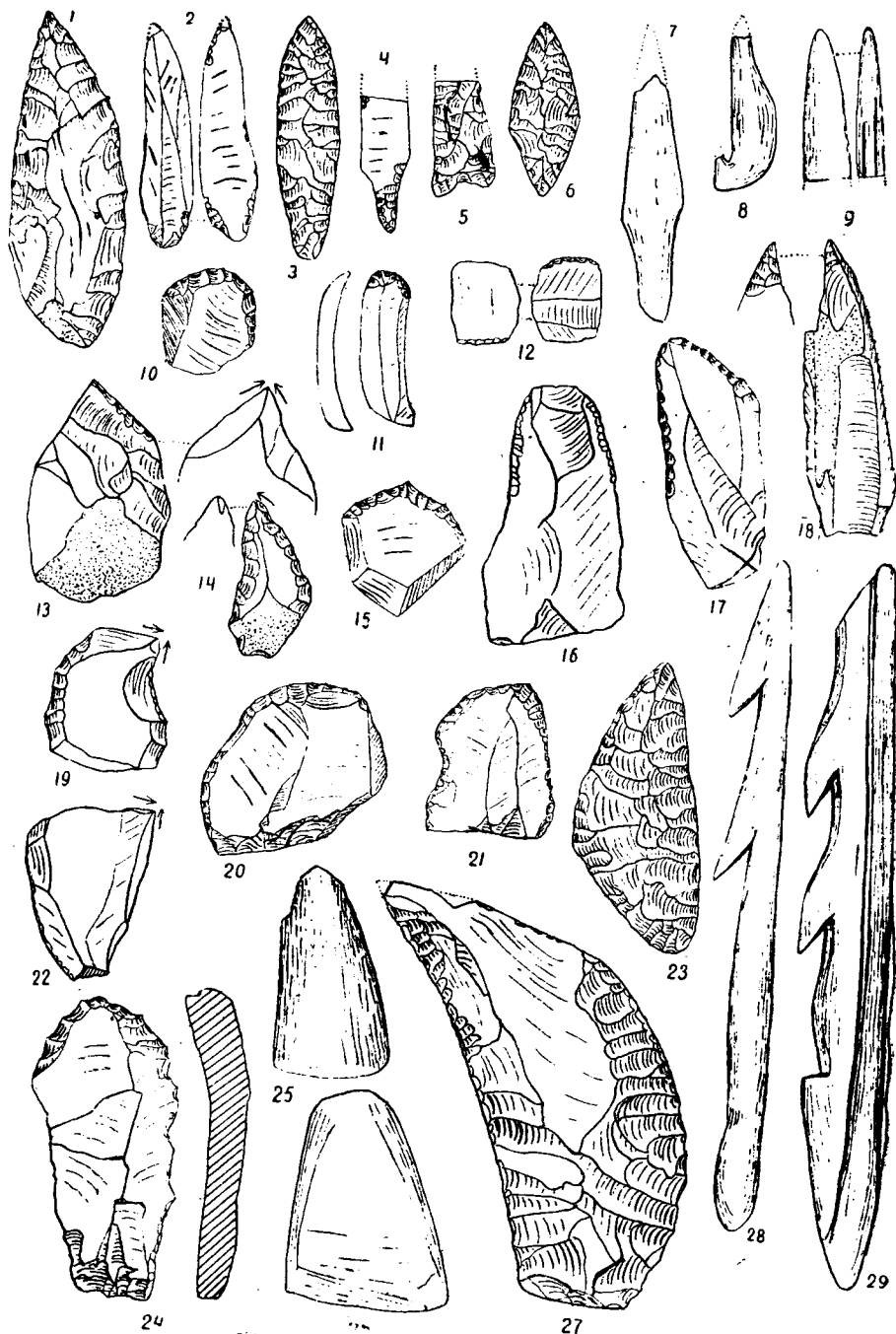
Таблица XI

Нижнее Веретье.

- 1—3 — Наконечники стрел. 4 — Нуклеус. 5—6, 11 — Скрепки. 7, 13—Ножи.
 8, 15 — Костяные долота. 9 — Сланцевое тесло. 10 — Резец. 12 — Лук
 14 — Лопатообразное орудие. 16 — Фрагмент кирки. 17 — Кочедык.
 1—11, 13—17 — $\frac{2}{3}$ н. в. 12 — около $\frac{1}{2}$ н. в.

Таблица XII

Верхнее Веретье

1-7 — Наконечники стрел. 8 — Рыболовный крючок. 9 — Фрагмент гарпуна с намеченными контурами паза. 10-11, 17, 20-21, 24 — Скрепки. 12 — Вкладыш. 13-15, 19, 22 — Орудия для резьбы. 16, 23, 27 — Ножи. 18 — Проколка. 25 — Долото. 26 — Тесло. 28 — Гарпун. 29 — Заготовка гарпуна. $\frac{3}{4}$ н. в.

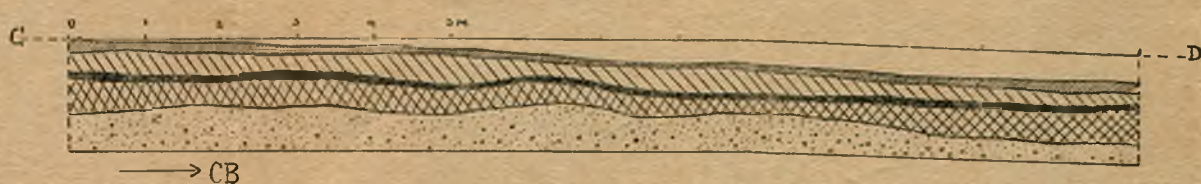

Черт. 7

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- 1 ○ 1. Керамика
- 2 • 2. Каменное орудие
- 3 I 3. Обломки костяных и каменных орудий
- 4 П 4. Гарпуны
- 5 ↑ 5. Наконечник стрелы
- 6 L 6. Удильный крючок
- 7 D 7. Долото
- 8 8 8. Привеска
- 9 R 9. Человеческая фигурка
- 10 ○ 10. Камни очага
- 11 ~ 11. Рыбья чешуя
- 12 12 12. Обломки рогов лося
- 13 13 13. Челюсть и череп
- 14 14 14. Роговая кирка
- 15 15 15. Роговой топор
- 16 16 16. Струг
- 17 17 17. Роговые предметы с резьбой
- 18 18 18. Лук
- 19 19 19. Кочедык с рукояткой в виде головы филина
- 20 20 20. Полированный топор
- 21 21 21. Конь
- 22 22 22. Шило, игла и другие костяные предметы
- 23 --- 23. Водоотводная канава

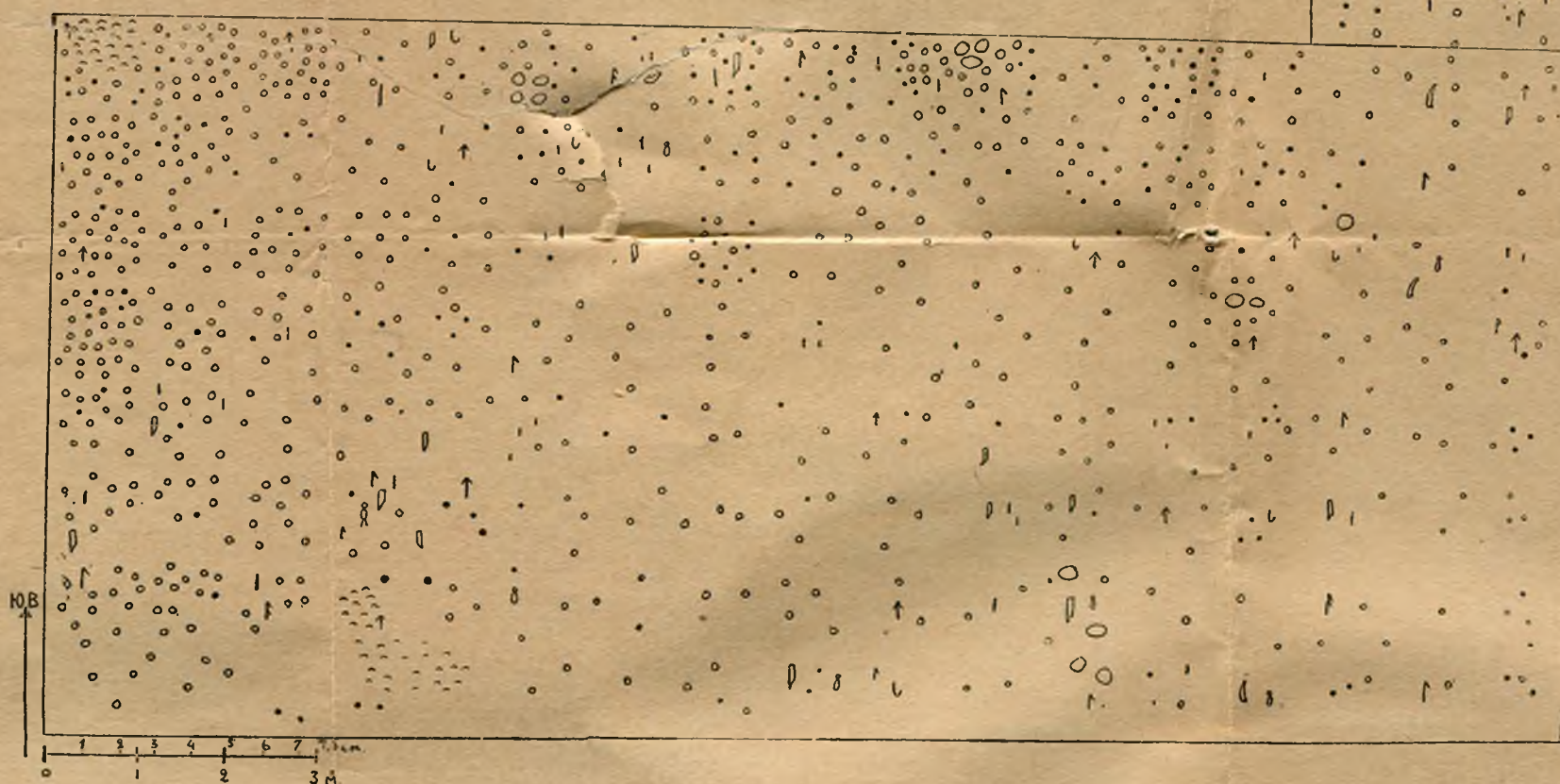
Черт. 6

Черт. 4—5

Таблица XIV

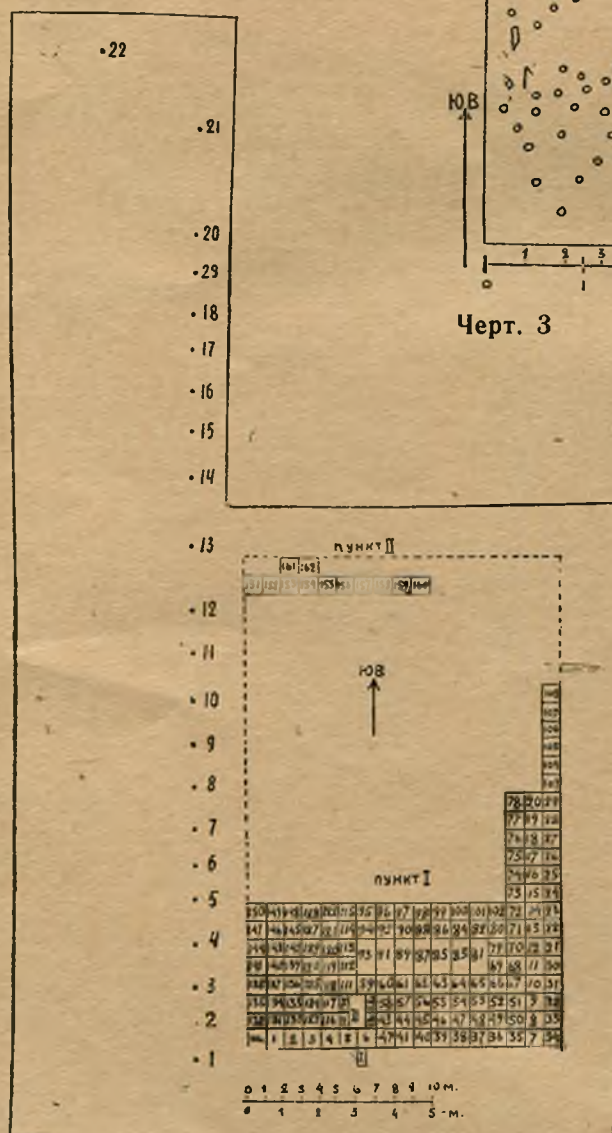
Планы и профили раскопок Верхнего и Нижнего Веретья.

Черт. 3

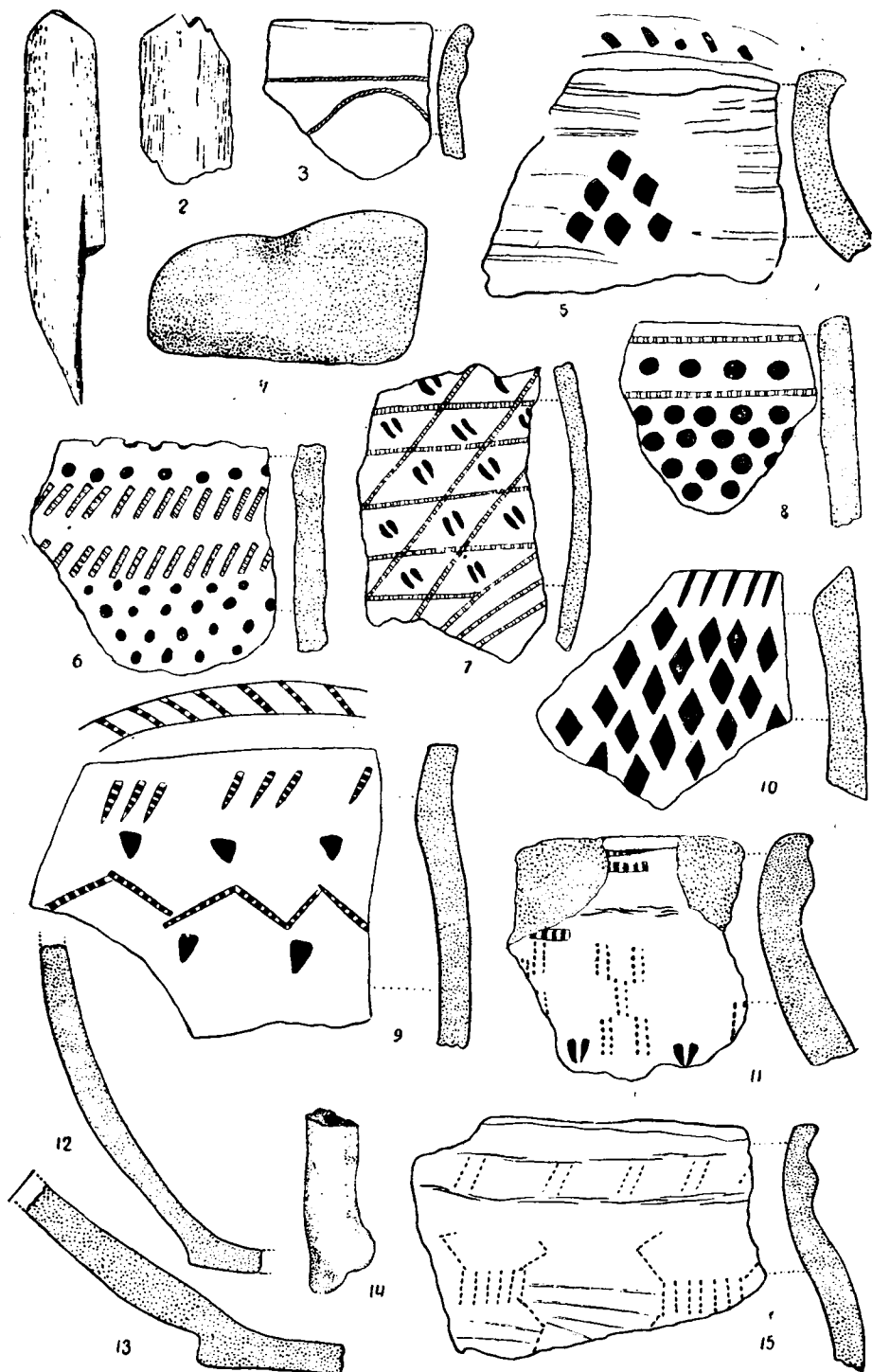
Черт. 2

Черт. 1

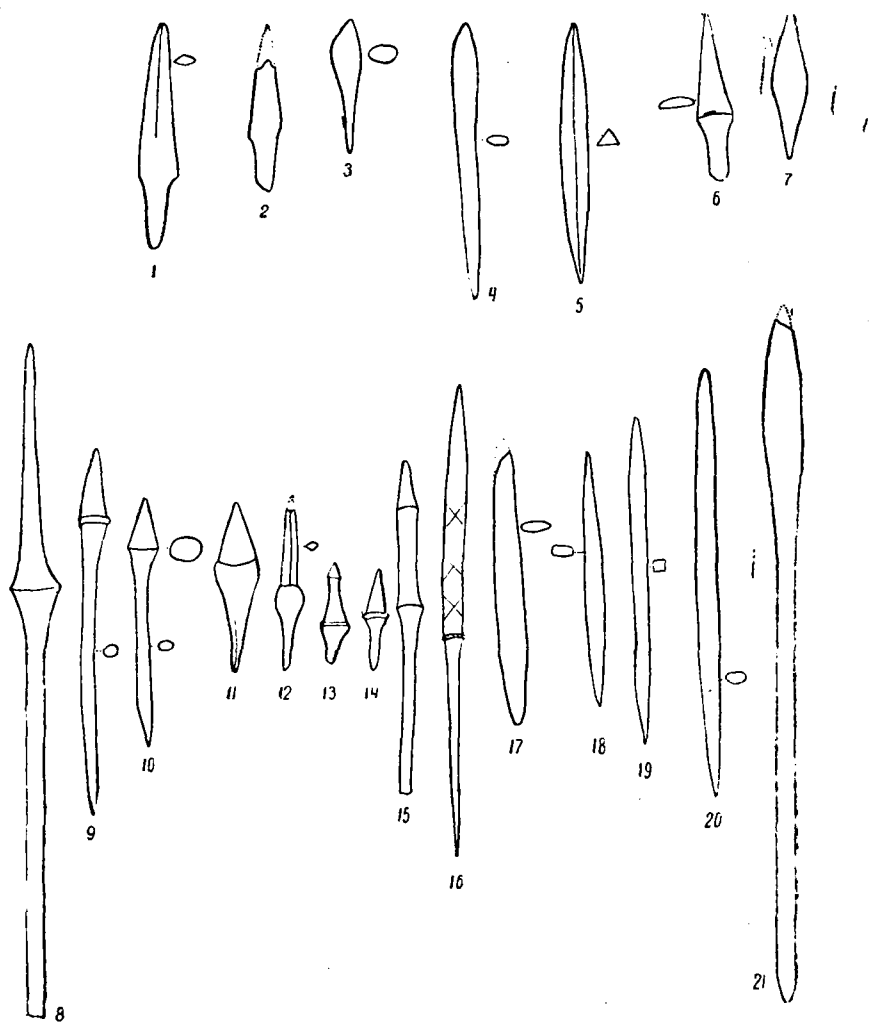

Таблица XIII

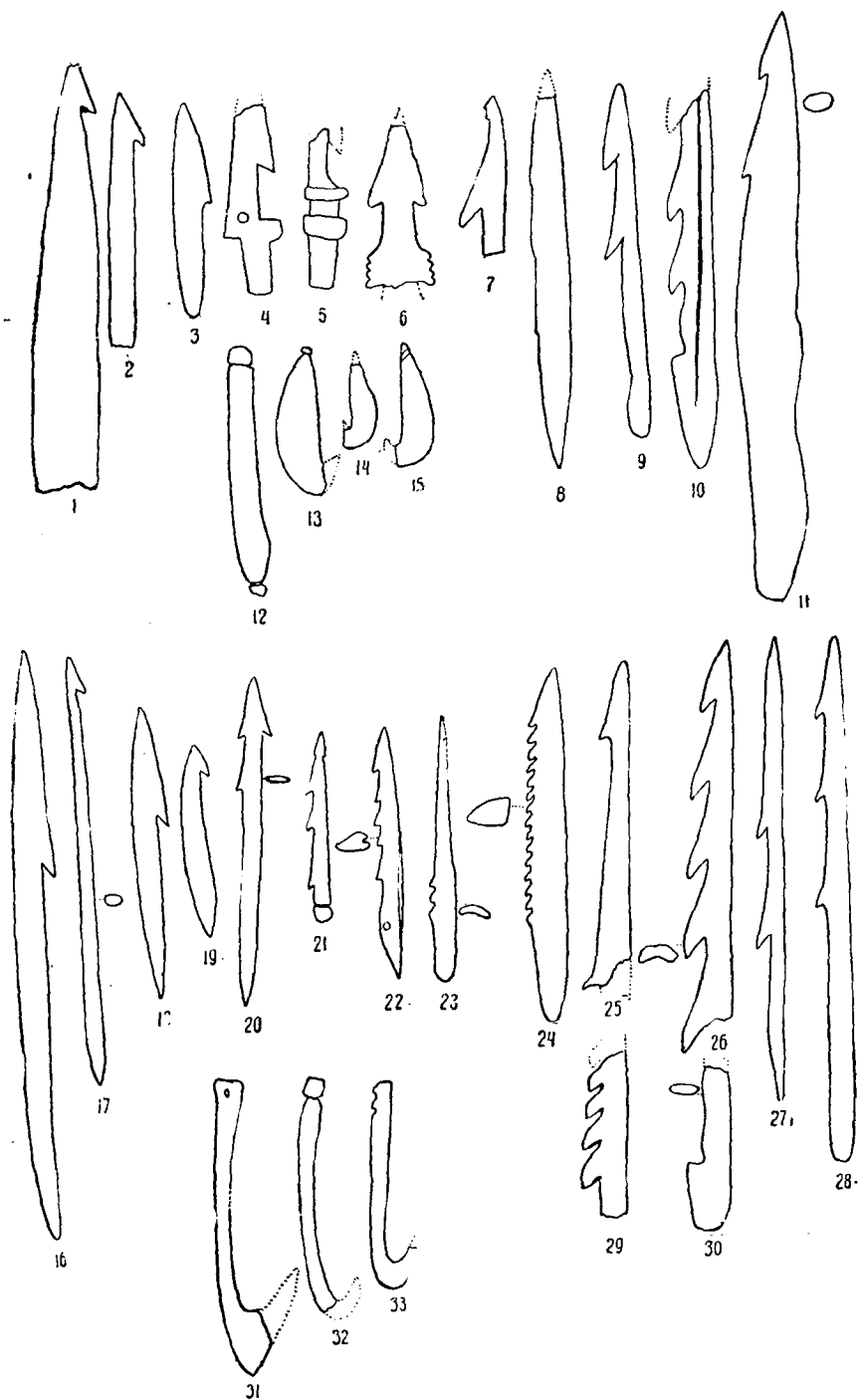

Верхнее Веретъе
 1 — Шило. 2 — Зубчатый штамп. 3, 5—15 — Фрагменты керамики.
 4 — Каменный молот. Около $\frac{1}{2}$ н. в.

Таблица XV

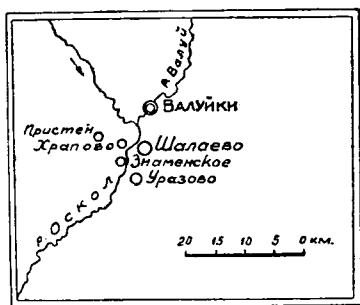
Типы наконечников стрел Верхнего (1—7) и Нижнего (8—21) Веретя.

Типы наконечников гарпунов и рыболовных крючков Верхнего (1—15) и Нижнего (16—33) Веретя.

РАСКОПКИ СТОЯНОК НА РЕКЕ ОСКОЛЕ

В 1935 г. Государственным Историческим Музеем была организована экспедиция для обследования стоянок по среднему течению р. Оскола, в окрестностях г. Валук, в местности, граничащей с Харьковской областью УССР, богатой, как известно, памятниками микролитической культуры. Задачей экспедиции было не только обследование местонахождения стоянок, но и производство раскопок в целях пополнения коллекций Историческо-

го Музея недостающими материалами по южному неолиту.

В экспедиции принимал участие приглашенный Историческим Музеем научный сотрудник Цюрипского (быв. Алешкинского) музея А. К. Тахтай.

Для начала работы был намечен к обследованию район у с. Шелаева, откуда происходит небольшая коллекция с кремневыми орудиями, составленная из сборов А. А. Орлова на дюнах р. Оскола¹, хранящаяся в Воронежском областном музее.

В окрестностях с. Шелаева р. Оскол имеет широкую пойму, ограниченную с обеих сторон песчаной надлуговой террасой, за которой на правом берегу, в некотором отдалении, возвышаются меловые горы с глубокими, перерезающими их оврагами, а на левом простирается степь с маячащими кое-где курганами.

Разведками, произведенными у сс. Шелаева и Храпова, обнаружены были следы стоянок на песках надлуговой террасы в виде редких фрагментов керамики, кремневых орудий и осколков, среди которых попадались и микролитические формы.

Открытые стоянки в значительной части сильно разрушены ветром и водой. Повсюду виднеются котловины выдувания, на дне которых находятся выпавшие из уничтоженного культурного слоя древние предметы. Во многих местах культурный слой, где толщина покрывающего его песка невелика, перекопан во время посадки вербы, произведенной с целью укрепления почвы. Таким образом, была погублена стоянка, находившаяся по другую сторону р. Оскола, почти напротив с. Шелаева; здесь было два наслоения, от которых остались кремневые орудия и осколки, а также фрагменты керамики салтовской куль-

¹ А. А. Орлов «Стоянка каменного века на р. Осколе», Труды Воронежской архивной комиссии, т. II. Воронеж, 1902 г.

туры. Находки обнаружены были на склоне дюны на протяжении 0,5 км. Больше всего их было в том месте, к которому близко подходит р. Оскол, круто изгибаясь и образуя лугу почти в виде круга.

Возможно, что присутствие среди находок керамики салтовского типа указывает на местонахождение здесь разрушенного могильника: по рассказам местных крестьян, на песках, еще до посадки вербы, находили человеческие черепа и глиняные кувшины.

Кроме этого, произведено было обследование меловых возвышенностей с целью отыскания месторождения кремня, совершенно отсутствующего в дюнных песках, за исключением мест с древними поселениями, где кремень найден в обработанном и необработанном виде. Естественно, возник вопрос, откуда доставалось кремневое сырье, — материал, необходимый для изготовления орудий. Во время разведок на одной из вершин меловых гор, лишенной всякой растительности на большой высоте, около 80 м над современным уровнем р. Оскола, была открыта стоянка, приблизительно в 1 км к югу от с. Знаменского. Скучные остатки ее — фрагменты керамики и редкие осколки кремня — найдены на поверхности почвы, на пространстве 40—50 м. При осмотре же оврагов в окрестностях этой стоянки обнаружены кремневые желваки и обломки плит. Особенно интересно было открытие залежей мелового кремня прекрасного качества, черного цвета в овраге у с. Пристена. Желваки, доходящие до 0,5—0,6 м в поперечнике, залежали почти непрерывным рядом на глубине 1—1,5 м от современной поверхности. На дне оврага найдены разбитые при падении сверху обломки желваков и осколки, покрытые характерной голубоватой патиной. Кремень по цвету и качеству ничем не отличался от кремневого материала, находимого на шелаевских стоянках, поэтому с большой долей вероятности можно предполагать, что именно здесь, в оврагах, производилась добыча кремня, и в недалеком будущем возможно открытие подобных западно-европейским каменоломен или шахт. Повидимому, и выбор места Знаменской стоянки, удаленной, вопреки обычному расположению поселений, на большое расстояние от воды и находящейся у самого края глубокого оврага обуславливался близостью залежей кремня.

Для раскопок были намечены два пункта близ с. Шелаева, на дюнах, тянущихся вдоль поймы левого берега р. Оскола в направлении к Уразову (в настоящее время районный центр). Пойма реки здесь доходит в ширину до 1 км. Высота дюн, ограничивающих пойму, колеблется от 1,5—2 м до 13—14 м. Первый пункт раскопок намечен был на расстоянии 750 м к юго-востоку — востоку от реки на песчаном бугре, не засаженном вербой, с сохранившимся культурным слоем. Здесь в стенках ямы, выкопанной строительством железной дороги Москва — Донбасс для пробы песка, замечены были осколки кремня, угольки, фрагменты керамики. Это послужило поводом к расширению ее и к началу раскопок стоянки Шелаево I.

Второй пункт раскопок намечался на расстоянии около 0,5 км в юго-восточном направлении от первого у котловины выдувания, в которой было собрано довольно много микролитов. Еще до начала раскопок здесь в нескольких пунктах произведена была зачистка стенок котловины с целью выяснения стратиграфии данной местности. В этом отношении во многом помогли глубокие карьеры ж.-д. строительства Москва — Донбасс, бравшего на дюнах песок для балласта.

Шелаево I расположено на дюне, от которой в настоящее время сохранилась лишь незначительная часть в виде бугра, ограниченного с севера ложбиной, образовавшейся от размывания песка весенними водами, а с запада — поймой р. Оскола. К югу же и востоку дюна постепенно снижается и сливается с соседними песчаными грядами. Наивысшая точка ее поверхности над совре-

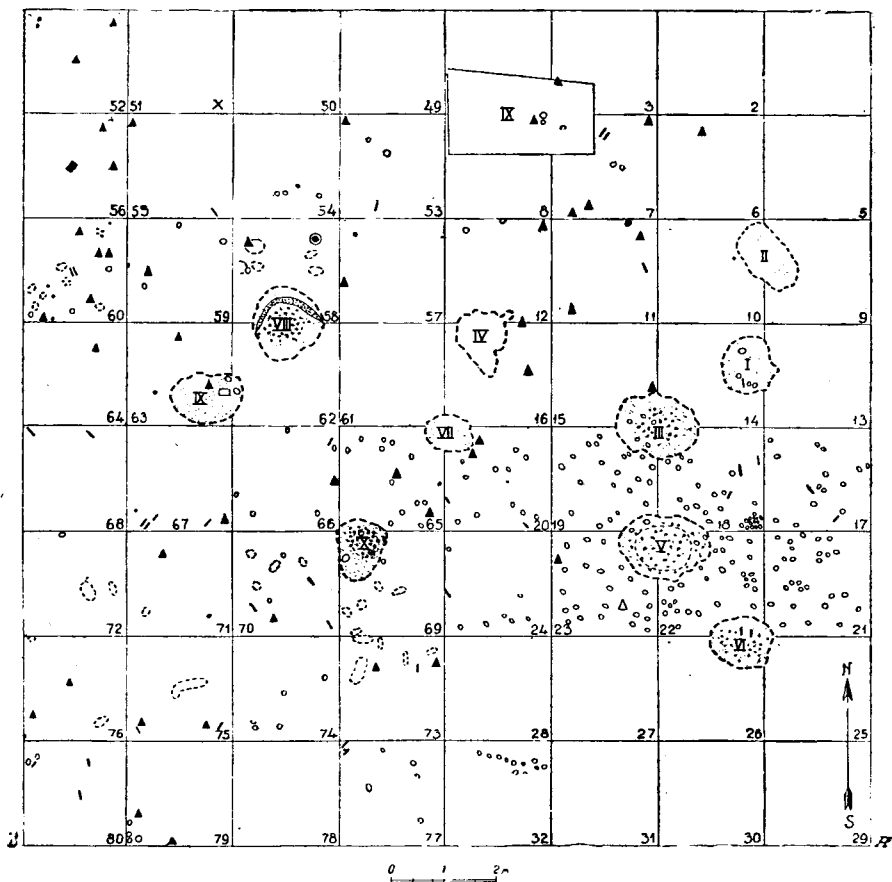

Рис. 1. План раскопок в Шелеве.

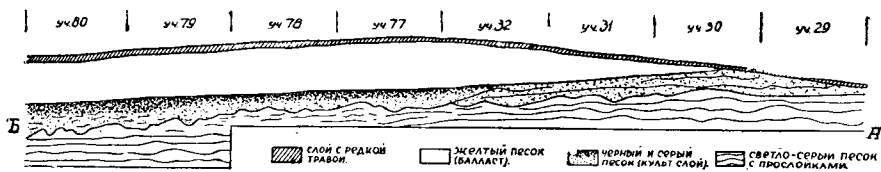

Рис. 2. Профиль раскопок в Шелеве.

менным уровнем реки — 5,5 м (высота установлена при глазомерной съемке местности в конце сентября 1935 г.).

Раскопками вскрыта лишь часть бугра площадью в 256 кв. м (рис. 1). Начаты были раскопки со снятия балласта — желтого песка, покрывающего древний культурный слой и содержащего редкие находки — обломки железных шлаков и железных предметов, фрагменты хорошо обожженной гладкой керамики, повидимому, относящейся к позднеславянской эпохе. Раскопки велись посредством одновременного вскрытия площади в 12—16 кв. м. Замеры глубины производились с относительно низвысшей точки современной поверхности стоянки, отмеченной вкопанным в этом пункте столбом (рис. 1). Толщина песка, покрывающего культурный слой, доходила в западной и юго-западной части раскопок до 1,45 м. К востоку же, как и в северном и юго-восточ-

Рис. 3. Профиль раскопок в направлении З — В.

пом направлении, она уменьшалась и у краев сходила на-нет (рис. 2). Песок, содержащий культурные остатки, в западной части был интенсивно черного цвета, местами углистый. По мере расширения раскопок к востоку он светлел и переходил в серый, а в юго-восточной части в бурый песок.

Первые древние находки — фрагменты керамики и кремневые орудия, начали попадаться на границе желтого песка с культурным слоем и шли ниже до 0,4—0,8 м вглубь. По мере углубления окраска культурного слоя бледнела, и одновременно с этим количество находок уменьшалось. При переходе же в беловатый песок, подстилающий культурный слой, находки совершенно прекращались. В беловатом песке отчетливо выделялись плотные тонкие прослойки железистых образований, наблюдаемые повсюду в песках шелаевских дюн, за исключением поверхностного, покрывающего культурный слой. В разрезе эти прослойки имели вид шнуровидных линий (рис. 3). Граница между культурным слоем и желтым, покрывающим его слоем песка, настолько ровная, идущая иногда горизонтально, иногда с небольшим уклоном, что производит впечатление как бы срезаности, вернее смыва кровли культурного слоя (рис. 4). На

последнее указывает также присутствие в верхних слоях дюны двустворчатых раковин, неоднократно находимых при раскопках.

Повидимому, при разливах р. Оскола вода доходила до места стоянки и затопляла ее.

Рис. 4. Профиль раскопок в направлении С—Ю.

Рис. 5. Профиль очажной ямы.

На площади, вскрытой раскопками в Шелаеве I, обнаружено десять ям, имевших неправильно овальную форму, большую частью с расплывчатыми краями, диаметром от 1 до 1,6 м и глубиной от 0,4 до 1 м. Четыре из них (рис. 1, III, V, VI и X), заполненные углистым песком, содержавшим кусочки углей, фрагменты глиняных сосудов и обломки костей животных, очевидно, были очажными ямами (рис. 5). Остальные ямы происходили, по всей вероятности, от вкапывания в песок сосудов, может быть, с запасами пищи. В нескольких случаях (в яме IX, рис. 1) в таких ямах находились днища сосудов. В одной из ям (рис. 1, IV) обнаружен толстый слой хорошо отмученной глины яркочерного цвета (с примесью охры), служившей, повидимому, при выделке керамических изделий для обмазки поверхности посуды.

Никаких следов землянок при раскопках стоянки не обнаружено.

Предметы, как это обычно наблюдается на стоянках, были рассеяны по всей площади, в некоторых местах гуще, в некоторых — реже. В Шелаеве I найдено много кремней без обработки, но со сбитостью краев, свидетельствующей о применении их в качестве орудий. Находки нуклеусов и осколков кремня, попадавшихся тоже в довольно большом количестве, указывают на изготовление орудий на месте стоянки.

Всего при раскопках найдено 80 кремневых орудий, несколько кварцитовых, около 2000 фрагментов керамики и один металлический предмет — обломанная бронзовая булава. Костяные орудия, если не считать один небольшой фрагмент кочедыка (?), отсутствуют. Кости животных представлены в очень незначительном количестве. Повидимому, почвенные условия данной местности были неблагоприятны для сохранения костного материала. Состав же дошедшего до нас инвентаря заставляет предполагать изготовление в Шелаеве I костяных орудий в большом количестве.

Среди кремневых орудий первое место занимают скребки (40 экз., см. табл. I, 7, 10—16), затем ножи (14 экз.). Наконечников стрел только 7 (табл. I, 2—3), а остальные орудия представлены несколькими экземплярами (резцов 2, табл. I, 8—9), проколов 3 (табл. I, 6).

Очевидно, что кремневый инвентарь стоянки пополнялся изделиями из других материалов — кости, рога, по всей вероятности дерева и бронзы.

Многие орудия Шелаева I по своей форме и размерам полностью совпадают с найденными в Изюмском округе Харьковской области и опубликованными Н. В. Сибилевым². К наиболее интересным находкам в Шелаеве I должны быть отнесены следующие предметы: нож большого размера (14,2 см в длину), прекрасной работы, изготовленный из пластины просвечивающего кремня

² Н. В. Сибилев, Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г., Изюм, 1927 г.

Табл. I

Шелаево I.

- 1 — Нож. 2—3 — Наконечники стрел. 4 — Микролит. 5 — Фрагмент брон-
 зовой булавки. 6 — Проколка. 7, 10—16 — Скребки. 8—9 — Резцы.
 17 — Скребло. 18 — Глиняное пряслице.
 $\frac{3}{4}$ н. в.

черного цвета, с тщательной ретушью по краям (рис. 6 и табл. I, 1), затем фрагментированная бронзовая булавка (табл. I, 5) и микролит трапециевидной формы, типичной для микролитических культур Донецкого бассейна (табл. I, 4). Находку микролита можно было бы рассматривать как случайное явление, как предмет, попавший из другого культурного наложения, если бы наряду с ним не имелись заготовки треугольной формы микролитических орудий, указывающие на изготовление микролитов вместе с другими орудиями на месте стоянки. Подобное наблюдение произведено и во втором пункте раскопок, о чем речь ниже. Присутствие микролитов среди «макролитов» (орудий обычного неолитического типа) отмечено также на среднем Донце С. А. Локтюшовым при раскопках Роголино-Якимовской стоянки³.

Рис. 7. Дно сосуда.

Сходство в инвентаре Шелаева I и стоянок Изюмского округа, описанных Локтюшовым, не ограничивается находками микролитов и одинаковыми формами кремневых орудий. Керамика Шелаева I по своей орнаментике во многом аналогична найденной на изюмских стоянках и представляющей вариант катакомбной керамики⁴. Характерным для шелаевской керамики является орнамент из рельефных полос с защипом, придающим вид лепного узора (рис. 7—8), иногда в сочетании с нарезными линиями (рис. 9). Такой же орнамент украшает керамику Погореловской, Непрынской и Кибикинской стоянок⁵. В связи с этим следует также упомянуть о сосуде, найденном в кургане близ г. Ворошиловграда, с зигзагообразным орнаментом (исполненным нарезом), который разделен на три пояса рельефными полосами, повидимому, воспроизведенными пальцами и ногтем⁶. Интересно отметить, что подобный орнамент наблюдается и в более позднюю эпоху на скифских глиняных сосудах в Бельском городище⁷. В шелаевской керамике встречаются фрагменты с орнаментом обычного ката-

³ С. А. Локтюшов «Доисторический период средней Донечины», 1930 г., стр. 13.

⁴ С. А. Локтюшов, то же, стр. 22—23 и 28.

⁵ То же табл. 9 и 20.

⁶ То же табл. 26.

⁷ Из раскопок В. А. Городцова в б. Полтавской губ. (в Зеньковском уезде).

комбинного типа — зигзагом или елкой (рис. 10), произведенным гребенчатым штампом и покрывающим всю поверхность сосудов. Больше же всего в Шелаеве I неорнаментированной керамики — гладкой или с грубой штриховкой, получившейся от заглаживания сырой глины гребенчатым штампом или щепкой. Форма шелаевских сосудов, судя по фрагментам, плоскодонная (толщина дна доходит до 1,5 см), плечики округлые, шейка высокая прямая, иногда выгнутая наружу.

Из керамических изделий, найденных в Шелаеве I, следует упомянуть еще о пряслице биконической формы (табл. I, 18).

Необходимо заметить, наконец, о находках, явно не связанных с комплексом стоянки, но происходящих из слоев, содержащих древние предметы. Это железный нож (найденный на уч. 56, рис. 1), фрагмент амфоры классической или раннеэллинистической эпохи (на уч. 63, рис. 1) и стеклянная бусина. Присутствие предметов поздних культур среди древних, на дюнных стоянках — довольно обычное явление, объясняемое опусканием предметов из верхних слоев (при размывании песка водой или раздувании ветром) вниз. В данном же случае проникновение вещей сверху вниз может быть объяснено не только этим: через всю площадь раскопок Шелаева I проходила полоса с неровными краями шириной в 8—10 см, отличающаяся по цвету от окружающего ее песка. По мере углубления и расширения раскопок выяснилось, что эта полоса пересекает не только культурный слой, а идет гораздо ниже — в беловатый песок, и что она представляет собой трещину, получившуюся при сдвиге почвы, в которую могли попасть из верхних слоев предметы поздних культур.

Рис. 8. Край сосуда.

Рис. 9. Боковая часть сосуда.

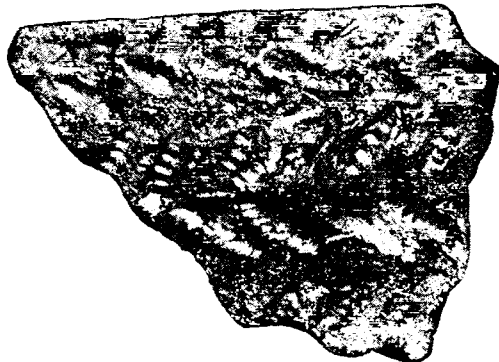

Рис. 10. Край сосуда.

Остеологический материал, представленный в Шелаеве I очень скудно, все же дает возможность говорить о разведении здесь домашних животных — коровы, лошади, свиньи и овцы или козы⁸.

⁸ По предварительному определению автора раскопок.

Во втором пункте Шелаева произведены были раскопки на перемычке, соединяющей две котловины выдувания, в одной из которых собраны микролиты вместе с орудиями поздненеолитического типа.

Стоянка Шелаево II расположена, как и Шелаево I, на надлуговой террасе р. Оскола, но несколько дальше от поймы и значительно выше. Наивысшая точка ее, отмеченная вкопанным столбом, находится на 13 м над современным уровнем р. Оскола (установлена при глазомерной съемке местности). Здесь раскопана была площадь в 72 кв. м, засаженная вербой, корни которой проникли в культурный слой, но самый слой не был затронут посадкой благодаря достаточной толщине балласта — от 0,6 до 0,7 м (рис. 11—12).

Стратиграфия Шелаево II несколько отличалась от Шелаево I. Под желтым

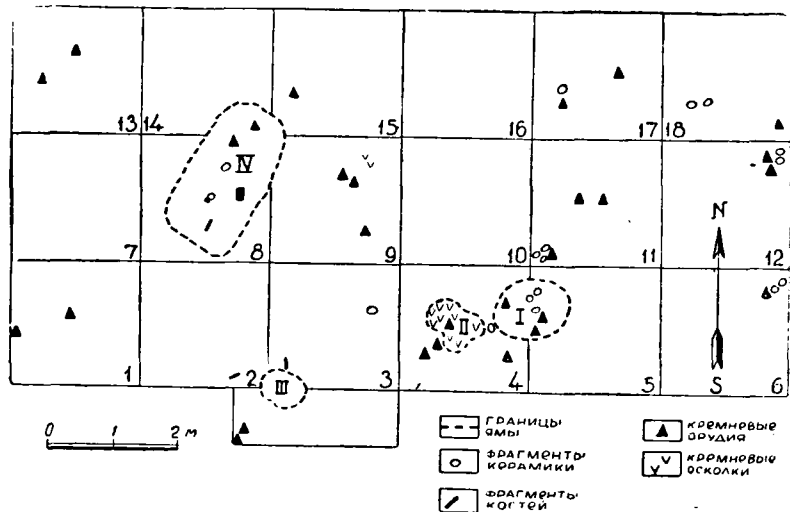

Рис. 11. План раскопок в Шелаево II

Рис. 12. Профиль раскопок в Шелаево II

слоистым песком, поросшим редкой травой, залегал черновато-бурый и бурый песок, переходящий при углублении в темножелтый. В этих двух наслоениях и заключались остатки древней стоянки. Ниже культурного слоя, толщина которого в среднем равнялась 0,30—0,40 м, шел беловатый неслоистый песок без находок; глубже в нем наблюдались те же железистые прослойки, что и в пункте I (рис. 3).

Раскопками во втором пункте обнаружена очажная яма овальной формы с диаметрами 1,15 и 0,85 м, глубиной в 0,3 м, заполненная углистым песком. На дне ее найдены части двух плоскодонных сосудов: толстостенного, орнаментированного редкими четырехугольными ямками, и тонкостенного с городчатым орнаментом, нанесенным мелкогребенчатым штампом (рис. 13). Около очажной ямы обнаружено большое скопление кремневых осколков, отщепов, нуклеусов и т. п. остатков, свидетельствующих о нахождении здесь кремневой мастер-

ской (рис. 11, I, II). Среди массы осколков, характеризующих технику позднего неолита, выделялись микролитические формы — трапецевидные, треугольные и короткие широкие пластинки, получавшиеся от перерубания ножевидных пластин и при откалывании от нуклеусов плоской соответствующей им формы (табл. II).

Интересно отметить, что в очажной яме близ стоявших в ней сосудов найдены скребки обычного поздненеолитического типа, микролит (табл. II, 3) и болванка кремневого тесла или топора. Условия нахождения этих предметов, ненарушенность культурного слоя указывают на одновременное их существование.

Кроме очажной ямы, в Шелаеве II были открыты еще две ямы, назначение которых осталось невыясненным. Одна из них (рис. 11, I) имела размеры $0,6 \times 0,7$ м, глубиной в 0,2 м; другая (рис. 11, IV) была длиной в 2,4 м,

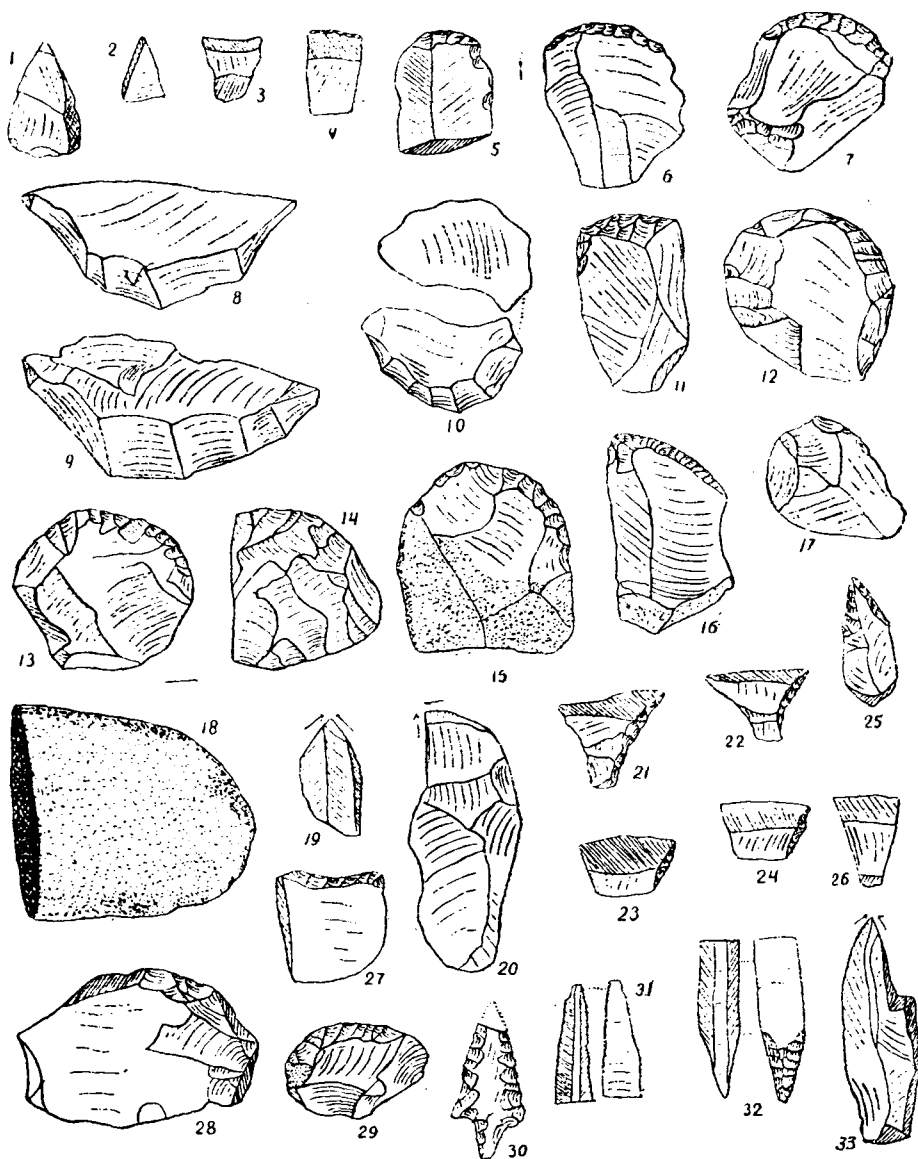

Рис. 13. Боковая часть сосуда.

а шириной в 0,75 м, причем дно ее было с наклоном к северо-востоку, где глубина доходила до 0,9 м, между тем как в противоположной части она имела глубину всего лишь 0,2 м. Обе ямы были выкопаны в беловатом песке. В ямах попадались кремневые орудия, осколки и редкие фрагменты керамики.

В отличие от Шелаева I во втором пункте обнаружены в громадном количестве отбросы кремневого производства. Кроме осколков, найдены нуклеусы (табл. II, 8—10), доходящие числом до нескольких десятков, болванки орудий и ретушеры. Законченных орудий найдено 31. Из них 14 скребков (табл. II, 5—7, 11—17), 2 резца (табл. II, 19—20), 4 ножа, 2 орудия, имеющие форму скребков, с заполированным в процессе работы лезвием (табл. II, 14), по-видимому, служившие для обработки кожи.

Таблица II

Шелаево II. 1—20 — Раскопки. 21—33 — Сборы.

1—4, 21—24, 26 — Микролитические орудия и заготовки. 5—6, 11—17, 28—29 — Скрепки. 8—10 — Нуклеусы. 18 — Фрагменты полированного орудия. 19—20, 33 — Резцы. 25 — Проколка. 27 — Скобель. 30, 32 — Фрагменты наконечников стрел. 31 — Фрагмент ножа.

$\frac{2}{3}$ н. в.

Коллекция микролитов, добытая раскопками, была пополнена сборами, произведенными в котловине выдувания — рядом с пунктом раскопок, в количестве 60 предметов (табл. II, 21—33). Среди них имеются формы, типичные для Изюмского округа — трапециевидные, подтреугольные наконечники стрел, из пожевидных пластинок, пластинки с боковыми выемками и др.

Керамика Шелаева II несколько отличается от Шелаева I. Среди орнаментов второго пункта выделяется тонкостью выполнения узор, украшающий сосуд, стоявший в очажной яме (рис. 13). К орнаментам, встречающимся в обоих пунктах, относятся редкие ямки, крупная гребенка и зашипной. Сосуды, судя по сохранившимся днищам, как и в первом пункте, изготовлялись плоскодонные и с округлыми плечиками.

Материалы раскопок в Шелаеве I и II позволяют отнести шелаевские стоянки к памятникам бронзовой эпохи. Шелаевская керамика представляет собой часть аналогии катакомбной керамики, например с зигзаговым орнаментом, произведенным гребенчатым штампом, или с рельефным узором, часть же дает местный вариант, отличающийся своеобразной орнаментикой (рис. 13). Комплекс же кремневого инвентаря характеризуется типичными для культур бронзовой эпохи орудиями — ножами из массивных пластин, скребками из массивных осколков и т. п. и вместе с этим — отдельными находками микролитов. Присутствие микролитов в комплексах культур бронзовой эпохи не является неожиданным: подобные находки уже не раз отмечались исследователями Поволжья⁹ и Украины¹⁰, по эти находки у многих археологов вызывали скептическое отношение к правильности ведения раскопок и наблюдений. Сторонники взгляда на микролиты как на элементы древней культуры, существовавшей на грани палеолита и неолита, не могли допустить присутствие микролитов наряду с керамикой бронзовой эпохи и объясняли наличие их, в каждом отдельном случае, смешением различных культурных наслоений. Отчетливая стратиграфия шелаевских стоянок исключает подобное объяснение. Изучение профилей раскопок и состава инвентаря приводят к противоположному заключению о бытовании в эпоху существования стоянок микролитов, образующих с остальной частью инвентаря — крупными кремневыми орудиями и керамикой — единый комплекс. Распределение материала дюнных стоянок на группы, часто практиковавшиеся исследователями и заключавшееся в отнесении микролитов к более древней группе, керамики — к поздней, а кремневых орудий, близких по типу к неолитическим, — к средней, приводило к искусственному созданию разновременных культур. Для устранения ошибочного представления о микролитах необходимо пересмотреть многочисленные собрания по микролитической культуре, значительно пополненные за последние годы, что даст правильное определение этой культуры и ее датировку, поможет установить различные стадии развития ее и наметить продолжительность бытования отдельных типов микролитов.

Для доказательства сосуществования микролитов с предметами бронзовой эпохи особенно ценны такие памятники, как погребения, в которых связь обнаруженных в них микролитов со всем комплексом неоспорима. Примером может служить Мариупольский могильник¹¹, погребения которого характеризуются одинаковой обрядовой стороной, одинаковой техникой кремня и кости и редкими находками микролитов. Здесь найдены кремневые ножи из массивных

⁹ В. В. Гольмстен, «Археологические памятники Самарской губ.», см. Труды секции археологии, т. IV. РАНИОН, 1928 г., и Т. Минаева «Кремневая индустрия Нижнего Поволжья». Труды Нижневолжского обл. научн. об-ва краеведения. Саратов, 1929 г., вып. 36, ч. 1.

¹⁰ По сведениям И. Н. Луцкевича, научного сотрудника Харьковского музея.

¹¹ Микола Макаренко, «Маріупольський могильник». Київ, 1933.

удлиненных пластин с краевой ретушью, скребки и проколки из массивных коротких осколков, скребки из массивных ножевидных пластин и пр. Наряду с ними найдены полированные булавы со сверлипой, настовые бусы, привески из отточенных звериных зубов и т. п. Словом, имеется комплекс, характеризующий могильник как памятник эпохи ранней бронзы на юге Европейской части СССР, и в этом комплексе, как уже упоминалось, имеются микролиты.

Другим примером, указывающим на бытование в эпоху бронзы микролитических орудий, служат находки «гигантских микролитов». Один из них найден при раскопках скорченного погребения в насыпи кургана у д. Михайловки (Харьковск. обл., Лозовск. района)¹², где, кроме «микролита», найдены были еще сосуды баночной формы и кремневый скребок из массивного осколка. Другой такой же микролит обнаружен на одной из дюнных стоянок в Изюмском районе¹³. Оба эти орудия, несмотря на свои размеры, в точности сохранили трапециевидную форму микролитических орудий, имевших распространение в предшествовавшую эпоху.

Различные формы микролитов, бытовавшие в течение длительного времени, частью исчезли, частью видоизменялись, повидному, в связи с тем или иным назначением орудия, и возможно, что продолжительность существования микролитов найдет свое объяснение в широком распространении их как вкладышей для костяных и деревянных орудий (гарпунов, ножей и т. п.), которые изготовлялись повсеместно на территории СССР в эпоху бронзы.

Вопрос о микролитах в течение долгого времени дискуссировался и в зарубежных странах, особенно во Франции.

Недавно, благодаря раскопкам, предпринятым в Мон-Бани¹⁴, микролитическая культура получила новое освещение. Материалы, добытые здесь, представляют классический тарденуаз, дающий целую серию треугольных и сегментовидных форм, а также трапеции и ромбы. Всего найдено 20 000 предметов, из них 21 выделяется необычайной для тарденуаза техникой обработки и формой. Это — 15 наконечников стрел (фрагментированных) листовидной формы с неолитической обработкой, 2 наконечника робенгаузенского типа (с черешком и лопастями), 3 обломка полированных топоров и 1 полированный лям. Все эти предметы дают основание автору раскопок датировать Мон-Бани концом неолита и даже халколита, т. е. продолжительность бытования типичных тарденуазских форм отнюдь не ограничивать тарденуазской эпохой. Судя по многочисленным находкам микролитов совместно с памятниками бронзовой эпохи, изучение микролитической культуры на территории СССР приведет к аналогичным выводам.

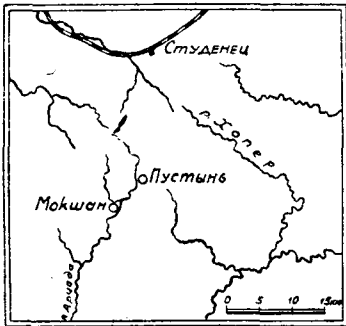
---

¹² Сведения любезно сообщены Н. Н. Луцкевичем, научным сотрудником Харьковского музея.

¹³ См. указ. соч. Н. В. Сибилева.

¹⁴ Raoul Daniel «Nouvelles études sur Tardenoisien». Bull. de la Soc. Préhist. Franc., 1934, № 12.

ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ У СЕЛЕНИЙ МОКШАН И ПУСТЫНЬ

Материал раскопок трех стоянок бронзовой эпохи, проведенных в 1926 и 1928 гг. близ села Мокшан в 60 км к юго-западу от г. Пензы, не является новым в археологической литературе, так как он в значительной мере использован в работе А. П. Бруглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы». Однако использованными оказались только архивные данные ГАИМК, без привлечения коллекций, хранящихся в Пензенском краевом и Гос. Историческом музеях. Поэтому нахожу

полезным подробнее описать как самые раскопки, так и добытый ими материал. К этому побуждает и тот интерес, который проявился к памятникам бронзовой эпохи за последние годы, а также и то обстоятельство, что большинство исследованных стоянок этого времени остаются или вовсе неопубликованными, или опубликованными недостаточно подробно, как, например, чрезвычайно интересные раскопки поселения у хутора Ляпичева, проведенные экспедицией ГАИМК¹. Раскопки стоянок близ сел Мокшан и Пустынь, расстояние между которыми едва ли достигает одного километра, как в 1926, так и в 1928 г. носили разведочный характер и по методам работы (проведение пробных траншей), и по незначительности охваченной ими площади. Экспедицией 1926 г., в которой принимала участие научная сотрудница Пензенского музея Н. И. Спрыгина, были найдены стоянки на Волчьем овраге, близ села Пустынь, и одна из стоянок на речке Зимнице (Зимница I); последняя стоянка тогда же подверглась раскопкам. В 1928 г., при участии научной сотрудницы Гос. Исторического Музея Л. А. Евтюховой, велись раскопки на Зимнице I, на Зимнице II и на Волчьем овраге.

Зимница I

Река Зимница берет свое начало в обширной котловине округлой формы диаметром около двух километров. У местного населения эта котловина носит название «Котлина». Она, по свидетельству крестьян, никогда не подвергалась вспашке. Котловина образовалась из сети оврагов, заплывших и слившихся еще

¹ М. И. Артамонов «Донская экспедиция ГАИМК» «Проблемы истории материальной культуры» № 1—2, 1933 г., стр. 51—55.

и глубокой древности, задолго до появления там поселений бронзовой эпохи. По денудационные процессы продолжают и в настоящее время, и вся местность изрезана более или менее значительными оврагами с обрывистыми, осылающимися берегами. По дну одного из них протекает речка Зимница и километрах в 6 в юго-западном направлении от котловины впадает в реку Арчеду, приток Хопра. Недалеко от истоков Зимницы справа и слева в нее впадают несколько оврагов. Напротив одного из них, в котловине на правом берегу, было обнаружено культурное наследие (рис. 1, план стоянки Зимницы I). В период существования стоянки овраг, по дну которого протекает Зимница, несомненно, был значительно уже и мельче, а край поселения подходил ближе к реке. Теперь сильный размыв и большие обвалы и осыпи уничтожили прибрежную полосу древнего поселка.

Против стоянки, на левом берегу речки, овраги, по дну которых протекают ручьи, окружили со всех сторон продолговатый участок берега, образовав как бы «остров» длиной в 156 м и шириной до 55 м, тянувшийся в направлении с СВ на ЮЗ (рис. 1). У юго-западного его конца глубина оврага достигает 6 м. Овраги же, окружающие его с северо-востока, значительно мельче, в некоторых местах не глубже метра. Обследование осыпавшихся берегов показало, что на всем протяжении «остров» занят культурным слоем, который в юго-западной половине содержит в себе наибольшее количество археологических находок.

Левый берег оврага, окаймляющий «остров» с юго-западной стороны, образует при впадении в Зимницу мыс, занятый холмом, на вершине которого располагаются остатки кургана (рис. 1), разрытого крестьянами года за два до первых наших раскопок.

В 1926 г. против оврага, отделяющего «остров» от кургана, были заложены три траншеи (рис. 1, тр. I—III). Они непосредственно прилегли к обрыву, в направлении с ССВ на ЮЮЗ. Площадь, вскрытая ими, равнялась 40 кв. м. В 1928 г. была проведена траншея IV, длиной в 18 м, перпендикулярная к траншее I и направленная на СЗЗ. Шесть шурфов, заложенных по прямой линии в продолжение траншеи IV, позволили установить западные границы поселения. Так как в этом направлении количество находок постепенно убывало, а последний VI шурф не дал никаких культурных остатков, ясно, что западный край стоянки находится где-то между V и VI шурфами, т. е. приблизительно в 120 м от берега. О протяженности стоянки вдоль берега дает представление осыпь оврага, содержащая культурные остатки на расстоянии 330 м. При этом наибольшее количество их падало на середину поселения, где и были заложены траншеи I—III.

Если считать три шурфа (рис. 1 — шурфы VII—IX), заложенные к ССВ от шурфа I, то общая площадь раскопок на правом берегу равнялась 71,5 м. На всем ее протяжении культурный слой совершенно однороден и внешне напоминает чернозем. Ни золы, ни угля в нем не было обнаружено. Глубина его залегания в траншеях доходила от 70 (в СЗЗ конце траншеи IV) до 85 см (у берега). У западной окраины стоянки толщина культурного слоя равнялась 55 см. Повсюду культурные остатки попадались непосредственно под дерном и резко обрывались у материковой глины. Это обстоятельство указывает на то, что при появлении человека на берегах Зимницы чернозем еще не успел нарасти, и первые следы жизни человека отлагались или непосредственно на глинистый грунт, или на весьма еще тонкий слой чернозема.

Культурный слой на «острове» ничем не отличался по своему составу от культурного слоя на правом берегу. Он был также совершенно однороден: никаких ям, угля или золы не было замечено. Но здесь подстилающим слоем являлась не глина, а чернозем: его толщина у юго-восточного конца траншеи

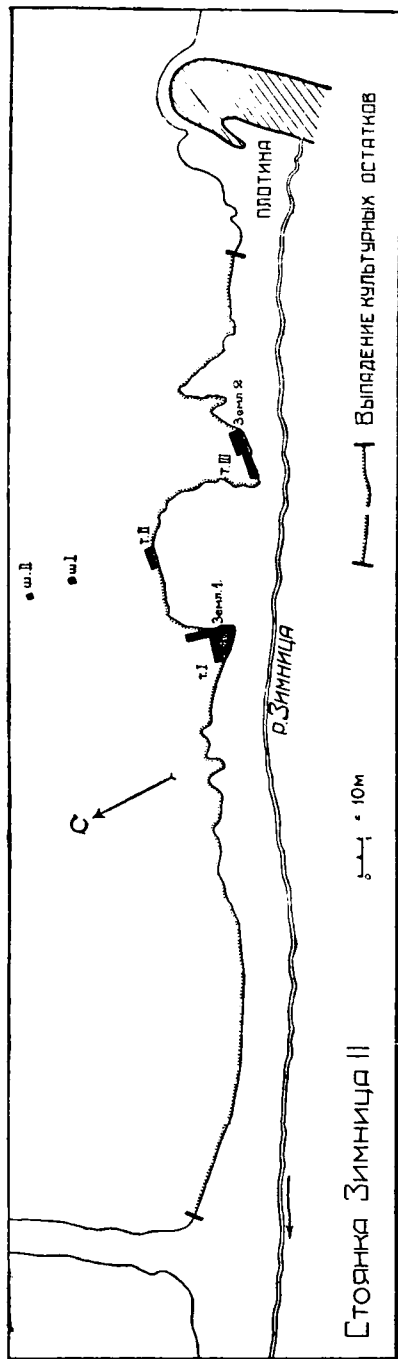

Рис. 2. План стоянки Зимница II

очень невелика и постепенно увеличивается до 75 см в северо-западном конце траншеи. Так как по внешнему виду культурный слой очень напоминал чернозем, то отличие его от подстилающего слоя заключалось только в известной насыщенности культурными остатками. Ниже чернозема лежала желтая глина.

Археологический материал, добытый на стоянке Зимница I, однообразен и состоит почти исключительно из черепков глиняной посуды, редко крупных, и костей домашних животных: коровы, лошади, овцы и свиньи. Кроме того, в шурфе I были найдены на глубине 50 см три каменных терки, лежавшие в непосредственной близости друг от друга.

Правобережная стоянка и стоянка на «острове», существовавшие одновременно, являются одним культурным комплексом, о чем прежде всего свидетельствует тождество керамики. Курган, насыпанный на холме на левом берегу реки, был настолько разрушен раскопками крестьян, что продолжение работ на нем в 1926—1928 гг. не представлялось целесообразным. По сведениям, собранным у крестьян, в нем были найдены человеческие кости и горшок. Один черепок, вероятно, от него был найден на кургане в отвале земли. По типу он похож на керамику стоянки. Это обстоятельство, а также совершенно исключительное положение кургана в надпойменной долине реки, в непосредственной близости от стоянки, заставляют думать, что и он принадлежал к одному с нею культурному комплексу.

Зимница II

Стоянка Зимница II лежит на том же правом берегу реки Зимницы, ниже по ее течению, на расстоянии одного километра от стоянки Зимницы I. Здесь непосредственно за плотиной, в

разреze осыпающегося берега, было обнаружено культурное наслоение (рис. 2), которое тянется по берегу до оврага, впадающего в Зимницу в 260 м от плотины. На всем протяжении стоянки разрушение берега идет интенсивно, с большими обвалами и осыпями; левый же берег р. Зимницы в дан-

ном месте совершенно пологий. Метрах в 80 от плотины разрушение особенно сильно уничтожило часть берега, образовав большую полукруглую котловину. У ее концов находятся два мыса с обрывистыми, почти отвесными краями. Представлялось целесообразным начать пробные раскопки стоянки именно в этих, наиболее подвергнутых

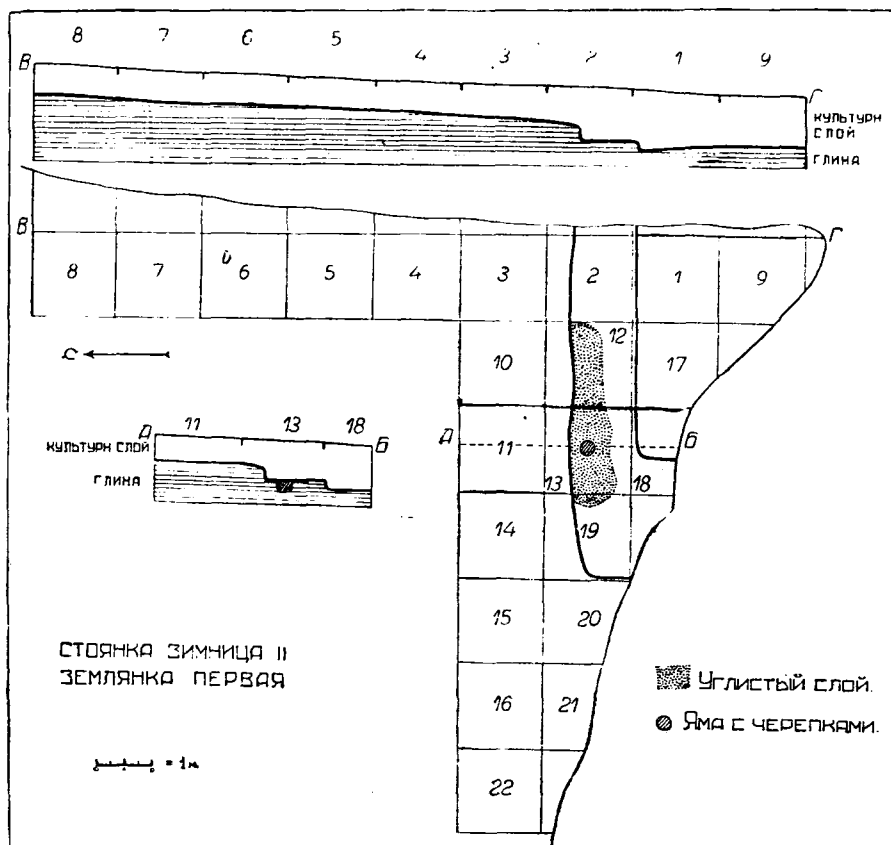

Рис. 3. План и профиль землянки № 1 на стоянке Зимница II.

разрушению, местах. Поэтому как на западном, так и на восточном мысах были вскрыты небольшие участки, показавшие, что выбор именно этих мест был удачен, так как в обоих случаях удалось обнаружить остатки жилых сооружений. Траншея II и шурфы I и II (рис. 2) дали возможность определить протяжение культурного наложения к северу ст берега реки. Оказалось, что в этом направлении, у котловины, оно едва превышает 30 м, так как последний шурф (II) не дал никаких культурных остатков. Таким образом,

выяснилось, что древний поселок тянулся относительно узкой полосой вдоль берега реки. Обвалы и осыпи уничтожили большую часть землянки № 1 (рис. 3). От нее сохранился только один северо-западный угол, который занимал собою конец западного мыса. По характеру культурное наложение, как заполнявшее землянку, так и лежавшее вне ее, ничем не отличалось от слоя Зимницы I и «острова»: оно напоминало чернозем с редким включением костных остатков и небельших фрагментов керамики. Глубина культурного слоя в этом месте достигала 55—60 см. Подстилающим слоем служила плотная красноватая глина. В этой глине и были вырезаны пол и стены землянки. В настоящее время трудно сказать, была ли построена землянка № 1 в начале существования поселка. Впрочем, полное отсутствие признаков, указывающих на то, что уже накопившийся культурный слой был прорезан стенками жилища, говорит за ее относительно раннее возникновение.

Сохранившийся северо-западный угол первой землянки свидетельствует о том, что первоначально все жилище имело прямоугольные очертания и было значительных размеров. Стены были вырыты в плотном глинистом грунте и имели гладкую, совершенно вертикальную поверхность. Остаток северной стены был длиною в 6 м, западной — в 75 см. На 40 см ниже поверхности глины, вдоль северной и западной стены, был вырезан в глине широкий уступ, сантиметров на 20 возвышавшийся над полом. По северной стенке максимальная ширина уступа равнялась 1,10 м. По западной же стенке уступ, шириною в 2 м, сохранился лишь в незначительной части. Прямоугольные очертания уступа и строгая вертикальность его стенок сохранились с полной четкостью. Подобные уступы, или земляные нары, очевидно, были обычным явлением в конструкции жилищ срубной культуры. Правда, в настоящее время раскопки таких землянок столь немногочисленны, что затруднительно было бы привести достаточное количество аналогий; в землянке № 2, поселения у хутора Ляпичева², обнаружены совершенно такие же нары. Уступ или нары, сооруженные внутри землянки, могли заменять лавки и стол, а также служили возвышением для очага. Действительно, уступ у северной стенки на протяжении 3,5 м был покрыт слоем угля в метр шириною. Это явление заставило обратить на себя особое внимание, так как уголь совершенно отсутствовал в культурном слое всех трех стоянок. В середине 13-го участка, в угольном слое (рис. 3), в уступе была вырыта круглая ямка диаметром в 25 см и глубиною в 25 см. Ямку заполняли черепки от трех больших балочных сосудов, из которых полностью не удалось восстановить ни одного. Следы нагара, покрывающие эти черепки, свидетельствуют о длительном пребывании сосудов на огне очага.

К описанию очертаний землянки остается прибавить, что поверхность пола на всем протяжении сохраняла почти полную горизонтальность. Прекрасную сохранность стен, уступов и пола землянки, все линии которых встречаются почти под прямыми углами, приходится относить не только за счет плотности глиняного грунта, в котором было выкопано жилище. При длительной заселенности землянки глиняные уступы, на которых, очевидно, сидели и спали, не могли сохранить правильных очертаний. Естественно, они подверглись еще большому разрушению, когда жилище было покинуто. Приходится предполагать, что стены и нары были обложены деревянными плахами, которые придавали им прочность во все время существования землянки. О том, что в эпоху поселений на реке Зимнице техника обкладки стен плоскими плахами была развита в совершенстве, свидетельствуют погребения этого времени. Здесь имеются в виду деревянные обкладки могильных стен плахами или бревнами, скрепленными на углях, так называемые срубы. Способы их скрепления были про-

² М. И. Артамонов, указ. работа.

слежены еще в 1902 и 1903 гг. В. А. Городцовым при его работах в Изюмском и Бахмутском уездах³, а также в 1925 г. в Мелекесском уезде б. Самарской губ. Эта техника получила свое развитие при постройке жилых помещений, а, конечно, не при установке могильных срубов. В процессе этой же работы, в эпоху срубной культуры развились прекрасные бронзовые топоры с относительно широким лезвием и долота. Клады мастеров-литейщиков этого времени указывают на разнообразие форм топоров, находившихся в одновременном употреблении⁴.

Вероятно, деревянная конструкция ограничивалась обкладкой внутренних стен жилища и возведением кровли. Для постройки надземного сруба из крупных бревен, возвышавшегося над большой земляночной ямой, требовалась более высокая техника обработки дерева и скрепления углов не простыми пинами, входящими в пазы. Если действительно надземные стены отсутствовали, то крыша землянки должна была начинаться от земли.

Подобное покрытие прослежено В. А. Городцовым в том же курганном кладбище близ сел. Камышевахы⁵. В одном из погребений времени срубной культуры над могильной ямой была возведена двухскатная крыша. Наверху оба ската опирались на большую балку, укрепленную над могилой на двух столбах, врытых на некотором расстоянии от краев могилы. Эта балка и играла роль гребня крыши, лежавшей своим нижним краем на горизонте. Таким образом, ее основание размерами площади превышало могильную яму. Подобная крыша над большой землянкой, несомненно, должна была иметь подпорки в виде столбов, врытых в полу землянки и поддерживавших слегу гребня. В первой землянке Зимницы II никаких следов ни от столбов, ни от ямок не осталось. Отчасти это объясняется тем, что обе землянки дошли до нашего времени далеко не в целом виде. Столбы должны были стоять в середине землянки, по длинной ее оси, а это место совершенно уничтожилось осыпями оврага. На полную возможность подобной конструкции крыши указывают ряды ямок от столбов, прослеженные экспедицией ГАИМК в землянке № 1 у хутора Ляпичева⁶.

Крыша, возведенная над первой землянкой, должна была превышать размерами земляночную яму и упираться в землю за ее пределами, как это наблюдается на двухскатном покрытии над могилой в Камышевахе. Совершенно не следует думать, что основание крыши упиралось в угол уступа внутри земляночной ямы. Этому противоречат два обстоятельства. Во-первых, края ямы не могли бы сохраниться в целостности, а, будучи за пределами крыши, подвергались бы размыванию и осыпанию; при этом сырость проникала бы в землянку по ничем не защищенным скатам. Во-вторых, устройство крыши на уступе совершенно не вяжется с расположением на этом же уступе очага. В этом случае он приходился бы непосредственно под крышей, что вызвало бы неминуемый пожар. Даже при наличии относительно высокой крыши, края которой упирались в поверхность земли вне землянки, над очагом обязательно должно было находиться отверстие.

³ В. А. Городцов, «Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.». Труды XII археологич. съезда, ст. 174, 1901 г.

В. А. Городцов, «Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г.», Труды XIII археологич. съезда, стр. 356, рис. 96; Камышевахы; кург. 5, погр. I.

⁴ Клады литейщиков близ сел. Колонтаевки. Харьковской области и близ сел. Скакун, Воронежской области. Собрания ГИМ. Инв. №№ 24128—14131 (Колонтаевка) и 25548 (Скакун).

⁵ В. А. Городцов, там же, стр. 262 и сл.; кург. 7, погр. I; рис. 97 и 98.

⁶ М. П. Артамонов, указ. работа.

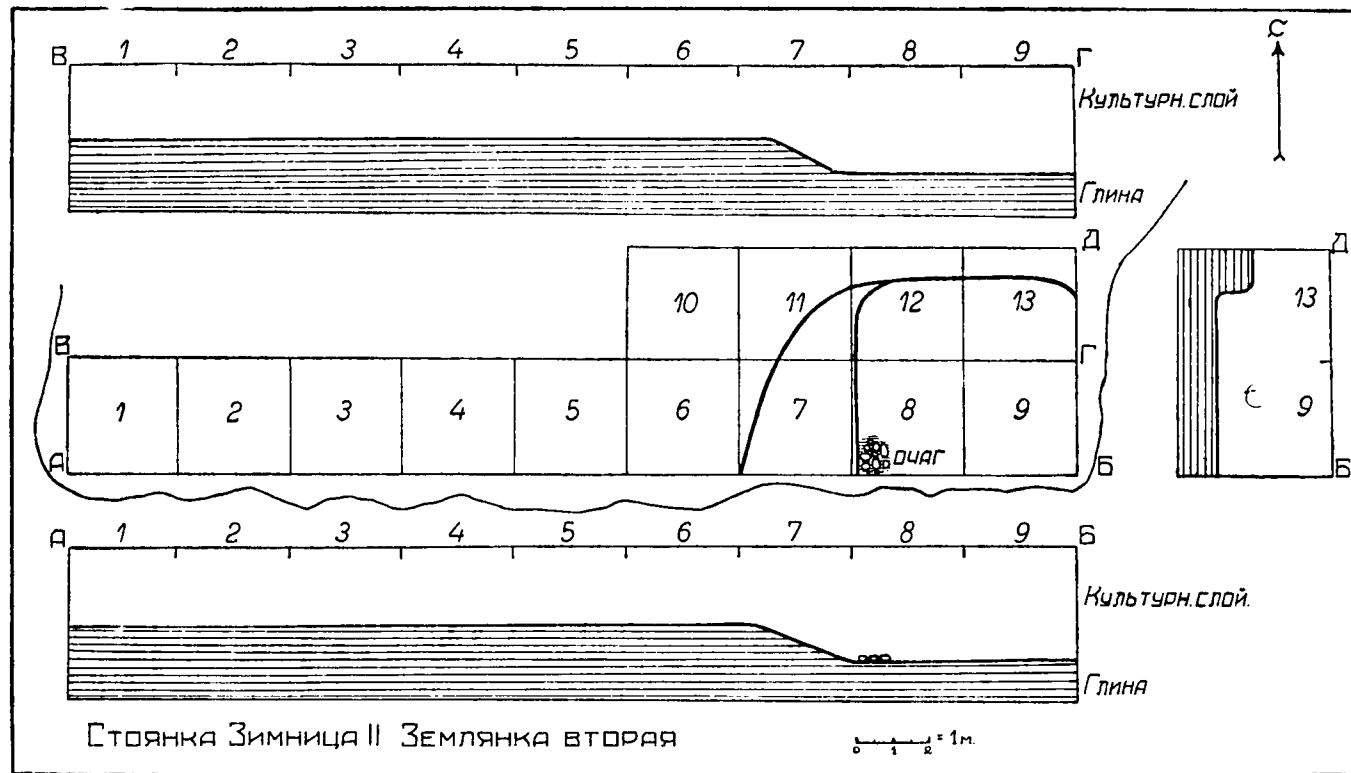

Рис. 4. План и профиль землянки № 2 на стоянке Зимница II.

В культурном слое, окружавшем и заполнявшем первую землянку, найдены, как и на стоянке Зимницы I, кости домашних животных и черепки глиняной посуды. Кроме них, на уступе, на участке 2-м, лежала каменная зернотерка, а на участке 9-м найдены два фрагмента округлого жернова.

Вторая землянка (рис. 4) находилась на восточном, ближе к плотине, мысу. От нее сохранился так же, как и от первой, северо-западный угол, позволяющий судить, что пол здания имел прямоугольную форму, а стены его были ориентированы по странам света. Землянка, выкопанная в плотной глине, имела совершенно отвесную и прямую северную стенку и плоский пол. Сохранившийся остаток стены был равен в длину 3 м. Высота его до уровня глины равнялась 50 см. Культурный же слой, залегающий над землянкой, достигал полутораметровой толщины. К западной стенке землянки вел вход в виде пологой покатости, длиною около 1,6 м. Ближе к северной стенке склон входа становился короче и круче. На краю землянки, у подошвы покатости входа, помещался округлый очаг, достигавший в диаметре до 60 см, сложенный из 7 камней. Большинство их представляли собою крупные фрагменты шлифованных каменных орудий, вероятно зернотерок. На очаге и вокруг него лежал слой золы и угля, почти совершенно отсутствовавших в культурном наслоении как засыпавшем землянку, так и лежавшем вне ее пределов. Среди золы и угля попадались крупные фрагменты костей домашних животных и мелкие пережженные кости, а также черепки глиняной посуды. Таким образом, содержимое очажного слоя, если не считать большого количества пережженных костей, ничем не отличалось от обычного содержимого всего культурного наслоения Зимниц I и II.

Вторая землянка отличалась от первой отсутствием уступов и расположением очага непосредственно на полу у входа, очевидно, для вытяжки дыма. Разное устройство жилищ, находящихся в одном поселке, в непосредственной близости друг от друга, наблюдается не только на стоянке Зимницы II. Раскопками поселения аналогичной культуры у хутора Ляпичева обнаружены остатки двух жилых сооружений, разных как по размерам, так и по форме и, несомненно, по назначению. Так же, как и на Зимнице II, в одной из землянок у стен были найдены уступы, в то время как стены другой землянки оказались совершенно прямыми.

Раскопки второй землянки дали мало нового для реконструкции всего жилого помещения. Правда, явилась возможность представить вход в жилище не ступенчатым, а в виде пологой покатости. Повидимому, он был достаточно широким, так как сохранившаяся его часть достигала трехметровой ширины.

Очаг в жилищах срубной культуры, вероятно, не имел определенного места. В землянках Зимницы II он расположен в совершенно разных местах, а именно в одном случае близ стены на уступе, а в другом — у входа в жилище. На эту же неустойчивость положения очага указывают раскопки А. П. Терепожкина близ гор. Путачева в том же 1928 г.⁷ В трех обследованных им землянках очаги, неодинаковые по размерам и очертаниям, оказались в разных местах жилищ, но всегда располагались близ стены так же, как и в первой землянке Зимницы II. Основываясь на этом, можно предполагать, что в зарыше у стены существовало отверстие для вытяжки дыма.

Волчий овраг

Километрах в трех к северу от стоянок на р. Зимнице поле, принадлежащее селу Пустыни, изрезано сетью глубоких оврагов. Наиболее значительный из

⁷ Для ознакомления с этими раскопками я воспользовалась рукописью, предоставленной мне А. И. Тереножкиным.

них со всеми выпадающими в него отрогами известен под названием Волчьего оврага. Обследование сильно осыпающихся его берегов показало, что почти по всему правому берегу северного ответвления оврага тянется культурное наслоение, характеризующееся выпадением из осыпи фрагментов керамики и костей домашних животных: коровы, лошади, овцы и свиньи (рис. 5). Обнаруженные таким образом остатки древнего поселения свидетельствуют, что оно, как и первые два, принадлежит ко времени срубной культуры. Как и поселения Зиминцы I и II, оно располагалось вблизи от водных источников, в данном случае от ключей, протекающих по дну Волчьего оврага и его отрогов.

Слой, включающий в себе культурные остатки стоянки Волчий овраг, напоминает по внешнему виду чернозем. Было, однако, замечено, что наслоение далеко не равномерно насыщено черепками и костями. В некоторых

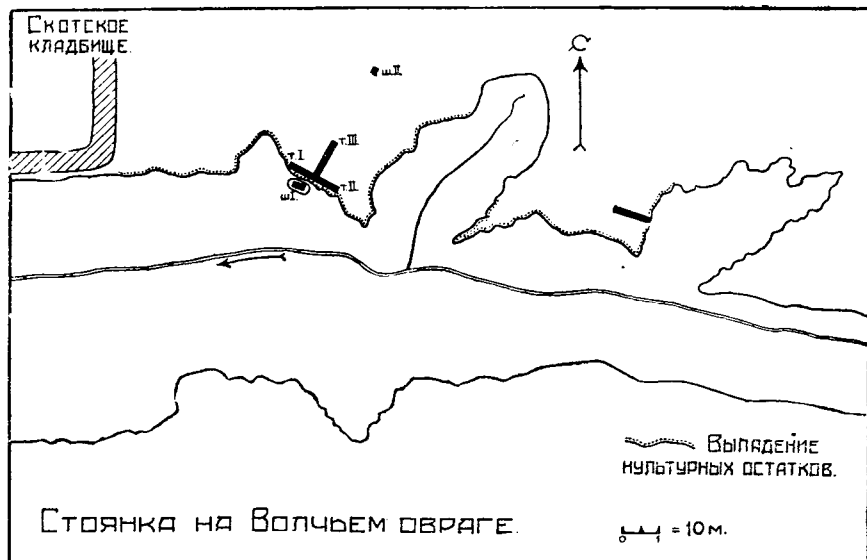

Рис. 5. План стоянки на Волчьем овраге

местах они совершенно не попадались. Это дало повод вначале предполагать, что на Волчьем овраге существует не одна, а целый ряд небольших стоянок. Такое заключение, при более внимательном обследовании берега, пришлось, однако, оставить. Повидимому, на значительном расстоянии друг от друга были расположены отдельные жилые комплексы этой стоянки; при этом образовывались промежуточные площадки, на которые не попадали или почти не попадали культурные остатки.

Разрушения, произведенные Волчьим оврагом, еще более значительны, чем на р. Зиминце. Огромные глыбы, заключающие в себе культурное наслоение, вместе с подстилающей его глиной, оседают и падают вниз к ручью. В расстоянии одного километра к ЮВ от села Пустынь и в 45 м к востоку от современного скотского кладбища в одной из таких осыпей из культурного слоя было вынута каменное орудие, род широкой мотыги. Значительное же количество выпадавших в этом месте костей и черепков, среди которых находился один от остроугольного горшка (форма редкая на всех трех стоянках), побудило начать раскопки именно здесь.

Для этой цели были проведены с СЗ и ЮВ вдоль края оврага две тран-

шен полутораметровой ширины (тр. I и тр. II). Обе они служили продолжением одна другой. Общая длина их равнялась 15 м. Между ними и перпендикулярно им была заложена тр. III 9 м длиной. Вся площадь раскопок в этом пункте, включая в нее оба шурфа, равнялась почти 43 кв. м. На всем протяжении раскопок культурный слой был совершенно однороден. Мощность его у края оврага достигала одного метра. По мере удаления от края к северу она постепенно уменьшалась и на 6-м участке III траншеи достигала всего лишь 50 см. Шурф II, отстоящий на 20 м к СВ от III траншеи, не содержал никаких культурных остатков. Поэтому, надо полагать, что у первого пункта раскопок ширина поселения не превышала 25—30 м⁸.

Правый берег северного отрога Волчьего оврага возвышается над долиной ручья на 6—8 м. Но, несмотря на значительную глубину, глыба земли, осевшая около первого пункта раскопок, сохранила в ненарушенном порядке как культурное наложение, так и подстилающую его глину. На этой глыбе был заложен шурф I (1 × 1,5 м), так как казалось необходимым по возможности использовать для раскопок площадь стоянки у края берега, давшую наибольшее количество находок.

На всем протяжении раскопок первого пункта никаких остатков жилищ, ям и углублений встречено не было.

К востоку от места раскопок в овраг впадает небольшой отвершек, осыпи берегов которого содержат ничтожное количество культурных остатков. Траншея IV была заложена к востоку от него. Расстояние между нею и первым пунктом раскопок равняется приблизительно 700 м. Ею была вскрыта небольшая площадь (15 кв. м), на которой слой оказался несколько более насыщенным и достигал глубины 68 см.

В результате раскопок на правом берегу Волчьего оврага можно сделать вывод, что поселение тянулось, вероятно, узкой полосой вдоль берега ручья, как и селение Зимница II. Вполне возможно, что оно состояло из отдельных жилищ, расположенных на некотором расстоянии друг от друга.

Находки на Волчьем овраге почти исключительно состоят из костей домашних животных и фрагментов керамики. Кроме них, как уже говорилось, были найдены каменная мотыга и фрагмент глиняного пряслица. Уголь и зола в культурном наложении совершенно отсутствовали, но кое-где попадались перерезанные мелкие косточки.

Вещественный материал, добытый на всех трех стоянках, невелик. Значительную его часть составляют кости домашних животных и черепки.

Небольшие площади, вскрытые раскопками, не дали возможности собрать эти черепки в достаточном количестве для подбора и склейки целых сосудов. Но так как формы посуды срубной культуры, к которой принадлежат все три стоянки, известны и изучены достаточно хорошо, представляется вполне возможным на основании небольших фрагментов судить о размерах и форме целых сосудов.

Почти вся посуда, найденная на стоянках (табл. I—III), представляет собою обычный тип бабчонных горшков или вовсе неорнаментированных или орнаментированных чрезвычайно бедно. Чаще всего узором украшалась лишь верхняя часть сосуда, вдоль его края, при этом применялись самые примитивные орнаментальные мотивы. Например, ряды косых отрезков или ямок. Зигзаги и кресты встречаются реже. Последние, как и различные комбинации треугольников, обычны для посуды другой формы, попадающейся на всех

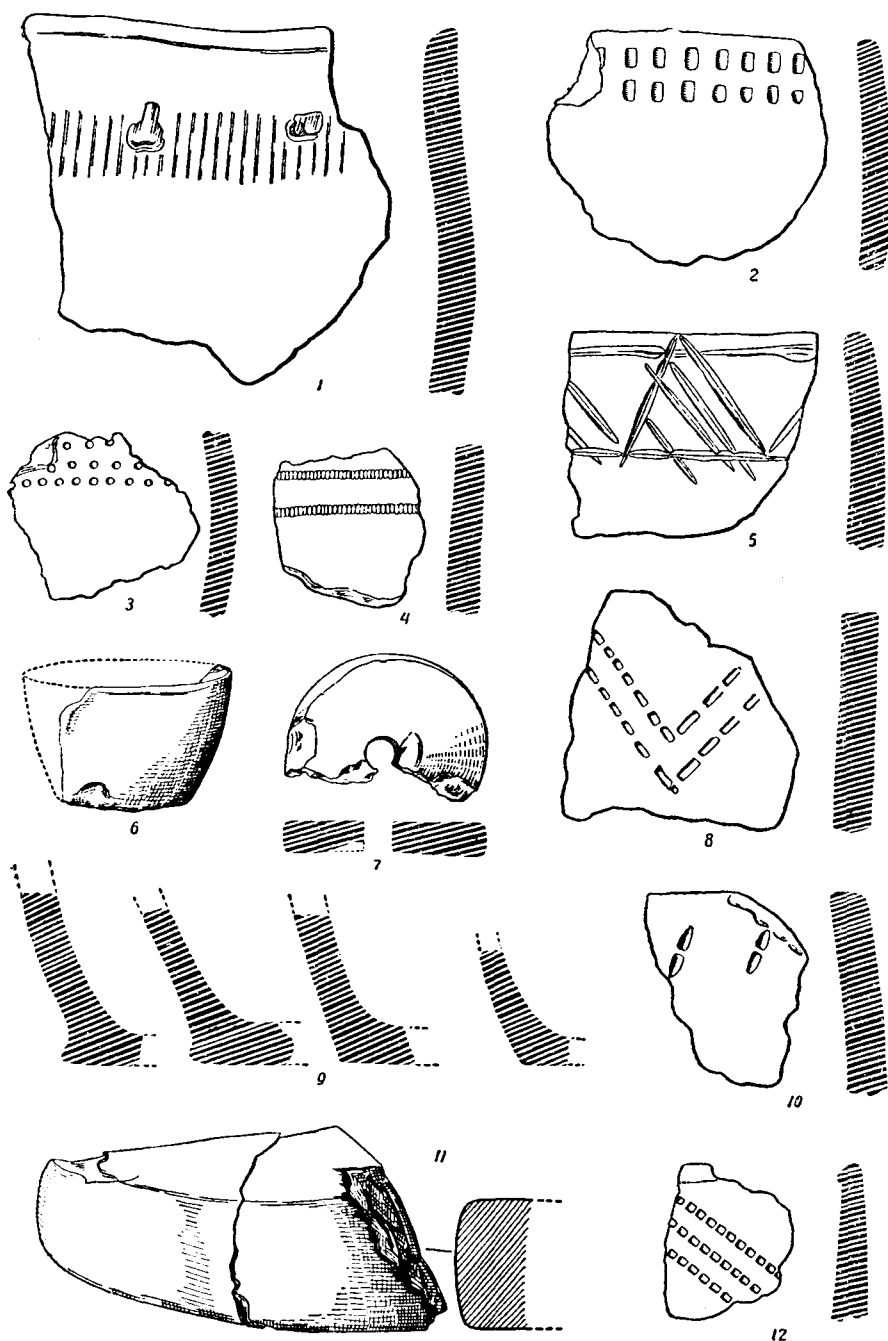
⁸ Хотя не исключается возможность, что в этом месте был перерыв культурного наложения.

Таблица I

Керамика со стоянки Зимница I
 $\frac{1}{2}$ н. в.

Таблица II

Керамика и зернотерки со стоянки Зимница II
½ н. в.

Керамика со стоянки на Волчьом овраге
½ н. в.

трех стоянках относительно редко. Это общеизвестный тип остросереберных горшков, который обыкновенно связывается с погребениями в срубах. Верхняя половина от шейки до ребра в большинстве случаев бывает покрыта тщательно выполненным узором. Почти так же хорошо орнаментированы некоторые сосуды с выпуклыми боками, несколько напоминающие остросереберные. Посуда этого типа является как бы средней формой между баночным и остросереберным горшком и встречается на всех трех стоянках гораздо чаще последних. К общей характеристике орнамента надо добавить, что резкого различия в орнаментации всех трех типов посуды не наблюдается, и в отдельных случаях некоторые узоры, типичные для остросереберных, можно встретить и на баночных горшках.

Все три формы посуды равномерно распределялись как в нижних, так и в верхних отложениях культурного слоя, который, как уже было отмечено, производит впечатление абсолютно ненарушенного. Таким образом, одновременное бытование всех трех типов горшков, столь близких друг к другу как по орнаменту, так и по технике изготовления, представляется несомненным.

Это положение полностью подтверждается могильным инвентарем срубной культуры. Как известно, нередки случаи, когда разные типы посуды находились в одной могиле.

Одним из многочисленных примеров может служить двойное погребение, найденное В. А. Городцовым в 1901 г. близ хут. Шпаковки (б. Изюмский уезд, хут. Шпаковка, кург. 10, погр. 3—4), где при покойниках стояли два горшка, один орнаментированный остросереберный, другой баночный без орнамента.

Это относительное разнообразие форм посуды, встречающейся в одних комплексах, можно объяснить только различным ее назначением. Остросереберные хорошо орнаментированные горшки, вероятно, являлись нарядными сосудами и редко употреблялись, в то время как простые баночные горшки имели в хозяйстве более широкое применение.

Полное отсутствие на стоянках баночных горшков с удлиненными пропорциями, горшков с отогнутой шейкой, сосудов на поддонах, а также налещного орнамента в виде валячков свидетельствует об относительной древности всех трех поселений. Их существование можно отнести к первой половине срубной культуры, приблизительно к середине 2-го тысячелетия до нашей эры.

Переходя к описанию керамики, следует прежде всего остановиться на ее технике. Глина, употреблявшаяся для формовки сосудов, всегда плохо промытая, содержала мало примесей, которые сводились почти исключительно к мелкому и крупному песку. Этим керамика р. Зимницы и Волчьего оврага существенно отличается от керамики срубных стоянок Нижнего Поволжья. Их посуда изготовлялась из глины с большой примесью песка, толченой раковины и, реже, толченых черепков. Последнее особенно характерно для посуды конца 2-го и начала 1-го тысячелетий до нашей эры.

Ленточная техника лепки посуды прослеживается довольно четко, так как некоторые горшки распались по краю лент. Признаки, указывающие на изготовление горшков на твердой основе, как это нередко наблюдается в андроновской керамике, здесь совершенно отсутствуют.

Поверхность посуды или сглаживалась путем замывки водой, или, что встречается значительно чаще, покрывалась штриховкой в виде параллельных борозд, наносившихся зубчатым штампом. Это же орудие употреблялось для орнаментации посуды. Ширина борозд штриховки обычно соответствует ширине ячеек орнамента и часто достигает пяти миллиметров. Узкие и неглубокие борозды штриховки встречаются реже. Ими бывают покрыты поверхности горшков, орнаментированных мелкозубчатым штампом.

Обработка поверхности зубчатым штампом вообще характерна для гончарного производства бронзовой эпохи в пределах нашего Союза. Несмотря на всю простоту этого приема, в разное время и в разных культурах он имел свои особенности. Так, в кзтакомбной культуре штриховка наносилась аккуратными, равномерно широкими бороздами, при этом штамп вдавливался глубоко. Борозды на поверхности посуды срубной культуры, в частности стоянок Зимницы и Волчьего оврага, нанесены небрежно, обычно посредством неглубокого вдавливания штампа. В некоторых случаях штамп задерживался, и более глубокое вдавливание его в одном месте образовывало линию зубчатого орнамента (рис. 6).

Поверхность почти всех черепков желтовато-бурого цвета, редко кирпично-красного. Слой окрашенной таким образом глины обычно бывает не толще двух миллиметров. Основная масса глины, хорошо заметная в изломе черепков, темносерого, почти черного цвета. Такая окраска.

общая для большей части посуды культур скорченных погребений, происходит от недостаточной и неравномерной прокаливаемости горшков при обжиге, который производился, вероятно, на открытых кострах.

Посуда, найденная на всех трех стоянках, несколько отличается от посуды, употреблявшейся при захоронении покойников срубной культуры. В домашнем же быту применялись преимущественно крупные толстостенные горшки, служившие, вероятно, не только для изготовления нищи, но и для хранения как съестных припасов, так и других предметов. Наряду с ними попадаются горшки средних размеров и очень редко маленькие баночные (табл. II, рис. 6). Два последних типа сосудов обладают при погребальном ритуале. На этом уровне развития срубной культуры не наблюдается других черт различия стояночной и могильной керамики.

Б к числу керамических изделий относятся два пряслица (фрагменты). Одно из них со стоянки Зимница II (табл. II,

Рис. 6. Следы сглаживания поверхности посуды зубчатым штампом.

рис. 7) изготовлено из черепка. Боковые края его хорошо пришлифованы, отверстие просверлено. Диаметр пряслица равняется 6,5 см. Толщина черепка, из которого оно было изготовлено, 1 см. Такие пряслица, кроме срубной куль-

туры, встречаются в современной ей андроновской. Особенно много было их найдено при вскрытии землянок Алексеевской стоянки близ Кустаная⁹.

Другое пряслице, найденное на Волчьем овраге (табл. III, рис. 3), имело форму невысокого цилиндра, высотой 1,7 см, диаметром 4 см. Оно было вы-

Рис. 7. Камень для растирания зерна со стоянки Зимница I

Рис. 8. Камень для растирания зерна со стоянки Зимница I

леплено, а его отверстие проткнуто в еще сырой массе. Поверхность пряслица заглажена.

Броме пряслица, на Волчьем овраге было найдено два кружка. Один из них (табл. III, рис. 14) диаметром 11 см был сделан из черепка толстостенного сосуда путем грубой отбивки краев. Края другого кружка (табл. III, рис. 7), сделанного из более толстого черепка, с одной стороны были зашлифованы. Диаметр второго кружка равен 4,2 см. Назначение первого из них неясно. Второй же, вероятно, предназначался для изготовления пряслица, подобного найденному на Зимнице II.

Люди, населявшие в конце 2-го тысячелетия до нашей эры берега р. Зимницы и близлежащих оврагов, были уже вполне знакомы с мотыжным земледелием. Небольшие участки, вскрытые раскопками, во всех трех случаях дали те или иные орудия, относящиеся или к обработке поля, или к изготовлению пищи из зерна. На стоянке Зимница I были найдены три куранта для растирания зерна, лежавшие вместе. Один из них — наибольший (длина 13 см, ширина 10,5 см) — представляет собою многогранник неправильной формы, две широкие грани которого и одно из оснований являлись рабочими поверхностями. Зашлифованность их слабая. Вероятно, предмет недолго был в употреблении. Подобными массивными камнями возможно было растирать сразу большое количество зерна. Другой курант удлиненной формы 10 см длиной (рис. 7) имел три рабочих стороны: одну сильно стертую в процессе работы треугольную поверхность, один прилегающий к ней широкий бок и небольшую поверхность на одном из концов. Третий курант (рис. 8) 6,8 см

⁹ Экспедиция ГИМ в Казахстан 1930, 1931, 1935 и 1939 гг.

длиной, в виде неправильного цилиндра, был зашлифован со всех сторон. Рабочими же концами его были сильно стертые закругленные основания цилиндра. Положение всех трех предметов, тесно прилежавших друг к другу, подтверждает их одинаковое назначение, несмотря на некоторую разницу в формах.

Хорошо зашлифованный пест или зернотерка был найден в землянке I Зимницы II (рис. 9). Но возможно, что орудие это употреблялось и для ударов, о чем свидетельствует его сбитый рабочий конец. С обратной стороны на закругленном конце имеется неглубокая поперечная борозда, предназначенная, вероятно, для удобного и плотного держания орудия в руке.

Рис. 9. Ударное орудие из землянки № 1 стоянки Зимница II

Поблизости от этого орудия обнаружены два фрагмента большой закругленной плиты, служившей, вероятно, нижним камнем зернотерки, на который насыщалось зерно (табл. II, рис. 11).

Оба фрагмента настолько невелики, что трудно судить о первоначальной форме плиты. Вероятно, она была скорее округлая, а не удлинненная.

Наиболее интересным из найденных орудий надо считать каменную мотыжку со стоянки на Волчьем овраге (рис. 10). Она имеет широкое лезвие и закруглена по линии лезвия и сбуха. В профиле мотыга асимметрична. Обе ее широкие поверхности довольно хорошо зашлифованы, а рабочий конец сильно сбит от ударов. Для скрепления с рукоятью по бокам мотыги сделаны две выемки. Менее глубокие поперечные выемки заметны на сбухе. По широкой, более выпуклой поверхности мотыги, противоположной той, к которой прилежала рукоять, выбит жолоб для веревки или ремня.

Мотыги подобного типа встречаются относительно редко. Их находки известны на Нижнем Поволжье (близ гор. Пугачева) и на р. Урале, близ Чкалова. Здесь она относится, вероятно, к андроновской культуре. В настоящее время каменные мотыги, близкие по форме древним, употребляются в Америке; одна из них издана Пфайфером¹⁰.

До настоящего времени в районе распространения срубной культуры не было найдено никаких указаний на существование культивируемых хлебных злаков.

Все же на основании находок обугленных зерен пшеницы в других культурах бронзовой эпохи можно предполагать, что и носители срубной культуры могли сеять пшеницу. Не говоря уже о многократных находках пшеницы в трипольской культуре, ее обугленные зерна были открыты в

¹⁰ Pfeiffer. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Jena, 1920, стр. 204, рис. 359.

Алексеевской стоянке андроновской культуры. При раскопках жертвенного холма там были обнаружены ямы с остатками жертвоприношений в виде обугленных зерен и соломы пшеницы. Вполне возможно, что и носители андроновской и срубной культур, непосредственно граничившие и находившиеся в постоянном культурном общении, пользовались одинаковыми знаками для посевов.

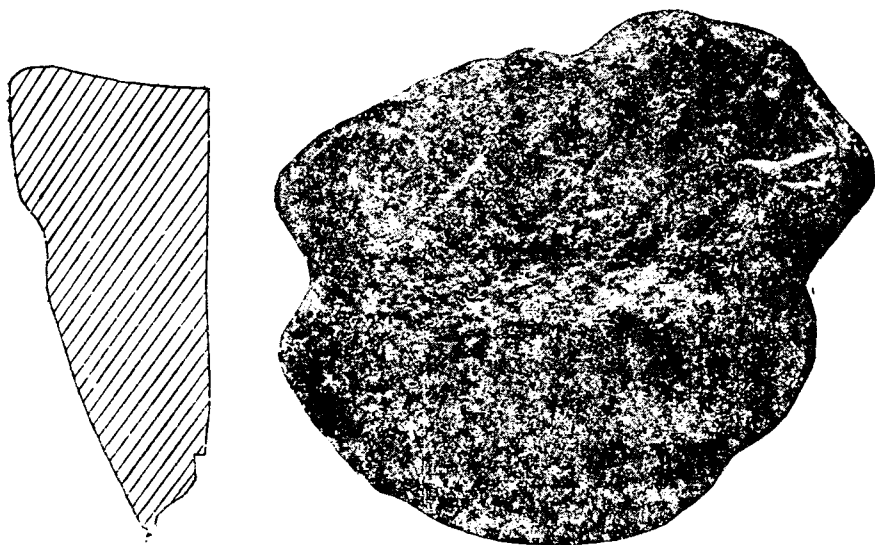

Рис. 10. Каменная мотыга со стоянки на Волчьем овраге.

Другую мощную хозяйственную отраслью было скотоводство. Возможно, что оно играло в экономике основную роль. Кости домашних животных, — коровы, лошади, овцы и свиньи — были найдены во всех трех стоянках. Определение костного материала, произведенное проф. С. Н. Боголюбским, выяснило числовое соотношение домашних животных.

	Корова	Лошадь	Овца	Свинья
Отдельные зубы	21	17	1	—
Челюсти	20	5	1	1
Позвонки	1	1	—	—
Ребра	16	10	—	—
Лопатки	3	—	1	—
Трубчатые кости конечностей	13	3	5	—
Мелкие кости конечностей	15	10	2	—
Астрагалы	4	3	2	1
Пяточные кости	3	11	—	—
Копыта	2	—	—	—
Рога	1	—	—	—

Скотоводство в то время, несвидомому, находилось еще на той стадии развития, когда небольшие размеры стад не принуждали человека оставлять оседлость и связанное с ней мотыжное земледелие и переходить к кочевому

образу жизни. Очевидно, корма для скота хватало и в окрестностях постоянного поселка.

Во всех трех стоянках совершенно не было обнаружено признаков металлургии. Уже вполне установившаяся и развитая техника литья бронзовых орудий срубной культуры ничем не проявляется на селениях Зимницы и Волчьего оврага. Не говоря уже о полном отсутствии поделок из металла, на небольшой раскопанной площади нет скоплений угля и шлаков, указывающих на работу литейщиков. Нет и могильного инвентаря, обычно дополняющего материалы стоянок, так как близлежащие курганные кладбища до сих пор не раскопаны. Но раскопки курганов срубной культуры на Волге, близ г. Мелекеса, произведенные В. А. Городцовым в 1925 г., дали очень небогатую коллекцию металлических изделий. Все же она указывает, что в районах, близких Пензенскому, металлургия этого времени по формам ничем не отличалась от южной. С другой стороны, малочисленность бронзовых предметов, добытых большими раскопками, говорит об относительной бедности металлом на северных окраинах срубной культуры. Вполне возможно, что местное население было мало знакомо с литьем, а получало уже готовые орудия и бронзовые украшения из близлежащих южных районов.

Стоянки на р. Зимнице и на Волчьем овраге являются остатками более или менее крупных родовых поселков. Можно считать общепринятым мнение, что к периоду полного развития срубной культуры уже установился патриархальный родовой строй. Небольшие площади, вскрытые раскопками, не дают материала для достаточной характеристики этих поселков. Все же можно указать на некоторые черты, выясняющие характер общежития того времени. Например, большие размеры жилищ стоянки Зимница II несомненно свидетельствуют о больших семьях, обитавших в них. Это подтверждается и другими раскопками подобных стоянок¹¹

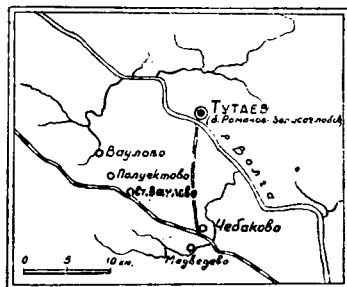
Интересно и расположение отдельными участками культурного слоя на стоянке Волчьего оврага. По всей видимости, там не было поселения с компактно расположенными жилищами. Возможно, что весь родовой поселок разбивался на обособленные жилые комплексы.

Близкое расположение стоянок друг от друга свидетельствует о густом населении того времени. Это подтверждается и в других хорошо обследованных районах распространения срубной культуры. Относительно мощные культурные наслоения, оставленные древним населением, говорят о длительном пребывании человека на одном месте, о прочной оседлости. Стоянки в окрестностях Пензы принадлежат к самым северным окраинам срубной культуры. Некоторые из них, например, стоянки «Озименки», описанные А. В. Збруевой, имели два культурных горизонта. Древнейший содержал в себе керамику, близкую гребенчато-ямочной. Поздний слой относился к срубной культуре. С другой стороны, в окрестностях Пензы до сих пор не найдено памятников древнейших культур бронзовой эпохи, предшествующих срубной культуре на всей территории, занимаемой ею. Все это приводит к заключению, что в пределах бассейнов рек Суры и Верхнего Хопра срубная культура появилась относительно поздно, а именно в середине 2-го тысячелетия. В это время население срубной культуры расширяет свои пределы и занимает соседние северные области. Такое расселение объясняется прежде всего естественным ростом населения в конце бронзовой эпохи, связанным с повышением достатка на основе развивающегося скотоводства.

---

¹¹ Землянки из раскопок (неизданных) А. И. Терепожкина в бассейне р. Большой Иргиз и открытых М. И. Артамоновым (см. указ. соч.).

ВАУЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1932 г. Государственный Исторический Музей получил извещение, что близ станции Ваулово Тутаевского района Ярославской области обнаружен древний могильник, а производитель работ Союзтранстроя А. Е. Егоров привез в ГИМ каменный сверленный топор и кремневый полированный клин (табл. I, 5 и табл. III, п. 7). Он рассказал, что в 1931—1932 гг. при разработке карьеров Союзтранстроя рабочими было найдено свыше 10 каменных сверленных топоров; один, возможно медный, был с вислым обухом и костяной изогнутой рукояткой; несколько кремневых клиньев, много гли-

няных круглодонных сосудов, каменный круглый (продолговатый) предмет с продольной сверлиной, кости людей, черепа крупных рогатых животных и пр. Они были найдены главным образом в северо-восточной стороне карьера на глубине от 1 до 2 м в слое песка и гравия. Из рассказа т. Егорова можно было заключить, что работами уничтожено свыше 20 погребений.

В 1933—1934—1935 гг. Государственным Историческим Музеем совместно с ГАИМК им. Н. Я. Марра были организованы три экспедиции по обследованию этого могильника. Работы велись под руководством Д. А. Крайнова с участием: Б. А. Койшевского, А. Я. Брюсова, Н. М. Таратуженко и П. А. Крайновой.

Вауловский могильник расположен на большом холме моренного происхождения, вытянувшимся с запада на восток. Наибольшая высота холма 9 м (рис. 1). С северной стороны, у подножия холма, протекает небольшой ручей «Нохринка», берущий начало в болоте недалеко от сев.-зап. части холма. С южной и западной сторон холм окаймлен заболоченной местностью. К востоку холм постепенно снижается; почти вся его поверхность занята полями: самая высокая, западная часть холма, разрушена карьером (рис. 1), а юго-западная, прилегающая к карьеру, испорчена канавами и ямами. У крестьян окрестных деревень удалось достать три сверленных топора (табл. I, рис. 2, 4, 6). В осыпях центрального карьера собраны обломки круглодонных сосудов из разрушенных могил, кремневый клин (табл. III, рис. 6), кремневая пластинка и обломки поздней керамики.

За три года работ экспедицией была вскрыта площадь свыше 2000 кв. м (1933 г. — 60 кв. м, 1934 г. — 1946 кв. м и 1935 г. — 130 кв. м). Выяснена следующая стратиграфия холма:

1. Пахотный почвенный слой мощностью 20—30 см.
2. Глина с мелкими камнями; от 50 см до 1 м.
3. Гравий с песком и прослойками глины; толщина различна.
4. Песок — чистый без примесей, идущий глубоко вниз.

Но не всегда наблюдалось такое чередование слоев. В некоторых квадратах раскопанной площади почти прямо на поверхность почвы выходил песок, а в других с самого верха глубоко шла плотная глина с мелким гра-

всем. Обнаружение могильных пятен было затруднено пятнистостью слагающих холм пород почвы (рис. 2). Всего на раскопанной площади найдено 13 могил (1933 г. — 4 погребения, 1934 г. — 7 погребений и 1935 г. — 2 погребения) и прослежено несколько разрушенных. В юго-западной части раскопа обнаружено скопление костей животных (рис. 3).

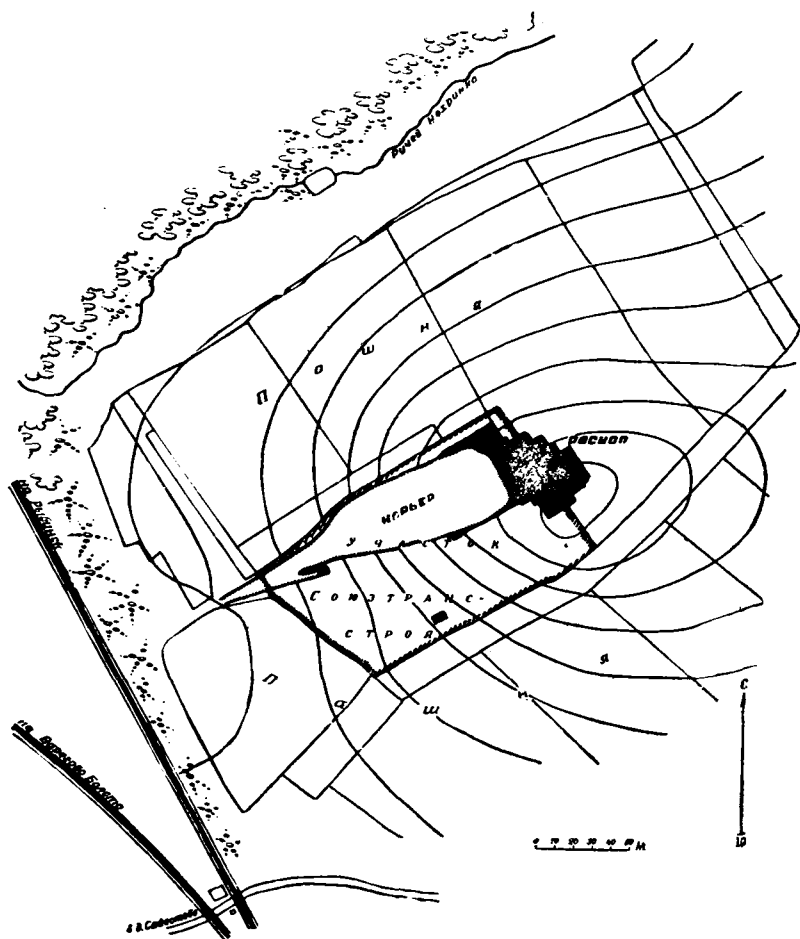

Рис. 1. План местности у ст. Ваулово

Погребение № 1

Обнаружено в квадратах XXIV 13 и XXV 13 на глубине около 1 м 20 см. Оно почти полностью разрушено; сохранилось 2 черепка от сосудов (табл. IX, рис. 2) и несколько истлевших костей человека.

Погребение № 2

Обнаружено в квадратах XXIV 14—15 на глубине около 1 м 10 см. Вся могила до глубины погребения разрушена. На дне в сохранившейся части обнаружены остатки детского черепа и несколько косточек. Судя по этим остаткам, погребение было ориентировано головой на СВ.

Из вещей найдено:

1. У ног небольшой круглодонный сосуд.

2. Рядом с ним клин кремневый полированный (табл. III, 4)

Возможно, часть предметов, находившихся у ног, выброшена рабочими.

Погребение № 3

Обнаружено в кв. XXV 13 на глубине 1 м 20 см. Могильное пятно появилось на глубине 70 см в виде прямоугольника 1 м 70 см × 1 м 30 см, ориентированного с запада на восток; края окаймлены тонкой темной прослойкой (2—3 см), представлявшей остатки истлевшего деревянного сруба.

На дне могильной ямы лежал костяк в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки сложены у лицевой части черепа. Костяк сохранился плохо. Лучшее других костей сохранился череп долихоцефальной формы.

В погребении найдено:

1. У правой височной кости спиральная подвеска из тонкой бронзовой (медной) проволоки (табл. XI, рис. 5).

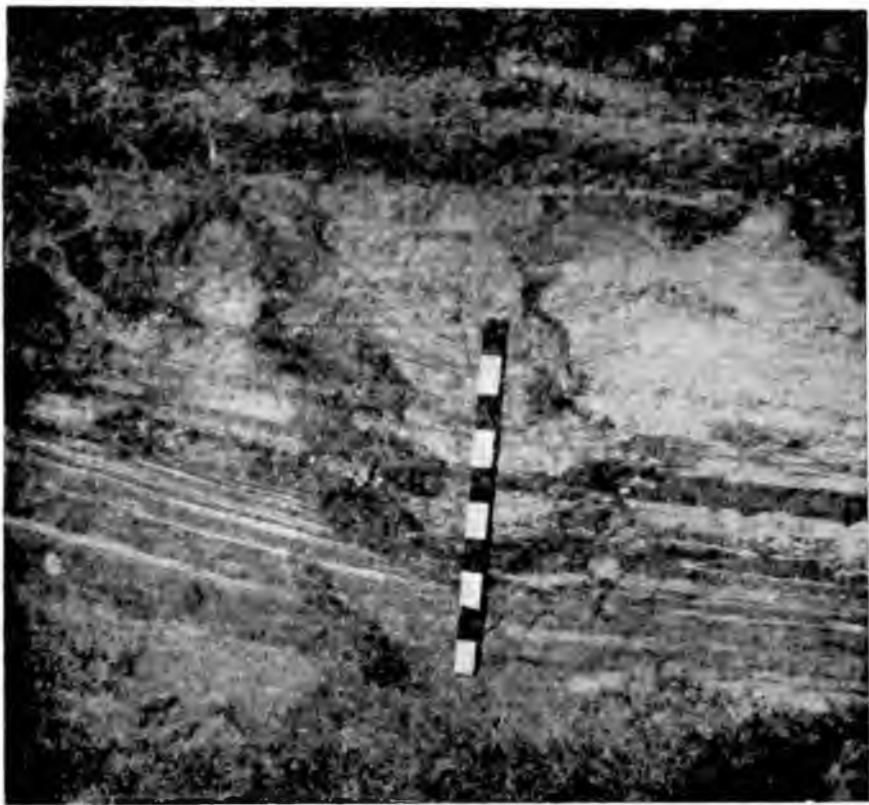

Рис. 2. Разрез отложений Вауловского холма

2. На шейных позвонках: а) остатки бронзового браслета или шейной гривны (табл. XI, рис. 9), б) ожерелье из зубов диких животных и трубчатых птичьих косточек (табл. XII, рис. 2).

3. У северной стены сруба против поясничных позвонков клин кремневый, полированный (табл. III, рис. 2).

4. У южной стенки против тазовой кости каменный сверленный топор (табл. I, рис. 1).

5. В юго-западном углу у ног большой сосуд в обломках, а рядом, очевидно, выпавшие из него: а) ожерелье из зубов диких животных и птичьих трубчатых костей (табл. XII, рис. 1), б) клык кабана, в) шильце бронзовое (табл. XI, рис. 8) и на дне сосуда г) нож кремневый (табл. IV, рис. 5).

6. У середины западной стенки второй сосуд.

7. В северо-западном углу третий сосуд (табл. VI, рис. 5).

Под костяком оказался темный подстилающий слой (2—3 см). Очевидно, погребение было помещено в сооружении типа сруба длиной 1 м 70 см, шириной 1 м 30 см и высотой 50 см. Современная толщина стенок около 2—3 см. Остатков покрытия проследить не удалось.

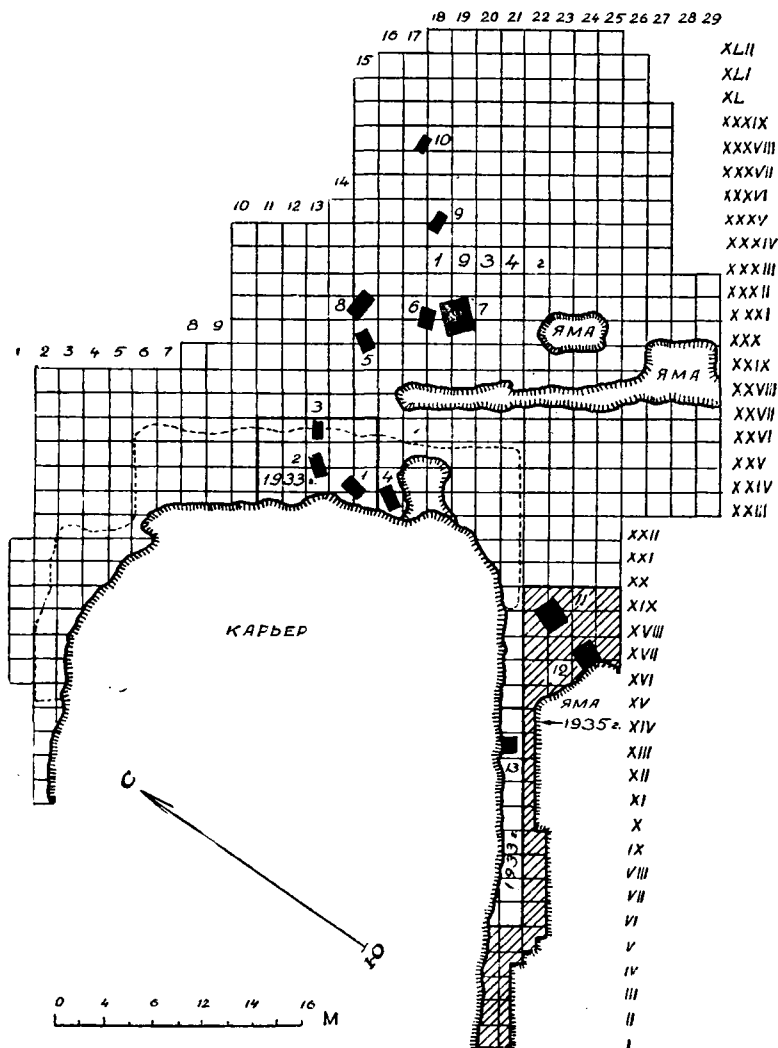

Рис. 3. План раскопок Вауловского могильника

Погребение № 4

(рис. 4)

Обнаружено у восточного края карьера в квадратах XXIII 16—XXIV 16 на глубине 1 м 60 см. Верх могилы до глубины 80 см был разрушен. Могильное пятно обозначилось ясно только на глубине 1 м 10 см в виде прямоугольника 1 м 80 см × 1 м, ориентированного на СВ 45°. На дне могилы найдены: фрагмент черепа и три полуистлевших кости руки и ног; судя

по остаткам и прослойкам от сгнивших костей, костяк лежал в скорченном положении, на левом боку головой на В.

В погребении обнаружено:

1. На глубине 1 м 30 см в юго-западном углу небольшой сосуд (табл. VI, рис. 3).

2. Рядом с ним четыре черепка от другого (№ 9).

3. На глубине 1 м 32 см у середины южной стенки второй сосуд, на боку (табл. VII, рис. 4).

4. На глубине 1 м 48 см в восточном углу третий сосуд, поставленный в могилу в незавершенном виде (табл. VI, рис. 1).

5. Под остатками черепа несколько кусочков красной охры и недалеко от черепа, в восточном углу, несколько крупных углей.

6. В северном углу большой сосуд.

7. В области шейных позвонков несколько истлевших зубов животных от ожерелья, 4 из них целые со сверлинами

8. У ножных костей, недалеко от сосуда № 1, небольшой сосуд (табл. VI, рис. 7).

9. Рядом с ним значительное количество черепков от большого сосуда, остатки которого отмечались с глубины 1 м 30 см до дна могилы.

10. Среди обломков сосуда № 9 найдены: а) бронзовое (медное) шило, с деревянной ручкой (табл. V, рис. 6) и б) кремневый нож (табл. IV, рис. 3).

На глубине 1 м 68 см шел чистый песок. Темные прослойки стенок сруба замечены только в некоторых местах; возможно, они не прослежены ввиду снятия верхнего слоя грунта.

Расположение некоторых сосудов выше уровня дна могилы (сосуд № 1 и черепки сосуда № 9) позволяет предположить, что могила сверху имела настил, на который и были поставлены эти сосуды.

Погребение № 5

(рис. 5)

Обнаружено в квадратах XXIX—XXX 15 на глубине 1 м 70 см. Могильное пятно замечено на глубине 20 см. Судя по профилю могилы на глубине 40 см оно имело очертание неправильного овала 3 м 40 см $\times$ 3 м; ниже пятно, постепенно суживаясь, стало походить на прямоугольник и на глубине 1 м 30 см приняло форму правильного четырехугольника. Ясно выраженные темные прослойки стенок сруба шириной от 1 до 2 см, утолщаясь внизу, соединялись с дном сооружения.

Размеры его на этой глубине 1 м 30 см $\times$ 1 м 25 см.

На глубине 1 м 70 см, на древесном тлене дна, могильного сооружения (толщиной 2—3 см) открыто коллективное захоронение двух костяков (А и Б), расположенных рядом в скорченном положении.

Захоронение «А»

От костяка, принадлежавшего, судя по строению костей, мужчине, сохранился фрагмент черепа и кости ног. Костяк лежал на левом боку в западной половине могилы; ориентировка черепа на СВ 50°.

При нем обнаружено:

1. Около черепа кусочек красной охры.

2. В области шейных позвонков бусы из мелких речных раковин очень плохой сохранности. Эти раковины в большом количестве встречаются на холме выше слоя гравия.

3. Правее черепа, очевидно, у кистей рук, бронзовый (медный) вислообушный топор со следами дерева и коры вокруг него и остатками деревянной рукоятки во втулке. Возможно, кора, найденная на топоре, служила футляром ему (табл. V, рис. 3—4—5).

4. У поясины небольшой кремневый ножичек (табл. IV, рис. 4).

5. В южном углу, около ног, два сосуда. Один из них, № 1, прекрасной сохранности; внутри него еще один маленький сосудик с фрагментом шила (табл. VI, рис. 3 и табл. VII, рис. 2).

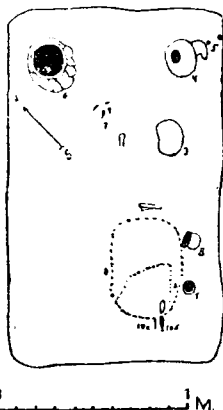

Рис. 4.
Погребение № 4

6. К дну (с наружной стороны) сосуда № 1 оказались прилипшими пять кремневых осколков и обломок костяного шильца. Кроме того, на стекле этого же сосуда, обращенной к углу могилы, замечены остатки дерева и коры. Очевидно, дерево являлось остатками сруба, а кора — покровы, в который, возможно, был завернут покойник. В сосуде лежали: кусок кремня — огниво, кусочек трута и костяная проколка (табл. IV, рис. 9; табл. XI, рис. 4).

Захоронение «Б»

Помещалось у северной стенки могилы; сохранились кости ног и мелкие осколки черепа. Костяк, повидимому, ориентирован и лежал так же, как и «А», в непосредственной близости от него. Возможно, что погребение женское.

При захоронении найдено:

1. На месте черепа плохо сохранившееся бронзовое колечко и кусочки дерева.

2. У ног в северо-западном углу два сосуда. Один из сосудов прекрасно сохранился (табл. VI, рис. 8), другой — в фрагментарном состоянии.

3. Рядом с сосудом № 2а кремневый полированный клин (табл. III, рис. 3).

Под темным подстилающим слоем шел чистый песок.

Рис. 5.
Погребение № 5

Погребение № 6

(рис. 6)

Обнаружено в квадратах XXXI 17—18 и XXX 17—18, на глубине 1 м 85 см. Могильное пятно на глубине 40 см имело форму овала и только на глубине 1 м 50 см приобрело очертания прямоугольника 2 м 60 см × 1 м 80 см, ориентированного на СВ — 75°. Темные прослойки (остатки стенок

могильного сооружения) прослеживались с глубины 1 м 50 см; южная стенка сруба прогнулась внутрь, возможно, от обвала краев могилы позже погребения. Длина могильного сооружения 1 м 79 см, ширина 95 см.

На дне могилы обнаружен костяк в скорченном положении на левом боку, головой на СВ — 50°. Правая рука вытянута вдоль костяка и согнута в локте; кисть левой руки лежала под черепом. Кости средней сохранности; череп развалился.

При погребении обнаружено:

1. Недалеко от черепа в восточном углу большой раздавленный сосуд (табл. VIII, рис. 3).

2. Около тазовых костей с северной стороны кремневый полированный клин (табл. III, рис. 6).

3. Рядом с клином большой каменный сверленный молот очень плохой сохранности (табл. II, рис. 1—2).

4. В западном углу раздавленный сосуд.

5. Около сосуда № 4 трут и на нем

кусочки дерева от футляра или от могильного сооружения. На труте обломок бронзового шильца (?) и бусы из невыясненного материала очень плохой сох-

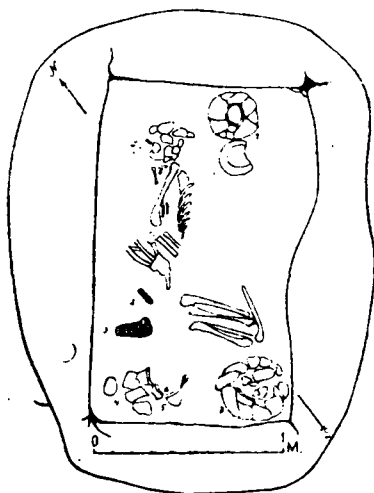

Рис. 6. Погребение № 6

ранности. Возможно, трут находился в футляре, отделанном украшениями; обломок шпильца походит на кусок проволоки (табл. XI, рис. 7).

6. Под обломками сосуда № 4 остатки пластинчатого перстня (?) и кремневый осколок.

7. В южном углу сосуд в обломках (табл. VII, рис. 5).

Под костяком темный слой (пол могильного сооружения); края его отстояли от стенок ямы на 45 см в среднем. В углах могильного сооружения обнаружены темные круглые пятна, очевидно, от столбов; здесь же ясно прослеживалось выступание темных прослоек за пределы сооружения; очевидно, это были перекрещивающиеся, как в срубе, концы его стенок.

Погребение № 7

(рис. 7)

Обнаружено в квадратах XXX 18—19 и XXXI 18—19 на глубине 2 м 25 см. Могильное пятно замечено непосредственно под пахотным слоем с глубины 20 см. Оно имело форму почти круга 2 м 20 см $\times$ 3 м 50 см; по всему пятну, и особенно в центре, шел углистый и золистый слой до глубины 1 м в виде воронки. С глубины 1 м и до 1 м 17 см попадались только отдельные угольки. Таких кострищ не было ни над одной могилой; встречались лишь отдельные угольные пятна. Могильное пятно на глубине 1 м 17 см приняло прямоугольную форму, и на этой же глубине обнаружилось могильное сооружение, имевшее форму почти квадрата, 2 м 30 см $\times$ 2 м 24 см, ориентированное на СВ—50°; современная толщина стенок 2—5 см (в углах — толще), высота 1 м 8 см. В углах наблюдались зольные пятна и зольные прослойки — следы сгоревшего дерева или же кучки насыпанной золы. С глубины 1 м 7 см в центральной части пятна отмечена интенсивная темная окраска в виде воронки, шелшая до дна могилы (рис. 8).

На дне могилы обнаружено погребение. Кости сохранились плохо; от черепа остались лишь фрагменты и зубы. Из других костей сохранились бедренные. Костяк, повидимому, лежал скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ—215°.

При нем обнаружено:

1. В 40 см от черепа по направлению к западному углу могилы кремневый полированный клин (табл. III, рис. 9).
2. Перед лицевой частью черепа в 20 см три кремневые огнива (табл. IV, рис. 8).
3. Около кистей рук перед лицевой частью черепа бронзовый (медный) топор с вислыми обухом, с остатками деревянной рукоятки во втулке и приставшими к нему кусками дерева от пола и крыши сруба (табл. V, рис. 1—2); рядом кусок огнива.
4. Здесь же сверленный каменный топор (табл. I, рис. 5).
5. Сзади, около поясничных позвонков большой кремневый нож с обломанным концом (табл. IV, рис. 1).
6. В южном углу у ног костяка два сосуда, в обломках; один из них, больших размеров, рассыпался на значительном пространстве (табл. VI, рис. 6).

Под погребением прослежены остатки пола в виде темного слоя, под которым шла твердая глина с мелким камнем толщиной 5—10 см и ниже чистый

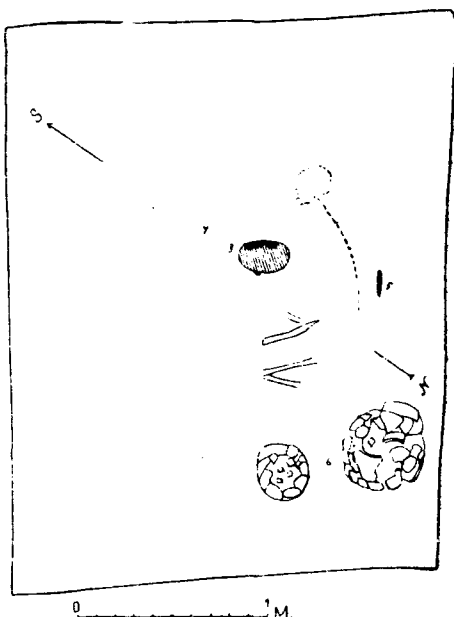

Рис. 7. Погребение № 7

песок. Вероятно, эта глина принесена извне, и могила была обмазана ею и обожжена, прежде чем поставлено сооружение.

Это погребение является одним из наиболее интересных, выделяясь косирищем, необычными размерами ямы и могильного сооружения. Часть дна оста-

Рис. 8. Могильное пятно погребения № 7

лась совершенно пустой. Возможно, это пространство было занято вещами, разрушившимися без следа, или было оставлено для погребения другого человека. Наконец, ориентировкой на ЮЗ это погребение также отличается от большинства обращенных в противоположную сторону.

Погребение № 8

(рис. 9)

Обнаружено в квадратах XXXI 14—15 и XXXII 15 на глубине 90 см. Могильное пятно 2 м 10 см $\times$ 1 м 70 см вырисовалось на глубине 20 см и стало отчетливым на глубине 60 см в виде прямоугольника 1 м 87 см $\times$ 1 м 38 см, ориентированного на СВ. Остатки сооружения прослеживались в виде очень тонких и слабых линий с глубины 60 см. Кости покойника не сохранились.

В погребении обнаружено:

1. На глубине 90 см молоток из гальки (мотыга?) (табл. IV, рис. 6).
2. Обломки нецелого сосуда и уголек около этих обломков.

Ниже находок идет твердый слой глины и еще ниже песок.

Молоток-мотыга (?), найденный здесь, представляет значительный интерес, поскольку до сих пор в фатьяновских комплексах такой тип не был обнаружен. По словам зав. Чебаковской школой И. М. Головина, точно такие же орудия встречены на площади Вауловского могильника. Два молотка такого типа имелись у начальника НКВД ст. Чебакова, к которому они перешли от рабочих Союзтранстроя.

Погребение № 9

(рис. 10—12)

Обнаружено в квадратах XXXIV—XXXV 18 на глубине 1 м 65 см. Могильное пятно имело вид большого овала 3 м 10 см $\times$ 2 м 50 см. На глубине 20 см в пятне обнаружены угольки.

Рис. 9. Погребение № 8

В погребении особенно ясно удалось проследить могильную яму (рис. 11), могильное сооружение (сруб) и другие детали. На глубине 1 м 30 см пятно приняло правильную прямоугольную форму. После зачистки стали отчетливо видны два прямоугольника, вписанные один в другой; первый — края могильной ямы 2 м 65 см × 2 м; второй 2 м × 1 м 30 см. Книзу сруб сузился до 1 м 38 см × 1 м 20 см. Ориентировка всего пятна на СВ—70° (рис. 12).

На дне могильного сооружения обнаружено захоронение двух костяков — «А» и «Б».

Захоронение «А»

Костяк сохранился плохо; в хорошем относительно состоянии был череп; черепная крышка взята целиком. Покойник лежал на правом боку в скорченном положении, головой на ЮЗ—215°. Правая рука вытянута вдоль тела; левая у пояса согнута в локте.

При погребении найдено:

1. У середины плечевой кости правой руки перед головой каменный сверленный топор (табл. I, рис. 7).

2. На левой руке у кисти подвеска в виде медвежьего клыка (табл. XI, рис. 3).

3. В восточном углу могилы два сосуда (табл. VII, рис. 1), один из них в обломках. Около них: а) большая костяная проколка — кинжал (табл. XI, рис. 1); б) костяная проколка (табл. XI, рис. 2); обломок проколки;

г) кремневый ножничек (табл. IV, рис. 2) и д) кусочек красной охры.

Судя по вещам и более крупным костям, можно думать, что это захоронение мужское.

Захоронение «Б»

Располагалось рядом с захоронением «А» и примыкало к нему вплотную. Кости сохранились несколько лучше. Череп раздавлен на мелкие куски. Ске-

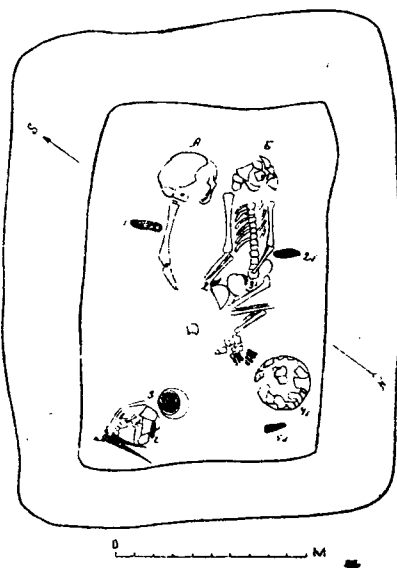

Рис. 10. Погребение № 9

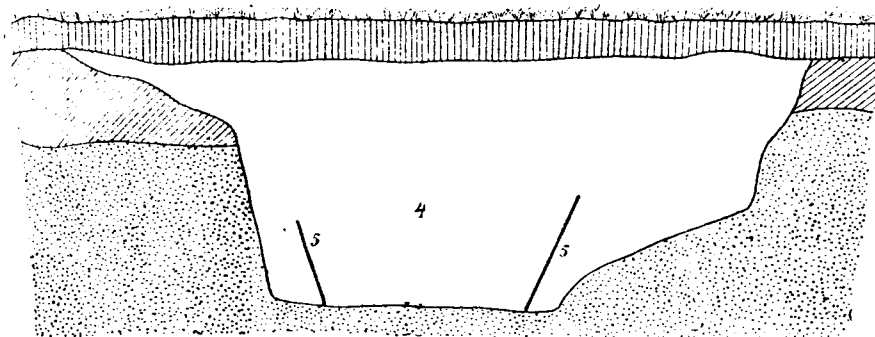

Рис. 11. Поперечный профиль могильной ямы № 9

лет лежал скорченно на правом боку и ориентирован, как А. Правая рука вытянута под боком и соприкасалась с рукой костяка «А», пальцы находились под тазом А; левая рука согнута в локте.

При захоронении найдено:

1. На черепе (около левого уха) бронзовая (?) привеска из проволоки, очень плохой сохранности. Около правого уха вторая привеска из бронзовой проволоки; сохранность ее лучше, она находилась среди кусочков дерева и остатков волос или материи.

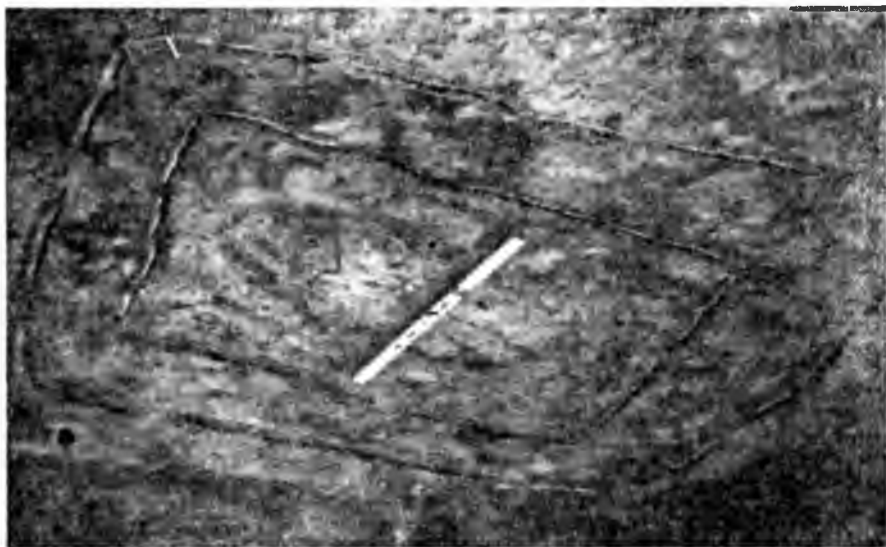

Рис. 12. Могильное пятно погребения № 9.

2. Около локтя левой руки каменный сверленный топор, очень плохой сохранности; благодаря принятым мерам его удалось взять целым. Острием он лежал к скелету, а обушком к стенке сруба так же, как и топор погребения «А».

3. У кисти левой руки кабаньий клык со сверлиной (табл. XI, рис. 6).

4. В северном углу около ног скелета «А» большой сосуд, в обломках.

5. Недалеко от него заполированный кремневый клин (табл. III, рис. 5).

Захоронение «Б», судя по костям и вещам, принадлежало женщине.

Оба костяка лежали на темном подстилающем слое — дне сооружения, под которым шла прослойка красной глины (обмазка дна могилы) и ниже чистый песок.

Кости обоих захоронений взяты для изучения. Одновременное захоронение мужчины и женщины подтверждается расстановкой вещей и положением костей.

Каждому захоронению соответствует свой погребальный инвентарь. Весьма вероятно, что оба они были завернуты вместе и, возможно, были связаны (?). Ориентированы они так же, как и № 7, т. е. противоположно другим погребениям.

Погребение № 10

Обнаружено в квадратах XXXVIII 17, XXXVII 17 на глубине 1 м 40 см. Когда был снят слой до глубины 30 см, стал заметен (очень слабо) самый верх могильной ямы. Почва под нахотным слоем, в верхней части пятна и в окружающих квадратах, состояла из твердой глины; в могильной яме — из глины с примесью песка и гравия. На бортах могильной ямы, на глубине 30 см, появляются выбросы земли со дна могилы, состоящие из песка, гравия и глины; они очень тверды, с трудом поддаются железной лопате. Стенки мо-

гильной ямы идут более отвесно, чем в ранее открытых погребениях; до глубины 80 см шла очень твердая глина; лежащие ниже 80 см глина, песок и гравий значительно мягче. В профиле могилы были видны затеки.

Могильное пятно стало ясным только с глубины 85 см, где приняло форму прямоугольника с закругленными углами, вернее — форму овала 2 м 45 см $\times$ 1 м 50 см; ориентировано оно на СВ—70°. На глубине 90 см у западного края пятна найден уголек, довольно крупный. На глубине 1 м 25 см, при зачистке пятна, в его восточной части появилась темная полоса длиной 90 см, прошедшая наискось могильного пятна. При дальнейшей зачистке открылись и другие края могильного сооружения, пятно значительно сузилось, и сооружение выступило в форме не совсем правильного квадрата 90 см $\times$ 95 см, ориентированного на Ю. Здесь на дне ямы на глубине 1 м 40 см обнаружено необычное погребение. В северной части найдены зубы животного, челюсть к остаткам черепа; от других костей сохранились только следы; повидимому, животное было захоронено целиком; других находок не было. Под костями обнаружен темный слой — пол сруба; ниже его на 40 см шла прослойка твердой глины (обмазка могилы) и еще ниже — материковый слоистый песок. Куски глины взяты для исследования. В другой части могилы не было ни сруба, ни находок. Кости определены нами как принадлежащие козленку. Сотрудница Палеонтологического института Академии Наук СССР Е. И. Беляева установила принадлежность их скорее молодому барашку, чем козленку.

Погребение № 11

Обнаружено в квадратах XVIII—XIX 22—23 на глубине 1 м 48 см. Балласт был снят при добыче песка, за исключением узкой перемычки над центром могилы. В ней с самого верха встречались угольки. На глубине одного метра от поверхности пятно имело форму неправильного прямоугольника 3 м $\times$ 2 м 6 см, ориентированного с СВ на ЮЮЗ; края его были обрамлены плотным слоем красной глины, обмазкой стенок ямы. На глубине 1 м 22 см пятно приняло вид прямоугольника; внутри его помещалось могильное сооружение 2 м $\times$ 1 м 29 см. На глубине 1 м 40 см сооружение сузилось до 1 м 4 см. Боковые темные полосы стали толще — от 9 до 12 см. В северо-восточном углу ярко наметилась черная полоса, выходившая за пределы сооружения на 38 см. Возможно, что в остальных углах это явление было выражено слабо, и его не удалось проследить. На глубине 1 м 48 см открылось дно сооружения из сплошной темной массы толщиной от 2 до 10 см. Кости человека не сохранились.

На дне обнаружено:

1. В юго-западном углу большой раздавленный сосуд.
2. Рядом сосуд меньших размеров.
3. В северной части сверленный каменный топор (табл. I, рис. 3).
4. У западного края кремневый полированный клин (табл. III, рис. 1).

Судя по вещам, здесь было только одно захоронение. Под темным дном сооружения шел слой плотной красной глины толщиной от 10 до 20 см и под ним песок с гравием.

Погребение № 12

При раскопке южной части холма пришлось ограничиться раскрытием отдельных перемычек между канавами и ямами.

При зачистке стенок одной из ям был замечен сосуд на глубине 70 см (по стенке ямы). Выше в стенах прослежены отдельные угольки. Здесь, как и в погребении № 11, вверху имелась лишь узкая перемычка между двумя ямами.

Погребение обнаружено в квадратах XVII—XVI 24 на глубине 70 см. Когда была снята перемычка и произведена зачистка, на глубине 50 см выявилось могильное пятно прямоугольной формы и в нем могильное сооружение, начавшееся на глубине 57 см. От погребения уцелело лишь две трети пятна 1 м 40 см $\times$ 70 см. Толщина стенок сооружения 3—4 см. Пятно ориентировано с ЮЗ на СВ. После расчистки открылось дно с подстилающим слоем. Костей человека не сохранилось.

В погребении обнаружены в юго-западном краю могилы два небольших сосуда и небольшая чашечка (табл. VI, рис. 4).

Ниже дна сруба идет красная глина толщиной до 10 см (обмазка) и под ней песок с мелким гравием.

В 1933 г., обследуя южную стену карьера, мы обнаружили в кв. XIII 21 на глубине 2 м кости крупного животного, торчащие из земли. После зачистки стенки стал виден профиль ямы, на дне которой и лежали кости. Яма была около 1—1½ м ширины, часть ее срезана карьером. Дно ямы засыпано глиной (так же, как и в описанных выше захоронениях); яма вырыта до чистого слоистого песка. При зачистке дна ямы обнаружены кости медведя, лежащие на протяжении ½ м вдоль могильной ямы. Рядом с костями найдено много кусочков кремней, охра и камень, возможно, для растирания краски.

Кости медведя определены старшим научным сотрудником Института Палеонтологии Академии Наук СССР т. Е. И. Беляевой.

В погребении найдены следующие кости: часть таза с крестцом, позвонки, локтевая кость (левая), плечевая кость (правая), дистальный конец метаподия—две кости, метаподиальная кость, обломок ребра, пяточная кость, 3 фаланги, метакарпальная кость и другие, определение которых затруднительно.

Возможно, недостающие части скелета были выброшены рабочими при рытье карьера или захоронение медведя было неполное.

Скопление костей и раковин

В юго-западной части холма в траншеях III—X наблюдалось большое скопление костей и раковин. При зачистке юго-западной стенки карьера нами на глубине 1 м от поверхности почвы были замечены кости животных и мелкие раковины вида *Helix*. В стенке траншеи VII обнаружен черепок фатьяновского сосуда с орнаментом; попасть сюда, на глубину 20 см, он мог из погребений или был просто брошен в «фатьяновское» время.

На месте находок черепка и костей раскопан довольно значительный участок. Все слои оказались перемешанными, как будто здесь была яма. Во всех слоях, начиная с верха и до глубины 2½ м встречались кучками кости животных и раковины. До глубины 1½ м попадались угольки и кусочки красной охры. Возможно, что почва здесь перерыта барсуками. Найденные кости определены Е. И. Беляевой; встречены кости человека, барсука, хорька, куницы, рыси, полевки (кости ее были найдены в огромном количестве на протяжении 20 м вдоль стенки под слоем песка и гравия на глубине 1 м), птицы, лошади, быка, овцы, оленя, а также створки раковин.

Большинство костей принадлежат барсуку. Повидимому, здесь были его норы. Кости человека и черепок могли попасть сюда из погребения, разрушенного барсучьими норами.

Подобная же картина наблюдалась нами и при раскопках могильника «Холмовая гора» близ г. Тутаева (см. ниже).

По количеству погребений Вауловский могильник является самым большим могильником северной группы фатьяновской культуры. К северо-востоку могильник заканчивается погребением козленка; взятые нами дальше траншеи и шурфы (на 18 м) не дали никаких погребений.

Таким образом, можно считать, что в основном могильник исследован полностью. Возможно, что на холме остались еще захоронения в юго-западной части, изрытой канавами Союзтрансстрой.

Все материалы из раскопок могильника и обследования его окрестностей хранятся в Государственном Историческом Музее.

Разведочные работы в окрестностях Ваулова

Местность кругом могильника сильно заболочена. У подножия его протекает ручеек Нохринка, в 12 км р. Печегда и в 16 км Волга. С юго-запада к могильнику, почти вплотную, подходит Варегово болото, которое, по мнению проф. Федченко¹, представляло собой большое озеро около 4000 лет до нашего времени. Разведкой и частичными раскопками вокруг Ваулова: у ст. Чебаково, Варегова болота и г. Тутаева, нами были обнаружены остатки фатьяновских могильников и другие археологические памятники, а также собраны сведения об отдельных находках.

¹ Ленинградский профессор Федченко исследовал болото в 1930—1931 гг. Данные обследования имеются в главной конторе торфоразработок Варегова болота.

1. К востоку от могильника, приблизительно в $\frac{1}{2}$ км, обследован небольшой неочаханный холмик, расположенный в 100 м от ручья Нохринка, где, по рассказам колхозников, находили кости людей. Здесь нами вскрыто 36 кв. м: на глубине 1 м, на довольно значительной площади шел слой песка, содержащий золу и уголь; вещей не найдено.

2. К северу от могильника около деревни Полуэктова крестьяне находили кремневые стрелы. Обследование этой местности результатов не дало.

3. За деревней Полуэктово нами шурфовалась «Дубина гора», возвышающаяся среди болота; найдены остатки селища XVI—XVII вв.

4. Вблизи деревни Мансурово (в 4 км от могильника) было произведено обследование «Мансуровского холма», где, по рассказам очевидцев, при добыче песка и гравия находили черепа людей и крупных рогатых животных. Могильник здесь есть и был, то весь уничтожен карьером.

5. В 1 км к югу от ст. Чебакова осмотрен могильник, расположенный на бугре рядом с деревней Медведево. Здесь при рытье силосной ямы крестьянами открыто 6 погребений на небольшой глубине под крупными камнями. В погребениях находили черепки и металлические вещи; часть их хранится в Краеведческом музее Чебаковской школы. Могильник, повидимому, можно отнести к XV—XVI вв. нашей эры.

6. Среди коллекций школьного музея имеется обломок каменного сверленого фатьяновского топора, который был найден при копке могилы на кладбище с. Ильинского, находящегося в 6 км от ст. Ваулово.

7. От зав. школой Н. М. Головина мы получили сведения о том, что в ряде мест близ ст. Чебакова были найдены каменные и бронзовые орудия, черепки с гребенчато-ямочным орнаментом и при впадении р. Печегды в Волгу, около Константиновского завода не раз находили каменные сверленные топоры-молотки. Осмотреть места находок нам не удалось.

8. Особое внимание экспедиции было обращено на обследование Варегова болота. В 1933 г. сотрудник Ярославского краеведческого музея т. Кузнецов сообщил нам о находках здесь дубовых лодок-долбленок; он видел эти лодки, извлеченные в 1931 г. из торфа при копке канавы. По его описанию длина их 5—6 м и ширина около 1 м. Ярославский музей ничего не предпринял для спасения этих ценнейших остатков. Место, где они были найдены, занято фрезерным полем. При осмотре его мы узнали, что лодки были сожжены. От главного инженера торфоразработок В. С. Варенцова нами был получен кремневый наконечник дротика (табл. IV, рис. 7), найденный в карьере № 1 на участке 11-й машины; при осмотре места находки выяснилось, что наконечник обнаружен на глубине одного метра от поверхности в слое торфа; никаких других вещей не встречено. Наконечник, видимо, попал сюда случайно. Рабочие и служащие торфоразработок говорили о находках в болоте костей и рогов лося и большого деревянного помоста, но проверить правильность этих сведений не было никакой возможности. Шурфовка была произведена нами только в двух местах — на «Черном острове» в $\frac{1}{2}$ км от с. Радыньково и на «Андреевском холме» близ с. Андреевского. В последнем пункте обнаружены остатки строения и керамики XVII в.

9. В Тутаевском музее мы осмотрели два предмета из Вауловского могильника: каменный сверленный топор булавовидной формы и каменный предмет полушарной формы, напоминающий по виду верхнюю половину черепа человека.

Кроме этого, в музее имеются следующие вещи фатьяновской культуры: а) два каменных клина, кремневый пластинчатый нож и черепок с орнаментом, найденные в г. Тутаеве, около б. Казанского собора, на размытой тропинке ската берега Волги; возможно, здесь имеется могильник; и б) три каменных сверленных топора из Холмовогорского могильника.

10. Получив сведения о продолжающемся разрушении Холмовогорского могильника, мы произвели его обследование. Могильник находится в 2 км от г. Тутаева около околицы с. Холм. Расположен он на невысоком продолговатом холме моренного происхождения. Этот холм, так же, как и вауловский, вытянут с ЮЗ на СВ. Местность вокруг холма, особенно с восточной стороны, болотистая (рис. 13). Об этом могильнике археологи знали давно² благодаря добыче здесь гравия и песка. В 1934 г. его шурфовал П. Н.

² А. А. Спирин «Медный век в Верхнем Поволжье» («Записки Отд. русск. и славянск. Археологии», т. V, в. 1, 1903 г., стр. 80). Даны сведения о находках сверленных топоров на Холмовогорском могильнике.

Третьяков. К настоящему моменту могильник весь разрушен карьерами; большая часть вещей утеряна и только три топора сданы в Тутаевский музей. Один из них ладьевидной формы, имеет большие размеры (табл. II, рис. 3—4), а другие два — небольшие, булавовидной формы. Часть более ранних находок (два сверленных каменных топора и два клиновидных) хранится в Ярославском краеведческом музее. В обнажениях на склонах холма нами обнаружено:

а) выход культурного слоя с пятью большими очагами, содержащими обломки глиняной посуды, кости животных и прочие вещи;

б) в южной части холма в обочине стенок карьера найдены кости медведя и большое скопление костей мелких грызунов и других животных;

в) недалеко от этого места в осыпи юго-западной стенки карьера мы обнаружили черепок глиняного сосуда фатьяновского типа и несколько костей человека. Это обстоятельство и находки скоплений костей животных заставили произвести разведочные раскопки, во время которых вскрыта пло-

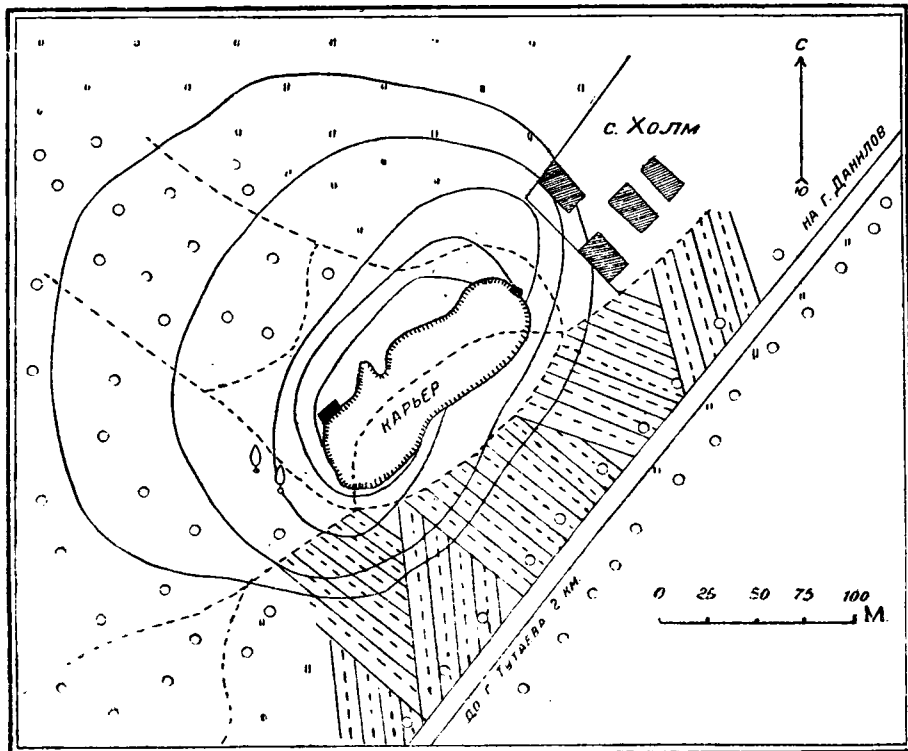

Рис. 13. План Холмовогорского могильника

щадь около 200 кв. м. Почти во всех квадратах стратиграфия слоев одинакова: сверху идет слой глины с мелкими камнями и гравием и ниже — песок с гравием. При вскрытии указанной площади найдено на глубине двух метров несколько черепков фатьяновского сосуда (табл. II, рис. 6); могильной ямы и погребения не обнаружено; фрагменты керамики, повидимому, попали сюда случайно, например, могли быть затащены грызунами. В ряде квадратов все слои пронизаны норами. Кости, найденные в юго-западной части Холмовогорского могильника, определены научным сотрудником АН СССР Е. И. Беляевой и принадлежат: барсуку, белке, зайцу, собаке, лошади, медведю, птицам и несколько костей — человеку. Возможно что кости медведя, так же, как и в Вауловском могильнике, являются остатками захоронения.

Кроме того, были заложены два шурфа в северной и восточной стенках карьера, но никаких находок, кроме позднеселищенских, они не дали.

ИТОГИ ОБСЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА В СВЯЗИ С ОБЩИМИ ВОПРОСАМИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки Вауловского могильника и обследование его окрестностей дали ряд новых данных, касающихся погребального обряда фатьяновской культуры. Во-первых, прослежены могильные сооружения, костры, групповое расположение могил и пр.; во-вторых, многие вещи, добытые в погребениях, впервые встречены в могильниках подобного рода; в-третьих, погребения козленка и медведя в специальных могилах освещают некоторые стороны религиозных представлений фатьяновцев.

Поэтому нам придется более подробно остановиться на характеристике погребального обряда и инвентаря «вауловцев», а в связи с этим затронуть и ряд общих вопросов бытования фатьяновской культуры.

Наблюдения над могильниками Гутаевского района (Вауловский, Малсуровский и Холмовогорский), а также изучение других позволяют заключить, что большинство фатьяновских могильников вытянуто с Ю на С, или с ЮЗ на СВ. Выбор холмов с указательной ориентировкой и расположение на нем могил в определенном порядке — явление не случайное. Почти все могилы Ваулова вытянуты с ЮЗ на СВ — по одной линии. Расположены они большей частью ближе к вершине холма и ниже 7 м по склонам не спускаются, что, повидимому, обусловлено структурой грунта. Центральная часть большинства холмов с фатьяновскими могильниками имеет более мягкую почву и легче поддается копке, тогда как по склонам выступает твердая глина с гравием, в которую с трудом идет даже железная лопата.

Второй интересной особенностью Вауловского могильника является расположение могил группами (см. план раскопа). К глубокому сожалению, нельзя восстановить расположение всех могил; из рассказов рабочих удалось выяснить, что могилы, разрушенные ими, шли «кучами». В центре Вауловского могильника — людские захоронения, по краям же, на довольно отдаленном расстоянии с СВ стороны захоронен козленок, а с ЮЗ — медведь. Могилы «ритуальных» животных как бы замыкают могильник с двух сторон. Человеческие могилы расположены несколькими группами: 1-я — 11-е и 12-е погребения и рядом несколько разрушенных могил; 2-я — погребение № 4 и рядом несколько разрушенных могил; 3-я — погребения №№ 1, 2 и 3; затем дальше к северо-востоку отделенные перерывом свыше 10 м две группы: 4-я — №№ 5 и 8 и 5-я — №№ 6 и 7; далее опять перерыв около 6 м и одно коллективное захоронение. Расположение могил в групповом порядке указывает на какое-то деление в фатьяновском роде. Но принадлежали ли такие группы захоронений отдельным большим семьям, а весь могильник не был ли родовым кладбищем? К сожалению, мы не располагаем для выводов достаточным количеством материалов, так как планы большинства раскопанных могильников не изданы.

Расположение могил группами и ориентировка их с ЮЗ на СВ, повидимому, были прочно установлены у «вауловцев». Центр могильника находится к юго-западу от погребений №№ 1, 2, 3, в нескольких метрах от них; по рассказам рабочих, здесь была самая высокая часть холма и, если верить их словам, возвышался большой холм, в котором найдено ими больше могил, чем в других местах. Очень возможно, что захоронения Вауловского могильника принадлежат не одному роду, а двум или, вернее, двум фратриям одного рода. Первая, вторая и третья группы могил обособляются с захоронением медведя; группы же четвертая, пятая и шестая — с захоронением козленка, хотя существенных различий в погребальном инвентаре у той и у другой группы не наблюдалось.

Обряд погребения почти одинаков во всех могилах, но каждое захоронение имеет и свои особенности. Все покойники хоронились в ямах различной величины, ориентированных с ЮЗ на СВ с небольшими отклонениями. Форма ям ближе к поверхности не имеет правильных очертаний, а напоминает расплывчатый овал, что подтверждает отсутствие у фатьяновцев хороших землекопных орудий. Размеры ям различны: длина колеблется от 3 до 2 м, а ширина от 3 до 1 м 50 см. Овальная форма продолжается тем глубже, чем общая глубина больше (погребения № 5 и № 9), и наоборот (погребение № 8). Особенно хорошо устройство могилы удалось проследить на погребении № 9.

Внизу все могилы принимают прямоугольную форму; стенки становятся более отвесными, чем вверху ямы. Глубина могил разная — от 70 см до 2 м 45 см.

Стенки и дно могил обмазывались слоем глины от 10 до 20 см толщиной. Обмазка очень крепкая — не исключена возможность обжига. Обмазка наблюдалась и в других фатьяновских могильниках, например Кузьминском³, где исследователь трактует ее как род закрепления могильных стенок. В Вауловском могильнике обмазывались не только боковые стенки, но и дно могилы, и на довольно большую толщину. Возможно, что эту обмазку следует объяснять как прием, имевший место при постройке жилища. На это указывают и деревянные могильные сооружения. Пока еще ни в одном фатьяновском могильнике подобные сооружения не были встречены. Может быть, они существовали, но не оставили после себя таких ясных следов, как в Вауловском могильнике. После того как могила была вырыта, и отвесные стенки ее обмазаны глиной, в нее вставлялся или делался в самой могиле сруб прямоугольной формы, обнаруженный во всех погребениях, за исключением захоронения медведя. Величина срубов различна — она зависела, повидимому, от величины могилы, а величина могилы — от общественного положения покойника.

Приведем таблицу размеров срубов:

№№ погребений	Длина сруба	Ширина сруба	Высота сруба
№ 3	1 м 70 см	1 м 90 см	50 см
№ 4	1 м 80 см	1 м	50 см
№ 5	1 м 90 см	1 м 25 см	40 см
№ 6	1 м 79 см	95 см	40 см
№ 7	2 м 90 см	2 м 24 см	108 см
№ 8	1 м 87 см	1 м 38 см	30 см
№ 9	1 м 80 см	1 м 18 см	40 см
№ 10	90 см	90 см	50 см
№ 11	2 м	1 м 29 см	30 см
№ 12	1 м 40 см	55 см	25 см

В некоторых могилах довольно точно удалось установить толщину слоя стенок от 2 до 20 см. Конечно, дерево от этого сруба не сохранилось, за исключением кусков около бронзовых вещей. Темные линии стенок сруба видны в некоторых погребениях прекрасно. Эти срубы устраивались или из жердей, или из досок таким образом: по углам ставилось по два столба или

³ О. Н. Бадер «Лихачевский могильник», «Советская археология», № 2 — 1937 г., стр. 22.

жерди (столбы прослежены в виде темных кругов, идущих с верха ямы ниже дна могилы почти в вертикальном положении). Затем между столбами закладывались доски или толстые обтесанные жерди; дно устраивалось из досок, и уже потом в эту камеру клали покойника. Между стенками сруба и обмазанными глиной стенками могил было довольно значительное пустое пространство — до 30—40 см шириной, где начинались отвесные стенки могилы, клалось перекрытие, и яма засыпалась землей доверху, но без курганной насыпи. А. Я. Брюсов, участвовавший в нашей экспедиции, в своем отчете о раскопках в Тутаевском районе⁴ считает, что покойника клали в особые «плетенки» и затем сверху опять покрывали такой же «плетенкой». Базируясь на темных линиях, заходящих за края прямоугольника (сруба), он считает их сгнившими ручками носилок. Это утверждение неверно, так как оно основано только на одном, горизонтальном разрезе могилы, а вертикальные разрезы показывают, что темная полоса, выходящая за пределы прямоугольника, продолжается во всю высоту сруба, т. е. от 30 см до 1 м. Эти темные линии являются концами досок, или горбылей, стенок сруба; если их незаметно, то значит концы досок или жердей не выдавались за углы сруба. Даже в одном и том же срубе не во всех углах прослеживалась такая картина; следовательно, вопрос о ручках отпадает. Мысль о плетенках также несостоятельна, как и о ручках: на бронзовых орудиях из погребений № 7 и

Рис. 14. Могильное пятно на могильниках типа фатьяновской культуры около ст. Каухава в Финляндии. Раскопки Арне.

№ 5 сохранились толстые куски дерева от пола и крыши срубов; кроме того, такое значительное сооружение, как в погребении № 7, — свыше метра высоты, явно противоречит взгляду А. Я. Брюсова. Наконец, плетенки не оставили бы таких толстых прослоек, какие были в стенках и в полу срубов.

Конечно, описанные сооружения отличаются от срубов катакомбной и срубной культур, и нами этот термин применяется условно. В архиве А. А. Спицына мною обнаружено указание на нахождение сруба в одном из погребений Ярославской области. А. А. Спицын пишет:

«Д. Пурнево близ с. Кой, Рябининского у., 1923 г. В погребении найден хороший сруб, расширяющийся прямоугольно вверх. Дно имеет глубину 2 метра. На дне нашли каменный шлифованный молоток, а другие вещи утеряны»⁵. Если это указание достоверно, то наша точка зрения относительно уст-

⁴ А. Я. Брюсов «Отчет о работах экспедиции в Тутаевском районе Ярославской области», 1935, Архив ИИМК. АН СССР.

⁵ А. А. Спицын «Листки о фатьяновской культуре», Архив ИИМК.

ройства срубов еще раз подтверждается, тем более что сруб, о котором упоминает А. А. Спицын, пайден также в Ярославской области. Кроме того, возможно, мы имеем намеки на срубы и в Фатьяновском могильнике, но исследователи его А. С. Уваров, И. С. Поляков и др. не распознали остатки деревянного сооружения. В описании погребения траншеи № 1 А. С. Уваров говорит: «Череп лежал между слоем песка и верхним глинистым слоем, на горизонтальной полосе черного цвета, отделявшей один третий слой от второго и имевший более двух аршин длины. Линия эта местами образовала волнообразные изгибы»⁶. На этой темной полосе были найдены сосуды, почему Уваров и делает вывод, что «покойников хоронили на слое угля»⁷. Возможно, что темная полоса, на которой лежали череп и другие находки, представляла собой дно сруба.

В могильниках Финляндии того же времени, близких по инвентарю и погребальному обряду нашей фатьяновской культуре, наблюдалась точно такая же картина, как и в Вауловском могильнике, т. е. такие же темные полосы окаймляли могилы и выходили концами за пределы прямоугольника (рис. 14).

А. Европеус, раскопавший такой могильник близ станции Каухава, трактует эти полосы как остатки шкуры, в которой лежали покойники⁸. Очень возможно, что здесь были и срубы и шкуры, в которых завертывали покойников.

В Вауловском могильнике не сохранились крупные остатки коры или шкуры, за исключением небольших кусочков, приставших к предметам. В погребении № 5 удалось проследить остатки коры, плотно прилегавшей к боку сосуда. Эти остатки не являются стенками сруба, так как последние обнаружены несколько дальше и уходят вверх. Повидимому, умерших несли на кладбище на бересте или шкуре. Затем после выполнения обрядов опускали в сруб, ставили сосуды, клали вещи, завертывали покойника, делали перекрытие и засыпали могилу. Крыша сруба с течением времени разрушалась и земля падала вниз; над могилой получалась «воронка», которая постепенно затягивалась землей. Отсутствие земли внутри самой могилы, некоторое время после погребения, подтверждается следующим: 1) в погребении № 4 часть сосудов найдена на 40 см выше захоронения; повидимому, они стояли на крыше могилы и обвалились с землей; 2) незаполненность некоторых сосудов землей; раздавленность других так, что фрагменты верха плотно, без прослойки земли, лежали на днищах; 3) в погребении № 7 и других в центре могильных пятен наблюдалась темная земля, шедшая «воронкой» от начала крыши до дна могилы (рис. 8). Наконец, изучение профиля могильной ямы № 9 подтверждает позднее заполнение землей всей могилы. Такое явление наблюдается и в других могильниках: Суцевском⁹, Горкинском¹⁰, Истринском¹¹ и Балазовском¹². Наши последние раскопки Верейского могильника¹³ окончательно убедили меня в этом.

⁶ А. С. Уваров «Археология России. Каменный период», 1881 г., стр. 401.

⁷ Там же, стр. 405.

⁸ Aarne Aunäpää «Kauhavan Perttulanmäen Kivikautinen hauta», стр. 1—15 (Suomen Museo, XXXVIII—XXXIX, 1931 г., Helsinki).

⁹ Суцевский могильник. Раскопки Д. А. Крайнова в 1929 г. Коллекция хранится в ГИМ.

¹⁰ О. А. Гракова «Горкинский могильник», Труды ГИМ, вып. VIII, 1939 г., стр. 60.

¹¹ К. Л. Виноградов «Истринский могильник». Доклад на заседании фатьяновской комиссии МОГАИМК 11/X 1936 г. Протокол № 8.

¹² О. Н. Бадер «Археологические исследования Чувашского музея», «Советский музей», № 5, 1937 г.

¹³ Верейский могильник под Москвой. Раскопки Д. А. Крайнова, 1940 г., Коллекция ГИМ.

Ориентировка погребений Вауловского могильника двоякая. Все погребения, за исключением №№ 7 и 9, положены головой на В и СВ, а №№ 7 и 9 — на ЮЗ; ориентировка выдержана довольно точно. В других могильниках наблюдалась разнохарактерность в этом обряде. Различные ориентировки в разных могильниках можно объяснить тем, что каждый род имел свои, несколько отличные, обычаи и обряды, варьировавшие внутри него.

Погребения №№ 3 и 4 ориентированы на В; погребения №№ 5 и 6 — на СВ — 50° , а 7 и 9 — на ЮЗ — 215° . В остальных погребениях ввиду отсутствия костей не удалось установить ориентировку, но, повидному, она была приблизительно такой же, как и в первых двух парах. Невольно напрашивается вопрос, почему все погребения лежат головой в одном направлении, и только два погребения положены в обратную сторону? Это или разновременные погребения, или погребения №№ 7 и 9 являются захоронениями военачальников или старейшин рода. Из двух объяснений мы скорее можем принять второе.

Кроме одиночных захоронений, в Вауловском могильнике найдены два коллективных, а именно №№ 5 и 9. Судя по костям и вещам, в каждом из этих погребений похоронены мужчина и женщина вместе, одновременно. Коллективные захоронения в фатьяновских могильниках — явление довольно частое.

Погребальный инвентарь Вауловского могильника сходен с другими фатьяновскими могильниками, но имеет и свои особенности. Для более ясной характеристики этого инвентаря его описание проводится по группам. Наиболее важной группой являются сверленные каменные топоры. Они занимают одно из основных мест среди орудий фатьяновской культуры. В погребении топоры кладутся в определенном месте: или перед лицом покойника или за спиной. Встречаются они не во всех могилах; в женских погребениях если и кладутся, то рабочие; в мужских — рабочие и боевые. Почти все типы вауловских топоров, за исключением одного, найдены и в других могильниках. Назначение многих из них до сих пор не выяснено. Некоторые топоры (из погребений №№ 7, 9, 11) выделяются изяществом формы. Топорища, повидному, были небольшими и делались из дерева и кости. В Ваулове, по рассказам, найден топор с костяной изогнутой рукояткой. До настоящего времени не выяснено, какие типы топоров являются особо древними, какие возникли в фатьяновское время и какие заимствованы. Повидному, древней формой являются простые обушково-клиновидные топоры, имеющие аналогию в неолитических стоянках Восточной Европы. Отдельные группы могильников имеют свои излюбленные формы, например, северная — лопастную, южная — ромбическую; они могут быть одновременными. Изящные топоры служили военным оружием, особенно ладьевидные и лопастные. Для работы по дереву они совершенно непригодны: их лезвия узки, закруглены и следов от работы на них нет. Они были большой ценностью и личной принадлежностью воина, своего рода томагавки. Даже обломки топоров не бросались, а обрабатывались вновь; в могилах встречаются такие обломки. Что касается других сверленных топоров, например простых обушково-клиновидных, то они были вполне пригодны для работы как колющие, рубящие и ударные орудия. К некоторым из них нельзя даже применить термина «топор», так как они скорее походят на молоты; часть из них служила, повидному, дляковки металла.

В Вауловском могильнике, кроме сверленных топоров-молотов, найдено одно очень оригинальное орудие из камня (табл. IV, рис. 6). Оно представляет

Сверленные каменные топоры

№ № п/п.	Т и п	Длина в см	Наибольш. ширина	Диаметр сверлины	№ погребения	Табл.-рис.	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Булаво-видный малый				Разрушенное погребение		На обушке и лезвии—следы ударов. Хранится в Тутаевском краеведческом музее
2	Клиновидный обушковый	14	6	2,8	То же	1—5	Массивный; на обушке и лезвии следы от работы
3	Обушково-лопастной	12,5	6,5	2,8	То же	1—4	Более изящный; следов работы нет
4	Обушково-лопастной	13	6,7	2,7	То же	1—6	То же
5	Обушково-клиновидный	10,3	5,5	2		1—2	Маленький; следы работы есть
6	Клиновидный	14	6,5	2,2	п. 3	1—1	Массивный, лезвие как у клина, на обушке и лезвии ясно видны следы работы; на лезвии они идут в виде косых линейных выщербин
7	Обушково-лопастной	20	9	3	п. 6	1—2	Молот; рассыпался на мелкие части; такие молоты редки; в Фатьяновском м-ке найден такой же молот
8	Обушково-лопастной	15	5,5	2,4	п. 7	1—8	Изящный, узкий; сделан из зеленого камня; следов работы нет
9	Обушково-лопастной	15	6	2,2	п. 9	1—7	Изящный; обушок осыпался; следов работы нет
10	Обушково-желобчатый	11	3		п. 9 Зах. Б		Небольшой четырехгранный, напоминает клин; по боковым граням желобки; топор необычен для культуры, — аналогий нет; разбит в порошок в ИИМК
11	Ромбический-хордовый	13	6	2,4	п. 11	1—3	Половина обушки отбита; на обушке видны следы ударов на лезвии их нет

вытянутую, уплощенной формы гальку; длина его 12 см; средняя ширина 7,5 см; толщина 3,5 см; у обушки оно толще. Конец орудия заострен с двух сторон, и ближе к лезвию видна заполировка. Ниже обушки с двух сторон имеются выбоины, служащие для скрепления с рукояткой. На одной из широких сторон заметна стертость, указывающая на способ скрепления. Рукоятка прикреплялась перпендикулярно лезвию орудия. Профиль орудия почти симметричен. В описании погребения № 8 мы упоминали об утерянных подобных же орудиях в Вауловском могильнике; они необычны для фатьянов-

ской культуры. Первоначально это орудие было определено как мотыга, что, однако, не подтверждается его небольшими размерами. Кроме того, лезвие тупое и имеет следы ударов о что-то твердое. На обухе также есть выбоины от сильных ударов о твердый предмет. Острой палкой или длинным острым камнем легче взрыхлить землю, чем этой «мотыгой». Повидимому, данный предмет служил для иной цели, например для размельчения руды. Заслуживает внимания находка этого орудия в очень бедном погребении в сопровождении целого сосуда. Делать на основании находок таких «мотыг» вывод о земледелии вряд ли возможно.

Кремневые топоры-клинья встречены почти во всех погребениях Вауловского могильника, а именно в №№ 2, 3, 5, 6, 7, 9 и 11. Только в двух могилах их не оказалось — в 4-й и 12-й; в последней его могли выбросить рабочие, так как край могилы был срезан. Кроме того, два клинья найдены в отвалах карьера. В противоположность сверленным топорам-молотам, клинья кладутся в разных местах могилы, но обычно — у ног, около сосудов. Они обнаруживаются как в мужских погребениях, так и в женских. Величина вауловских кремневых клиньев различна: длина от 7,6 см до 13,5 см, ширина лезвий от 3 до 5 см (табл. III, рис. 1—9). Все клинья сделаны прекрасно; кремнь разноцветный; на некоторых шлифовка лучше, на других хуже, но лезвия у всех отточены очень остро. Тщательная обработка этих орудий, а также их нахождение почти в каждой могиле говорят о том, что они были одним из основных орудий труда и служили для обработки дерева. Шесть вауловских клиньев из девяти являются тестами, так как имеют асимметричные лезвия. Интересно, что в южных культурах эти клинья встречаются очень редко. Повидимому, они развиваются в лесной полосе с ростом обработки дерева. Обнаружение клиньев и в мужских и в женских погребениях дает право говорить, что ими работали как мужчины, так и женщины.

Из других кремневых орудий в Вауловском могильнике найдено пять ножевидных пластинок. Величина их различна — от 5 до 12,5 см. До сих пор эти орудия рассматриваются как ножи, однако не все они были ножами, среди них есть разнообразные орудия; нам удалось установить ножи (три) и скребковидные орудия (два). Самый большой нож обнаружен в погребении № 7 (табл. IV, рис. 1). Один конец его облепан. Другие два ножа (табл. IV, рис. 4—5), меньших размеров, имеют ретушь по боковым сторонам. Две пластинки из погребений № 5 и № 9 являются скорее скребковидными орудиями. Они имеют крупную ретушь по краям и на одном из концов (табл. IV, рис. 2—3). Необходимо отметить, что не случайно их клали или около сосудов или в самих сосудах: ножи и мелкие кремневые орудия относятся к вещам домашнего обихода.

Четвертой значительной группой инвентаря являются металлические изделия, по количеству которых Вауловский могильник превосходит почти все известные могильники фатьяновской культуры. Эти изделия относятся к различным категориям; имеются топоры, шилья, привески, гривна или браслет, обломки перстня и кусочек проволоки.

Медные топоры найдены в двух погребениях:

а) топор медный с вислым обухом (табл. V, рис. 3—4), обнаруженный в погребении № 5 при мужском захоронении, имеет длину 11 см, ширину лезвия 3,8 см, толщину в середине 1,8 см, поперечник втулки 2,6 см; по бокам идут грани, по четыре с каждого бока; к лезвию они сходят наплет. Сохранность топора очень хорошая. На лезвии нет следов работы. Повидимому, этот топор имел боевое назначение;

б) топор медный с вислым обухом (табл. V, рис. 1—2) из погребения № 7, длина 12,5 см, ширина у лезвия 2 см, толщина в середине 1,3 см, поперечник втулки 3,5 см. Этот топор уже первого и более вытянут. Если первый расширяется к лезвию, то этот сужается. Рабочий конец закруглен; сохранность топора средняя. Назначение — боевое оружие.

На высокую ценность этих топоров указывают условия их положения в могилах. Повидимому, рукоятки их находились в руках покойников, а сами топоры лежали перед лицом. Обнаружение топоров в богатых могилах, а также редкость их говорят за то, что они являлись не только оружием, но и символом власти. Оба топора имели остатки «футляров» и деревянных рукояток (табл. V, рис. 1, 3, 5). Медные топоры со скошенным вислым обухом встречены в фатьяновских могильниках, исключая Ваулово, только в двух случаях: два — в Фатьяновском могильнике и один в Горкинском; они обнаружены случайно, и поэтому трудно судить, с каким покойником были положены. А. А. Спицын в своих записках¹⁴ упоминает о находке топора с вислым обухом близ деревни Тимариной Верх. уезда на глубине 2 аршин на берегу реки Локшанки. Этот топор близок вауловским. Есть и другие случайные находки.

Шилья обнаружены в двух погребениях:

а) небольшое четырехгранное шило из погребения № 3; длина 4 см, ширина 0,3 см; найдено в сосуде; сохранность средняя (табл. XI, рис. 8);

б) второе шило найдено также в сосуде в погребении № 4 (табл. V, рис. 6); форма его такая же, но размеры больше; длина 6,2 см, ширина 0,5 см; сохранились остатки деревянной рукоятки. Подобные шилья встречены в Балановском могильнике и в комплексах донецкой, катакомбной, срубной и других культур.

Браслет, или шейная гривна, из погребения № 3 сохранился очень плохо; он представляет собой медную тонкую пластинку, загнутую с боков внутрь, шириной около 1 см (табл. XI, рис. 9); длину определить трудно.

Привесок найдено две целых, а в погребениях №№ 3, 5, 6 и 9 на черепах замечены следы медной окиси, указывающей на то, что здесь были медные украшения, может быть, привески:

а) привеска из погребения № 3 (табл. XI, рис. 5) представляет собой небольшое медное спирально завитое кольцо из проволоки. Такие кольца служили височным украшением и найдены в других фатьяновских могильниках. В погребениях №№ 2 и 5 Кузьминского могильника¹⁵ обнаружены две привески; в Балановском могильнике несколько и в Чуркинском могильнике три¹⁶. Кроме того, при раскопках курганов близ деревни Петряиха Юрьевского района Ивановской обл. найдена серебряная привеска такой же формы¹⁷. Найдены они также в донецкой катакомбной культуре¹⁸; вообще они очень широко распространены в культурах эпохи бронзы: на Кавказе, в Сибири и в Европейской части СССР;

б) вторая привеска, обнаруженная в погребении № 5, является неболь-

¹⁴ А. А. Спицын, Архив ИИМК, Листки.

¹⁵ Кузьминский могильник Моск. обл. Раскопки О. Н. Бадер, Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁶ «Ивестия А. К.», Добавления к 5 вып., стр. 45—46.

¹⁷ А. А. Спицын «Новые сведения о медном веке в средней и сев. России» («Записки Отд. русск. и славянск. археологии», т. VII, вып. I, стр. 76—77, Спб., 1905 г.).

¹⁸ В. А. Городнов «Культуры бронзовой эпохи средней России», Отчет РИМ за 1914 г., М., 1915 г., стр. 176.

шим медным кольцом, концы которого спаяны. Сделано оно из более массивной медной проволоки; на утолщенной части его есть нарезки. В фатьяновских могильниках подобные кольца еще не найдены¹⁹.

В погребении № 6 под обломками сосуда найдены остатки пластинчатого перстня, широкого в середине и узкого по краям. На широкой части перстня нанесен орнамент в виде ромбиков.

Рядом с перстнем, в том же погребении, на куске трута лежал медный прут; возможно, это игла или проволока-заготовка для височного кольца, или украшение трута (табл. XI, рис. 7).

Перечисленными вещами исчерпывается металлический инвентарь Вауловского могильника.

Исследования последних лет показывают, что металлические вещи были довольно широко распространены, особенно в могильниках северной и восточной групп. Они найдены в Вауловском, Воронском, Фатьяновском, Велюковском, Мытищинском, Горкинском, Кузьминском, Чуркинском, Балаповском, Змеевском и Сергачевском могильниках.

Все эти данные ставят перед нами вопрос о существовании металлургии у фатьяновцев. Теперь уже никто из археологов не относит фатьяновскую культуру к каменному периоду; споры идут относительно местного или привозного происхождения фатьяновских металлических изделий. Сторонники привозного происхождения базируются на: 1) небольшом числе металлических вещей; 2) на сходстве фатьяновских изделий с южно-курганными и кавказскими; 3) на отсутствии мест (рудников) добычи меди. Первое обоснование защитников этой теории опровергается частыми находками изделий из металла в северной и восточной группах могильников. Что касается сходства металлических изделий фатьяновской культуры с южно-курганными, то этот вопрос очень спорный; например: спиральные привески и шпилья имеют очень широкое распространение; они встречаются почти во всех культурах бронзовой эпохи не только на территории СССР, но и в Западной Европе и в Малой Азии. Бронзовые вислообушные топоры обнаружены в различных местах Европейской части СССР, но в каждой культуре они имеют и свои местные черты. Очень возможно, что первоначальные формы медных орудий возникли на юге и оттуда распространились на север. Культуры средней и северной частей СССР приходят позднее к выработке металла, но быстро осваивают это производство. Формы орудий, заимствованные с юга, претерпевают изменения и образуют новые, имеющие облик, свойственный только данной культуре. Следовательно, и второе обоснование не совсем убедительно. Наконец, что касается отсутствия мест находок руды, то и этот аргумент несостоятелен, так как сейчас известны места нахождения медных руд на Средней и Верхней Волге²⁰. Правда, древних рудников не найдено, но раз руда в этих местах есть, то можно предположить, что ее знали «фатьяновцы»*. Привозить металл с Приуралья они не могли, так как известные стоянки бронзовой эпохи Приуралья значительно позднее фатьяновской культуры. Повидимому, у них существовало собственное металлургическое производство и уже в значительно развитой форме. Во-первых, вислообушные фатьяновские топоры отличаются от других. Сделаны они не прими-

¹⁹ К сожалению, более детального описания этого кольца дать нельзя, так как оно утеряно в ГАИМК во время выставки 1935 г.

²⁰ Сведения о находках залежей медных руд неоднократно сообщались нашей прессой за последние годы. В «Главцветмет» имеются данные о находках медных руд на Верхней Волге.

* Доводы автора как в данном случае, так и в других, когда они даются без фактического обоснования, не могут быть приняты без критического анализа.

тивпой холодной ковкой, а при помощи литья. Во-вторых, самым неоспоримым аргументом, подтверждающим нашу точку зрения, является одинаковая орнаментика на фатьяновских металлических изделиях и керамике, поэтому на нем следует остановиться более подробно. Выше мы приводили описание привески и обломков перстня из Вауловского могильника. На привеске имеется штриховой орнамент парезками, а на перстне — ромбический узор. Оба орнамента типичны для фатьяновской культуры и часто встречаются на глиняных сосудах. Особенно показательна орнаментика на браслете из Мытищинского могильника²¹ (табл. II, рис. 5). Браслет представляет широкую медную пластинку длиной 16,4 см и шириной 6,2 см. На его поверхности нанесен парезной штриховой орнамент. В середине проведено 22 линии (бороздки); по бокам они окаймлены ромбическим орнаментом из косых парезок, по середине одного конца браслета — орнамент в виде двух елочек (на другом конце он стерся). По словам Н. П. Милонова, исследовавшего этот могильник, такой же браслет был найден и в другом погребении. К. Н. Рейпольский, сотрудник Ярославского областного музея, сообщил нам о находке такого же браслета в Воронском могильнике Ярославской области. Орнаментика на них совпадает с орнаментикой ряда вауловских, мытищинских и великосельских сосудов (табл. VIII, рис. 6—8 и IX, рис. 5). Рисунок на браслете так же симметричен, как и на сосудах, следовательно, устанавливается не только сходство элементов орнамента, а почти тождество их. На основании только этого мы имеем право сделать вывод о местном производстве металлических изделий. Нельзя для этого времени допустить, что южные племена выделывали вещи на «экспорт», с учетом вкусов «фатьяновцев», или последние, получая вещи, наносили на них орнамент.

Карта распространения медных и бронзовых топоров, составленная А. А. Спидным²², подтверждает нашу точку зрения: она показывает, что на севере были свои центры выделки орудий из металла. Топоры Волжско-Балтского района имеют иную форму, чем топоры южные и западной половины Северного Кавказа. В то же время фатьяновские топоры своеобразны и непохожи на те и другие.

Отличительной чертой фатьяновских могильников является своеобразная керамика, встречающаяся в каждом погребении. В одиннадцати погребениях Вауловского могильника найден 31 глиняный сосуд, не считая обломков из разрушенных могил, — это один из самых больших комплексов, собранных в фатьяновских могильниках. Вауловская керамика по форме и орнаментике стоит ближе к северной группе (Фатьяновский, Холмогорский, Великосельский и прочие могильники); 80 % вауловских сосудов были обнаружены в обломках и 20 % целыми. Крупные сосуды, как правило, редко сохраняются целыми, мелкие — чаще.

Все сосуды Вауловского могильника, по классификации В. А. Гордцова, можно разбить на три типа: 1) высокшейные, 2) шаровидные и 3) чашевидные.

Деятнадцать сосудов относятся к высокшейному типу: он характеризуется сравнительно высокой и прямой шейкой и более удлиненной формой тулова по сравнению с шаровидным типом (табл. VI, рис. 2, 3, 5, 6, 7, 8; табл. VII, рис. 1—4).

²¹ Мытищинский могильник близ с. Мытищи, Тейковского района, Ивановской обл. Раскопки Н. П. Милонова. Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже. Рисунок браслета публикуется с разрешения автора.

²² А. А. Спидын «Археологические заметки». Карта распространения медных и бронзовых топоров (Труды Секции Арх. РАНИОН, в. IV, стр. 493, 1928 г.).

Сосуды данного типа отличаются правильностью форм несмотря на работу без помощи гончарного круга, однако есть сосуды, выполненные очень небрежно. Остатки привлекают внимание точность соотношений высоты сосуда, диаметра горла и окружности широкой части тулова, наблюдающиеся в 90 % всех сосудов этого типа. Соотношение высоты сосуда и диаметра горла выражается, как 1 : 1, а соотношение окружности широкой части тулова к высоте (или диаметру горла), как 4 : 1; например высота 17,5 см, диаметр 17,5 см, окружность 70 см, и т. д.; это подчеркивает высокую степень керамической техники в фатьяновской культуре.

Высота шейки не связана с величиной сосуда, но чаще она высокая. Эта высота колеблется от 1 до 3 см, форма самой шейки у некоторых сосудов правильно-цилиндрическая, а у многих — в виде срезанного опрокинутого конуса. Края шейки бывают толстыми и тонкими, в зависимости от формы сосуда. У одних плечики широкие, такие же почти, как у шаровидных сосудов, а у других узкие.

Величина высокошейных сосудов различна. Самый маленький сосуд имеет размеры: высота 5 см; диаметр горла 6,4 см; окружность посредине — 22 см (табл. VI, рис. 2); размеры самого большого сосуда — высота 17,2 см; диаметр горла 17,2 см (из погребения № 4).

Всего больших сосудов (от 13 до 17 см высоты) семь; средних (высота от 10 до 13 см) восемь, а малых (высота от 5 до 10 см) четыре.

Почти все сосуды этого типа имеют тонкие стенки (от 0,1 до 0,6 см). Толщина их не зависит от величины сосуда; у горла и дна они толще, а в середине тоньше. Очень часто большой сосуд имеет стенки тоньше, чем маленький. Глина, из которой сделаны сосуды, очень хорошего качества; примесей почти нет. В разломе все сосуды, за небольшим исключением, имеют характерную двухслойность, а иногда и трехслойность, получающуюся благодаря обжигу. Первый от поверхности слой — желтый или красновато-желтый, а внутри черный. При трехслойности: желтый — черный — желтый. Обжиг всех сосудов высокошейного типа средний. Цвет сосудов различный: желтый, желто-красный, серый и красноватый. Почти все сосуды лощеные; многие, за исключением маленьких, имеют законченность, указывающую на то, что они ставились на костры.

Сосудов шаровидного типа обнаружено 11 экземпляров. Характеризуются они узким горлом, низкой, с отогнутыми наружу краями шейкой, шаровидной формой и довольно большим размером (табл. VII, рис. 5, п. 6). Средняя высота их от 19 до 25 см. Шейки почти всех сосудов отличаются массивностью и не большой высотой — от 0,8 до 1,5 см. Диаметр горла в среднем равен 11 см. Окружность самого большого сосуда 88,5 см. Толщина стенок колеблется от 0,3 до 0,9 см. Обжиг средний, а некоторые сосуды обожжены плохо. Преобладает темный и красный цвет поверхности. Состав глины тот же, но в глине двух сосудов имеется примесь измельченного камня; сохранность их очень плоха. Среди шаровидных сосудов есть сосуд без горла и орнаментики (табл. VI, рис. 1). Повидимому, он был поставлен в могилу в незаконченном виде. Точные соотношения высоты, поперечника горла и окружности тулова у шаровидных сосудов нет.

Сосуд чашевидного типа обнаружен в погребении № 12. Рабочие находили такие сосуды в разрушенных ими погребениях. Обнаруженный нами представляет круглодонную чашечку высотой 2,7 см, диаметром 2,7 см; толщина стенок 0,4 см, орнамента нет (табл. VI, рис. 4). Подобные чашечки встречаются в фатьяновских могильниках, но обычно в меньшем количестве, чем два первых типа.

Все найденные сосуды орнаментировали, за исключением чашечки из по-

гребення № 12 и незаконченного шаровидного сосуда из погребения № 4. Орнаментика, как правило, идет по шейке и плечикам сосуда; иногда орнаментируется и ямка дна. У высокошейных сосудов орнамент занимает меньше одной трети высоты сосуда, спускаясь до середины в очень редких случаях. У шаровидных же сосудов он доходит до середины и иногда спускается ниже ее.

Основными элементами орнамента является зубчатый штамп и штриховой нарез. Штамп различной формы и величины, но преобладает мелкозубчатый прямоугольный чекан с двумя, семью зубчиками; часто встречаются не зубчатый, довольно глубокий чекан; реже, и только на изящных сосудах, бывает мелкозубчатый штамп. Крупнозубчатый штамп встречается редко, только на больших шаровидных сосудах, сделанных из плохо отмученной глины. Штриховой нарез бывает коротким и длинным; встречается на сосудах обоих типов. Очень редко и опять-таки на крупных шаровидных сосудах имеется лентной орнамент.

Орнамент вауловских сосудов нельзя назвать однообразным и простым. Наряду с простейшими узорами имеются и довольно сложные со строго продуманной композицией. Орнаментика не всегда отличается изяществом, а часто выполнена очень небрежно, особенно, если и сам сосуд сделан плохо. Это относится, главным образом, к маленьким сосудикам, которым свойственны простые узоры — несколько рядов нареза или штампа. Средние и большие высокошейные сосуды отличаются более сложным орнаментом, расположенным в различных сочетаниях, но без фигурного выполнения композиции.

Сложные узоры нанесены преимущественно на шаровидных сосудах и располагаются по плечикам, а иногда и середине тулова, в виде более или менее однообразных повторяющихся фигурных лопастей (по В. А. Городцову), опускающихся от плечиков к середине сосуда.

Простой узор. Основным элементом его являются зубчатые прямые или косые нарезки разной величины и формы; почти всегда простой узор наносится (на одном сосуде) одним штампом. Из простых узоров на небольших и средних сосудах чаще всего встречается следующая комбинация: 1) по отгибу шейки ряд косых мелкозубчатых штампов, 2) ниже по шейке такой же ряд штампов, но более длинных, 3) по плечу два таких же, как и по шейке (табл. VIII, рис. 1, п. 5). Ряды этого узора, не прерываясь, идут вокруг сосуда; количество бывает различное. Встречаются 2—4 ряда, иногда же 8 (табл. VIII, рис. 2, п. 3). На некоторых сосудах этот узор несколько усложняется: оттиски штампа в одном или двух рядах наносятся в виде букв N или V, следующих непрерывной полосой (табл. VIII, рис. 3, п. 3). Чаще всего такая полоса замыкает орнамент снизу, иногда же встречается и в середине. Она бывает не непрерывной линией, а рядом отдельных оттисков в виде треугольника — без одной стороны.

Сложный узор. Этот узор очень разнообразен и по своей композиции и по чеканке, по все же и здесь можно выделить более простой рисунок и фигурный. Он наиболее характерен для вауловской керамики (около 70% ее сосудов украшены ромбическим узором) и, как правильно отмечает В. А. Городцов, чаще всего встречается в северной группе могильников.

Ромбический рисунок мы называем простым условно, так как он часто наносится разным чеканом, и сама орнаментика разнохарактерна; в основном преобладают ромбики, для окаймления которых употребляются прямые и косые насечки, зигзагообразные линии, углубленные линии и т. д. (табл. VIII, рис. 5, п. № 4 и табл. IX, рис. 3, п. № 9). Данный узор, как правило, не прерываясь, идет рядами по шейке и плечикам сосуда. Количество рядов узора различно — от четырех до десяти. Намечается довольно строгая симметрия в чередовании фигур узора и пустых пространств между ними. Поэтому большей частью встречается четное число рядов: четыре, шесть, восемь. Примером про-

этого ромбического узора может служить орнамент сосуда из погребения № 6 (табл. VIII, рис. 4).

Фигурный узор или лопастной. Отличается от вышеприведенных тем, что ниже пояса основного орнамента шейки и плечиков сосуда идут фигуры, спускающиеся лопастями к середине сосуда. Его элементами являются ромбики и прямые или косые оттиски штампа. Обыкновенно одна и та же фигура повторяется по кругу несколько раз с очень небольшими изменениями (табл. VIII, рис. 6, 8, 9, погр. № 5 и табл. IX, рис. 1, погр. № 9, рис. 4, погр. № 7).

Лопастни на других сосудах состоят из семи рядов овалов, нанесенных мелкозубчатым штампом (табл. VIII, рис. 7, погр. № 9), или штриховые из трех рядов нарезок, замкнутых с обеих сторон вертикальными линиями (табл. VIII, рис. 10, погр. № 6).

Наибольший интерес представляет орнамент сосуда из погребения № 6 (табл. IX, рис. 5). Лопастни внизу верхних рядов орнамента состоят из 7—9 рядов ромбиков, расположенных вертикально — столбиками длиной по 5—6 см. В каждой лопасти три левых столбика отделяются чертой. Таких лопастей на сосуде четыре, разделенных промежутками в 10—11 см. Чередование столбиков следующее: 3 + 4, 3 + 5, 3 + 4, 3 + 6. Ниже идет широкая и глубокая бороздка вокруг всего сосуда с двумя перемычками; ширина борозды и перемычек по 2 см. На краях бороздок тянутся узкие паленные валики с орнаментом, как по шейке (налепки с орнаментной встречены только в трех случаях на Вауловском могильнике, но имеются и в других могильниках северной группы). Орнаментика этого сосуда очень близка с узором Мытищинского браслета. Подобное украшение дает какую-то продуманную композицию, которую понять при современном знании трудно.

Почти все сосуды Вауловского могильника имеют на дне ямки; величина их колеблется от 1 до 4 см и не зависит от величины сосуда.

Нередко вокруг них имеется орнамент. Иногда ямки нет, а орнамент на ее месте есть. Из 31 сосуда Вауловского могильника только десять имеют орнамент на дне. Орнамент на дне сосудов из погребения № 4 одинаков (табл. X, рис. 8 и 10), на сосудах из погребений №№ 5 и 6 он имеет сходство с первым, но и несколько отличается (табл. X, рис. 6 и 9); подобные рисунки встречаются на сосудах Фатьяновского, Кузьминского и Великосельского могильников. На двух сосудах из погребения № 9 также почти одинаковый орнамент в виде «солнца» (табл. X, рис. 1 и 2). Точно такой же узор встречается на сосудах Мытищинского могильника. На сосуде из погребения № 6 имеется вместо ямки орнамент, нанесенный чем-то острым; он представляет собой круг и внутри его мелкая нарезка (табл. X, рис. 7). На двух сосудах из погребений №№ 4 и 12 орнамент дна ямки имеет форму правильного восьмиугольника. В центре ямки стиснут крест (табл. X, рис. 3 и 5). Дно большого сосуда из погребения № 4 орнаментировано своеобразно — штрихи около ямки и второй круг штрихов в отдалении от нее (табл. X, рис. 12).

На двух сосудах Вауловского могильника ямка окаймлена валиком и кольцеобразным углублением, и на обломке дна сосуда из случайных находок имеется своеобразный орнамент (табл. X, рис. 4). А. С. Уваров²³ отмечает, что на простых плочках и на грубых сосудах этих рисунков нет. Благодаря повторяемости рисунка он считает, что узоры дна — не что иное, как заранее установленный знак, «клеимо» каждого мастера. Другие придерживаются мнения, что ямки делались для большей устойчивости круглодонных сосудов, а узор наносился для украшения этой ямки.

²³ А. С. Уваров «Археология России», т. I, М., 1881 г., стр. 409—412.

О. А. Гракова, при изучении техники выделки фатьяновской посуды, пришла к выводу, что ямки делались большим пальцем после окончания сосуда, для придания ему устойчивости²⁴.

Точка зрения А. С. Уварова относительно клейм вряд ли соответствует действительности. Во-первых, клейма бывают на разных сосудах, и грубых и изящных. Во-вторых, одинаковые «клейма» встречаются в различных могильниках, удаленных друг от друга на большие пространства. Нельзя допустить, что один и тот же мастер делал сосуды, найденные в Вауловском, Мытищинском, Фатьяновском, Кузьминском и других могильниках. Трактовка ямки, как средства для придания сосуду устойчивости, также вызывает возражения. Во-первых, очень часто на сосудах нет ямок, или же они мало заметны. Во-вторых, присутствие ямки не может придать устойчивость сосуду, так как ямка иногда находится не в центре дна и, в-третьих, они бывают разных размеров и форм. Кроме того, центр ямок часто бывает выпуклым, а края вдавленными.

Присутствие ямки можно объяснить из техники приготовления фатьяновского сосуда. Установлено, что лепились они при помощи ленточной техники; лепка начиналась со дна, и для уничтожения выпуклости, получавшейся от начального закручивания ленты, делали ямку. Что же касается ее орнаментики, то этот вопрос сложнее. Большинство рисунков дна напоминает изображение солнца. Очень возможно, что это своего рода магический знак — символ солнца, света и тепла.

Фатьяновцы часто применяли прямые линии, треугольники, квадраты, ромбы, многоугольники и т. п. Даже каменные топоры нередко имеют форму ромба и орнаментiku; металлические вещи, кость и т. п. повторяют орнаменты сосудов.

Судя по группировке и чередованию фигур, отдельных линий на сосудах, можно сделать вывод, что фатьяновцы знали счет. Фигуры и полоски расположены не в случайном порядке, а определенными группами ритмично и обдуманно. Количество фигур и полосок различно, но не превышает тринадцати.

Возможно, фигурные рисунки на сосудах являются символическими изображениями окружающей фатьяновцев действительности.

После лепки сосуда производилось заглаживание швов его и всей поверхности как внутри, так и снаружи. Это заглаживание делалось различными инструментами (костьяными) и кроме того, — сеном или травой. Следы узких бороздок имеются на многих сосудах. Сосуд из могильника № 7 (табл. X, рис. 11) особенно выделяется присутствием на его поверхности следов заглаживания. Они покрывают сосуд сеткой, идущей в разных направлениях. Этот сосуд очень грубый и напоминает керамику Дьякова типа.

После выделки сосуда наносился орнамент, и часто после этого опять производилось заглаживание. На многих сосудах орнамент в некоторых местах стерт при заглаживании.

Во всех вауловских погребениях наблюдалась однообразная расстановка сосудов. Как правило, несколько сосудов помещается у ног покойника и опять-таки — в определенном порядке. Только в двух могилах сосуды поставлены у ног и головы. Такая расстановка наблюдалась и в ряде других могильников²⁵, почему мы можем рассматривать ее как определенную особенность сложного обряда захоронения.

Завершенность стенок большинства вауловских сосудов, а также копыт внутри и стертость на дне указывают на то, что они были в продолжи-

²⁴ О. А. Гракова «Горьковский могильник». Доклад на заседании Фатьяновской комиссии МОГАИМК.

²⁵ В Сузевском, Истринском, Ивановогорском, Балановском и др. могильниках.

тельном употреблении. Правда, может быть и другое толкование, что заоченность получилась во время обжига, но факт заоченности разных мест сосуда подтверждает больше первое мнение, чем второе. Повидимому, вопрос о ритуальности сосудов должен отпасть. Они, безусловно, имели хозяйственное назначение. В некоторых сосудах имелись остатки пищи в виде мелких косточек. В могильниках у деревни Ивановской²⁶ во всех трех могилах в сосудах были обнаружены кости животных. Разница величин сосудов говорит о их различном назначении. Многие крупные сосуды служили для хранения вещей домашнего обихода: в крупных сосудах погребений №№ 3, 5, 6 и 9 обнаружены кремневые ножи, бронзовые шпильки, куски трута, огнива, костяные шпильки, охра красная, подвески из птичьих костей и зубов животных, клык кабана и пр. Сосуды, небрежно сделанные и не имеющие коפות, приготовлялись специально для погребения. Постановку в один большой сосуд нескольких сосудов можно объяснить как запасы для покойника.

Предметы украшений найдены в небольшом количестве (погребения №№ 3, 4, 5, 6 и 9), главным образом в женских погребениях, но, повидимому, были и в мужских.

Из украшений имеются: пронизки из птичьих костей, подвески из зубов животных, отдельные клыки кабана и медведя, бусы из мелких речных раковин и описанные выше металлические украшения. Кроме того, на кистях рук, на шейных позвонках и черепах погребений №№ 3, 4, 5, 6 и 9 имелись следы окиси меди или бронзы. Найденные в Вауловском могильнике украшения типичны для всех фатьяновских могильников Волго-Окского междуречья.

По этим украшениям мы можем судить о развитии металлургии, об украшении одежды и тела и, возможно, о религиозно-магических представлениях.

В довольно большом количестве найдены пронизки продолговатой формы из птичьих костей (табл. XII, рис. 1—2) длиной от 0,5 см до 6 см; подобные пронизки довольно широко распространены в фатьяновской культуре и найдены в Кузьминском, Сущевском, Ивановогорском и ряде других могильников. Эти пронизки вместе с привесками из зубов животных служили ожерельем, которое носили и мужчины и женщины. Для подвесок шпильки, главным образом, зубы хищных животных: медведя, волка, рыси, кабана. А. С. Уваров²⁷ считал, что этим украшениям не придавалось значения амулета, потому что на зубах больших размеров встречается орнамент в виде ряда правильных насечек, между тем как на других зубах того же зверя такого орнамента нет. Безусловно, большинство украшений из кости и металла не имеет магического значения, но определенные предметы такое значение имели. С этой стороны исключительный интерес представляет находка в погребении № 9 изображения медвежьего клыка из кости. В верхней части ее, как и на других подвесках, есть сверлпна и ниже орнамент в виде елочки — штриховыми нарезками. Такой же орнамент имеется и с другой стороны (табл. XI, рис. 3). Медвежий клык часто встречается в фатьяновских могильниках. В Фатьяновском могильнике найдены: медвежий клык с таким же орнаментом, как и вауловский, и клык медведя на бронзовом или медном колечке. В Балановском могильнике в погребении № 4 был найден медвежий клык со следами окиси бронзы у сверлпны, указывающими, по мнению О. П. Бадера, на такое же колечко, как у клыка из Фатьяновского могильника. Медвежьим клыкам, повидимому, уделялось особое внимание, эти предметы, безусловно, играли роль амулетов, указывающих на медвежий культ у фатьяновцев.

²⁶ К. Я. Виноградов «Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе», М., 1929 г.

²⁷ А. С. Уваров «Археология России», стр. 409.

Клык кабана также отдавалось несколько больше внимания, чем зубам других животных. В Вауловском могильнике они встречаются и в ожерельях, и в сосудах, и на руке. Повидимому, кабан играл большую роль как охотничье животное.

Металлические украшения вряд ли имели магическое значение. В. А. Городцов объясняет их малое количество в могилах нераспространенностью обычной полагать металлические вещи с покойниками; так как они были привозными и поэтому «необычны и предосудительны в погребальном инвентаре»²⁸. В. А. Городцов писал свою работу, когда действительно было найдено мало металлических вещей. Теперь они обнаружены в достаточном количестве. Металлические украшения были обычными у фатьяновцев.

В Вауловском могильнике найдены и несколько орудий из кости. В погребении № 5 обломок костяного шпильца и костяная проколка (табл. XI, рис. 4), в погребении № 9 — костяное шило, обломок костяной иглы и костяной кинжал довольно больших размеров (табл. XI, рис. 1—2); за исключением последнего предмета, все остальные широко распространены в фатьяновской культуре, но не типичны для нее, так как встречаются и в неолите. Что касается большого костяного предмета из погребения № 9, то такой обнаружен впервые. Назначение его определить трудно; условно называем его кинжалом. Сделан он из целой кости крупного животного, по определению Н. А. Сугробова, медведя. Верхняя часть (рукоятка) оставлена не отделанной, а рабочая часть заострена.

Предметами ритуала также являются трут, опгиво, уголь, зола и краска.

Небольшой и целый большой куски трута найдены в погребениях №№ 5 и 6. Сделаны они из древесного гриба. Опгива обнаружены во многих погребениях; они были нужны покойникам в их загробной жизни так же, как и другие предметы.

Уголь, а иногда зола, кусочки красной краски и кремневые осколки также являются частью обряда. Угли обнаружены в могилах почти во всех погребениях, не исключая и захоронения козленка. Угли и зола, повидимому, обозначали огонь. Под одним из сосудов погребения № 5 найдены прилепленные к его дну пять мелких острых кремневых осколков. Они также служили символом огня. В Чуркинском могильнике в погребении № 3 был найден сосуд, окруженный 13 тонкими кремневыми осколками, что подтверждает наш вывод.

На основании характера всего погребального инвентаря можно судить о развитых формах магии, веры в загробную жизнь и ее близость к земной.

Выше описаны медвежьи клыки, находимые в фатьяновских могильниках; присутствие на некоторых из них бронзовых колечек и орнамента дает яркое доказательство того, что фатьяновцы уделяли им больше внимания, чем зубам других животных: на это же указывает находка в Вауловском могильнике изображения медвежьего клыка. Этот предмет найден на кисти руки мужского скелета могилы № 9. Интересно, что рядом на кисти руки женского скелета обнаружен кабаньих клык. Очень возможно, что он был положен как замена медвежьего клыка, или же и кабаньи клыки имели такое же значение. Невольно встает вопрос, почему оба клыка лежали у кистей рук покойников, и почему человеку понадобилось делать такую точную копию медвежьего клыка и орнаментировать ее? Повидимому, фатьяновцы боялись этих хищников, разоряющих их хозяйство и часто прозякавших их жизни и поэтому носили амулеты, предохраняющие от опасности. Копия медвежьего клыка из кости говорит нам о существовании особого медвежьего культа в

²⁸ В. А. Городцов «Культуры бронзовой эпохи Средней России», стр. 159.

это уже развитой стадии, так как здесь подлинник заменен копией, а это уже не начальная стадия магических обрядов. Ярким подтверждением этого, кроме клыков, являются находки костей медведя в Вауловском могильнике и в Холмовогорском.

Изображения медвежьего клыка довольно часто встречаются в северных приуральских стоянках. Например, на стоянке у оз. Грязного найдена кремневая подделка в виде медвежьего клыка, на одной из сторон которой есть три штриховых нарезки. На других подобных же подделках имеются выемки для привязки этих вещей. Следует отметить, что на стоянке у оз. Грязного найдены глиняные круглодонные сосуды, которые своей формой и орнаментикой сильно напоминают фатьяновские сосуды²⁹. В уральских поздних стоянках и могильниках довольно хорошо проследивается медвежий культ, повидимому, он имелся и у фатьяновцев. Огромное разнообразие обрядов, сопровождающих культ медведя, затрудняет нас при имеющихся данных более широко осветить обряды и магические действия, употреблявшиеся фатьяновцами при почитании и захоронении медведя. Здесь может быть разная трактовка медвежьего культа. Во-первых, медведя можно рассматривать как тотемное животное — покровителя рода; во-вторых, как промысловое животное, разбожество которого выгодно, и наконец — боязнь медведя, как «грозы скота» могли заставлять фатьяновцев почитать и умилять этого «царя» северных лесов. При разных формах хозяйственного уклада будет разным и медвежий культ. Повидимому, мы имеем здесь позднюю его стадию, связанную со скотоводством и земледелием. Интересно, что следы медвежьего культа наблюдаются в Волго-Ойском междуречье и в более позднее время, и почти до наших дней (находки в славянских курганах глиняных изображений медвежьих лап, костей и когтей^{30, 31, 32}, употребление медвежьих лап в качестве «скотного бога», воздвигение медведя по дворам³³, указание летописи о возникновении Ярославля³⁴, и т. д.). Поэтому вполне естественно предположить преемственность культур на указанной территории, тем более что медвежий культ южнее границ распространения фатьяновской культуры не проследивается.

Еще более сложным вопросом фатьяновских религиозных верований является так называемый культ козленка или барашка.

Подобное захоронение еще не встречалось ни в одном фатьяновском могильнике. Кости козленка обнаружены в Говядиновском могильнике (В. П. Смирнов), в Сущевском (Д. А. Крайнов) и в Фатьяновском (И. С. Поляков), но там они не были специальными захоронениями, а сопутствовали захоронению людей, т. е. находились или в самом погребении вместе с покойным, или над погребением. Вауловское захоронение, безусловно, ритуальное, на это указывает и величина могильной ямы, не отвечающая размерам животного, и брошенный в могильную яму крупный утроб.

Здесь, повидимому, имеется культ его как культ предка. Чем объяснить, что для этого животного была выкопана такая же могила, как и для людей

²⁹ Хранятся в коллекциях Гос. Эрмитажа.

³⁰ Д. И. Анучин «Культуры костромских курганов и особенно о найденных в них украшениях и религиозных символах» (МАНР III, М., 1899 г., стр. 243, 247).

³¹ А. С. Уваров «Меряне и их быт», М., 1872 г., стр. 700—701; 820—823.

³² Н. И. Булычев «Журнал раскопок по части водораздела верхних протоков Волги и Днепра» М., 1899 г., стр. 9—11, табл. V, рис. 6.

³³ Зернова «Материалы по с.-х. магии в Дмитровском у.», «Советская этнография». № 3, 1932 г., стр. 40—41, 49.

³⁴ Выводы Н. Н. Воронина о пережитках медвежьего культа у древнего населения г. Ярославля подтверждают наличие медвежьего культа в местности, ранее занимаемой фатьяновцами. Работа еще не напечатана. Автор любезно позначил нас со своими выводами.

(глубина 1 м 40 см) и сделан сруб? Угли, найденные в этой могиле, также говорят о совершении какого-то обряда. Кроме того, земля над могилой и рядом с ней была очень твердой, и ее приходилось вынимать при помощи лома, тогда как над людскими погребениями этого не было. Поэтому, возможно, что над погребением козленка часто совершались какие-то групповые магические обряды, относящиеся к культу этого животного. Повидимому, здесь существовал своеобразный обряд в целях размножения козленка или почитания его как предка. В последнем случае по-новому будет представляться и хозяйственно-социальное устройство фатьяновцев; до сих пор большинство исследователей считает, что фатьяновское общество было охотничье-рыбоводческим. Мысль о возможности существования у них земледелия и скотоводства высказал впервые В. А. Городцов³⁵, но он не мог еще обосновать ее. В 1933 г. я уже придерживался такой точки зрения³⁶, основанию которой послужили находки костей домашней свиньи в Сусевском могильнике³⁷. За последнее время этот вопрос стал усиленно проясняться в печати. Устанавливая наличие скотоводства у фатьяновцев, О. Н. Бадер³⁸ считает его уже сильно развитым. Он приводит данные о находках костей коровы, овцы, свиньи и даже лошади. Доводы О. Н. Бадера относительно находок костей крупного рогатого скота и лошади, а также математические вычисления с процентным отношением найденных костей, не совсем убедительны. Во-первых, кости лошади и коровы найдены не в могилах, а на целой площади могильника, где могут встречаться всякие поздние находки. Процентное же соотношение скорее говорит не за, а против скотоводства. Нельзя домашнюю собаку включать в таблицу соотношений со свиньей, овцой и т. д., а она-то в таблице О. Н. Бадера и дает преобладание домашних животных. Факты, приводимые О. Н. Бадером, можно принять только в отношении овцы и свиньи. Исследование Вауловского могильника и его окрестностей дает все-таки данные в пользу существования у фатьяновцев скотоводства. Поражает то обстоятельство, что в этом могильнике, как и во всех других, дикие животные представлены только хищниками. Зубы со сверлилами от ожерелий из погребений № 3 и 4 принадлежат, главным образом, кабалу, медведю, лисце, рысу, волку и домашней собаке. Эти данные, а во всех могильниках они такие же, не могут говорить об охоте как основе хозяйства. Охота на хищников, приносящих вред хозяйству и самому человеку, продолжалась (и сейчас продолжается) для добычи шкур и отчасти из-за мяса (медведь, кабан). Хищников очевидно боялись, гордились победами над ними и носили их зубы. В могилах должны бы находиться остатки таких животных, как лось, олень, а их нет. Чем объяснить отсутствие в погребальном ритуале такого промыслового зверя, как лось? Этот факт обратил внимание и других исследователей. Лось безусловно существовал во время бытования фатьяновцев, и наверное на него охотились. Здесь может быть то объяснение, что охота для фатьяновцев уже потеряла основное хозяйственное значение и стала побочным промыслом. Отсутствие в могильниках костей бобра, белки, речной выдры, куницы и т. д. — также подтверждает наш взгляд. О появлении и значении новой хозяйственной основы у «фатьяновцев» говорят многие факты. Прежде всего достоверные находки захоронений домаш-

³⁵ В. А. Городцов «Культуры бронзовой эпохи Средней России», стр. 17.

³⁶ Доклад о фатьяновской культуре, читанный на заседании МОГАИМК в 1933 г.

³⁷ Кости свиньи найдены у ног погребения № 1 в Сусевском могильнике. Раскопки Д. А. Крайнова, 1929 г. Коллекции хранятся в ГИМ.

³⁸ О. Н. Бадер «К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла», «Вестник древней истории», вып. 3, 1939 г., стр. 112—113.

лей овцы (козленка), шпиль и проколки из костей домашней овцы (Вауловский могильник, пп. № 5 и 0, Фатьяновский могильник и др.), находки черепов рогатых животных в Вауловском и Мансуровском могильниках (по рассказам очевидцев), кости домашней свиньи (Суцевский, Ивановогорский и др.). За изменение хозяйства говорит и весь фатьяновский инвентарь, отличный от инвентаря охотников-рыболовов (палочки больших и малых сосудов и т. д.). К концу неолита охота и рыболовство уступают свое первенствующее значение скотоводству и земледелию. О земледелии на основе не только Вауловских, но и других могильников говорить трудно. Достоверных данных нет, и мы можем строить только предположения. Молот-мотыка (?) (В. м., погр. № 8) вряд ли служил сельскохозяйственным орудием, зернотерка из Говядиновского могильника³⁹, найденная не в погребении, не может относиться к фатьяновской культуре. Доказательства О. Н. Бадера, основанные на не обнаруженных и предположенных им фатьяновских поселениях на водоразделах, также не убеждают нас. Поэтому мы можем только предположить существование земледелия (по времени оно возможно) у фатьяновцев, но не в форме развитого «подсечного», как считает О. Н. Бадер.

На новые формы хозяйства указывают и те сдвиги, которые произошли в социальной и духовной жизни фатьяновцев. Появление погребений на высоких холмах не случайно, а повидимому, всецело совпадает с изменениями в хозяйстве. Почти повсеместно к концу неолита и к началу бронзовой эпохи появляются отдельные кладбища людей. Погребения на стоянках или рядом с ними во время раннего неолита теперь заменяются отдельными «жилищами мертвых». Они переносятся на высокие уединенные места. Умерший, повидимому, только в это время «окончательно отрывается» от живущих; возможно, создаются своеобразные представления о загробной жизни и «царстве мертвых», появляются культы предков; усложняются взаимоотношения между людьми и т. д. Религиозные обряды и магические действия из коллективного переходят в индивидуальное ведение. Последнее подтверждается символизацией орнаментики, сложностью погребального обряда и пр. Очень возможно, что погребение № 9 Вауловского могильника является захоронением «шамана». За это положение говорят многие факты: 1) удаленность погребения от других и расположение на краю могильника рядом с ритуальным погребением барашка (козленка); 2) ориентировка в обратную сторону, отличная от других; 3) палочка в сосуде большого княжала из кости медведя, который мог служить жертвенным княжалом из «священной» кости медведя; 4) присутствие на руке амулета, костяной подделки под медвежий клык, тщательность в устройстве могины, шарность захоронения и пр. Материалы Вауловского могильника позволяют сделать некоторые выводы и о социальных сдвигах. Не все вауловские погребения имеют одинаковое количество и качество вещей. Есть более «богатые» могилы и сравнительно бедные. По этому признаку Вауловские могилы можно разбить на три группы: 1) №№ 5, 7, 9; 2) №№ 3, 4, 5 и 3) №№ 2, 8, 11, 12. Первая группа отличается от остальных большими размерами ям и могильных сооружений, качеством посуды и ее орнаментикой; наличием высокообушанных топоров (№№ 5 и 7); большим количеством утля, коллективностью захоронений (5 и 9) и пр. Вторая группа беднее; она также имеет металлические вещи (возможно это женские погребения), но в виде украшений и предметов хозяйственного назначения. Третья — еще беднее: меньше сосудов, а в погребении № 8 даже неполный сосуд и бедность вещами. В погребениях №№ 5 и 7, повидимому, захоронены военные вожди; об этом сви-

³⁹ В. И. Смирнов. Раскопки Говядиновского могильника близ г. Костромы. Коллекция Костромского музея.

детельствуют выстообушные боевые топоры, которые можно рассматривать как символ власти. В погребении № 9, возможно, захоронены «шаман» и его жена. Указанные факты заставляют нас предполагать, что к концу неолита материнский род охотников-рыболовов смешивается начальными формами патриархата и во время Вауловского могильника мы имеем уже развитой отцовский род; за последнее говорят парные захоронения, с вождями кладут жену, которую, возможно, убивают. Подобные парные захоронения встречены и в других могильниках (Сущевский, Балановский и пр.). Разнообразие в инвентаре погребений может указывать на начавшееся деление отцовского рода на большие семьи. Огромные неолитические коллективные сосуды — котлы уже не встречаются; они заменяются более мелкой посудой.

Погребальный обряд и инвентарь Вауловского могильника, а также материалы, собранные нами при обследовании Холмовогорского и Сущевского могильников, позволяют сделать некоторые выводы по общим вопросам фатьяновской культуры. Прошло более 50 лет со дня открытия первого могильника, но проблема культуры до сих пор не разрешена. Многие исследователи, как например А. А. Спицын⁴⁰, Н. П. Третьяков⁴¹, А. В. Арциховский⁴² и др., считали и считают фатьяновскую культуру «таинственной», «неодушевленным комплексом вещей», «загадкой наиболее трудной из всех археологических загадок» и т. д. Это положение вызвано тем, что вещевой материал, особенно фатьяновская керамика, резко отличается от типичных неолитических форм, и неизученностью фатьяновских стоянок. Такая неясность вызвала разноречивые теории и гипотезы о происхождении и месте этой культуры. В основном все теории сводятся к двум точкам зрения: 1) носителями фатьяновской культуры являются новые поселенцы, пришедшие в Волго-Окское междуречье из других мест; 2) развитие культур с гребенчато-ямочной керамикой (неолита) привело к новой стадии, так называемой фатьяновской, т. е. фатьяновцы не переселенцы, а аборигены.

Оба эти вопроса становления фатьяновской культуры занимают одинаковое место в литературе, и до сих пор сторонники как того, так и другого не пришли к одному решению. А. А. Спицын⁴³, В. А. Городцов⁴⁴ включили на основании сходства некоторых форм фатьяновских топоров и особенно посуды, что «фатьяновцы» являются переселенцами с Северного Кавказа, или юга. Другие археологи, основываясь также на «чужеродности» фатьяновской культуры, вели ее к запада или юга-запада. Основоположником этой теории был германский ученый Коссина⁴⁵. Являясь представителем буржуазной расовой теории, он считал, что фатьяновская культура не могла произойти от культуры грубой неолитической керамики стоянок «Средней России», а появилась от восточно-германской культуры с круглыми (бомбовидными) горшками и сверленными топорами из твердого камня. Из Восточной Германии она прошла в Привислинский край, затем в Приднепровье и оттуда в средне-русскую равнину с ее первобытным населением. Основной ошибкой этих теорий является то, что исследователи брали не культуру фатьяновскую в целом, не весь комплекс вещей, а отдельные предметы или, как Коссина, подходили с точки зрения ведущей роли «высших рас». В результате формального сравнения одни видели сходство на западе, а другие на юге. Частичное сходство фатьяновских сосудов с кубанскими или днепровскими и привислинскими является только схожестью, но не тожде-

⁴⁰ А. А. Спицын «Археологические заметки». Труды Секции Археологии РАН ИОН. вып. IV, М., 1928, стр. 486.

⁴¹ Н. П. Третьяков «Из материалов средневожжской экспедиции ГАИМК». Известия ГАИМК № 3, 1931 т., стр. 13—16.

⁴² А. В. Арциховский «Введение в археологию», изд-во МГУ, 1939 г., стр. 53.

⁴³ А. А. Спицын «Медный век в Верхнем Поволжье», ЗОРАО, т. V в. I, 1903 г., стр. 93.

⁴⁴ В. А. Городцов «Бронзовый век», Большая Советская Энциклопедия, т. VII, 1929 г., стр. 617.

⁴⁵ G. Kossina «Die Indogermanen», стр. 58—71, Leipzig, 1921 г.

ством. Елочный орнамент и бомбовидная форма майкопского и великосельского сосудов имеют сходство, но это не дает права говорить не только о переселении, но даже о заимствовании. Подобный же елочный орнамент имеется в Крыму (Замиль-коба № 2, Таш-Аир № 1⁴⁶, бухта Ласпи и др.⁴⁷), в культурах развитой бронзы, в Привислинском крае, в восточной Германии и др. местах. Бомбовидная посуда встречается почти во всем мире. Что касается фатьяновских сверленных топоров, то часть их имеет аналогии на юге, юго-западе, западе и северо-западе, но есть топоры, встречающиеся только в фатьяновской культуре. Здесь еще можно говорить о заимствовании формы, так как обмен в это время существовал между племенами юга и центра Европейской части СССР. Но, например, нельзя допустить, что «кавказцы» с их развитым скотоводческим хозяйством, бросив привычную обстановку юга, переселились на север и стали «регрессировать»⁴⁸. Если придерживаться последовательно теорий переселения, то мы должны были бы утверждать, что, например, носители дьяковской культуры пришли с Дальнего Востока или, наоборот, ушли на Дальний Восток, так как сетчатая керамика и веревочная встречаются почти на всем протяжении от Атлантического до Тихого океанов. Сходство вещей, социально-экономического уклада и т. п., зависит не только от взаимосвязей человеческих обществ, но вытекают из общности исторического процесса, развивающегося по одним и тем же законам. В культурах Восточной Европы эпохи бронзы есть много сходства, но есть и различия, зависящие от специфических условий развития каждой культуры. Если принять точку зрения прихода фатьяновских племен на территорию Волго-Окского междуречья, пусть с юга или запада, то невольно встает вопрос, а куда же девалось население так называемых неолитических стоянок (культуры «гребенчато-ямочной керамики»)? Поневолье защитникам этих теорий приходится либо встать на точку зрения «насилия» или признать сосуществование фатьяновцев и племен культуры ямочно-гребенчатой керамики одновременно на одной и той же территории. Некоторые исследователи пришли к выводу, что фатьяновцы были военными дружинами, покорившими местное «неолитическое» население. Эта точка зрения в СССР отвергнута, но продолжает существовать на Западе. У нас же она, видоизменившись, выкристаллизовалась в теорию сосуществования в лесных областях Европейской части СССР фатьяновцев с этнически-отсталыми группами, продолжавшими жить традициями неолита. За последнее время появилось несколько работ, развивающих данное положение; особенно этого придерживаются О. Н. Бадер⁴⁹, А. В. Арциховский⁵⁰, О. А. Гракова⁵¹ и ряд других археологов. Первый в своей новой работе считает, что племена Верхнего Поволжья, обитавшие на стоянках позднего неолитического типа, занимали озерные и речные низины, тогда как земледельческо-скотоводческие племена — фатьяновцы — населяли преимущественно смежные районы водоразделов, дотоле свободные, впервые подвергшиеся прочному хозяйственному освоению. Доказательства, приводимые автором этого положения, малоубедительны. Во-первых, расположение могильников и отдельных находок фатьяновцев всецело совпадают с расположением многих неолитических стоянок, а не являются «смежными». «Фатьяновцы», как и неолитическое население занимают не только «лесные трупщобы», водоразделы и маленькие речки, как это предполагает О. Н. Бадер⁵², но берега и поймы больших рек. Могильники и случайные находки фатьяновской культуры встречены во многих местах на одной и той же территории:

⁴⁶ Д. А. Крайнов. Раскопки 1935—1936 гг. в Крыму. Коллекции ГИМ.

⁴⁷ О. Н. Бадер. Раскопки на побережье Черного моря в Крыму. Коллекция Гос. антропологич. музея.

⁴⁸ В. А. Городцов «Бронзовый век на территории СССР», БСЭ, т. VII, стр. 617.

⁴⁹ О. Н. Бадер «К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла», стр. 115.

⁵⁰ А. В. Арциховский «Введение в археологию», стр. 52.

⁵¹ О. А. Гракова «Горкинский могильник», стр. 67.

⁵² О. Н. Бадер «К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла», стр. 115.

Куракин Бор⁵³, у д. Дядьковичи⁵⁴, у г. Александрова⁵⁵, на Ворксинских холмах⁵⁶, у д. Волосовой⁵⁷, на Печежде⁵⁸, в Тутзаге⁵⁹ и т. д. Спрашивается. возможно ли допустить существование скотоводов-фатьяновцев и рыболовов-охотников времени неолита на одном и том же месте, в одно и то же время? Несомненно, что фатьяновцы как более высокая культура или вытеснили бы неолитические племена, или повлияли бы на их культуру, а этого нет. Кроме того, фатьяновцы представляли собой уже оседлое население, и поэтому присутствие на дюнных стоянках фатьяновских вещей с неолитическими можно объяснить только тем, что они существовали позднее.

Таким образом, указанная концепция О. Н. Бадера приводит к той же теории переселения «чужеродных» фатьяновцев в Волго-Окское междуречье. С нашей точки зрения фатьяновская культура является прямым следствием развития так называемых неолитических культур, т. е. фатьяновцы — не переселенцы, а местное коренное население. Данная точка зрения не является новостью; она уже выдвигалась некоторыми исследователями, но почему-то все время затухивалась. Ю. В. Готье⁶⁰, Б. С. Жуков⁶¹ и др. писали об этом, но только в качестве предположения, доказательствами не подтвержденного. О. Н. Бадер подробнее развивает эту точку зрения, но заходит в тупик. С одной стороны, он пишет, что фатьяновская культура и целый ряд близких ей «возникают на месте, на поздне-неолитической основе и являются следствием коренных сдвигов, происшедших в первобытном обществе эпохи позднего неолита»⁶², и с другой стороны, в этой же работе фатьяновская культура, по его мнению, «имеет мало общего с более древними и одновременными им (могильникам) стоянкам неолитического типа и с позднейшими памятниками тех же областей»⁶³. Спрашивается тогда, откуда же взялись фатьяновцы, если в местных культурах нет ни их предков, ни потомков? Не найдя прямого ответа, О. Н. Бадер пишет, что «перед нами пример одного из тех скачков исторического процесса, знаменующих переход от одной стадии в другую»⁶⁴. Этот «скачок» О. Н. Бадер объясняет «капитальными сдвигами» в хозяйстве, т. е. появлением скотоводства и земледелия. Получается своеобразный «скачок» неизвестно откуда и куда. Таким образом, еще никто не приводит точных доказательств местного происхождения фатьяновцев.

В 3-м тысячелетии вся территория Восточной Европы от Пруссии до Урала была занята культурами «гребенчато-ямочной керамики», и мы видим, как в начале 2-го тысячелетия в этих же местах появляются почти одновременно новые культуры с бомбовидными сосудами и сверленными топорами-молотами. Возникновение их есть дальнейший этап в развитии местного «неолитического» населения, связанный с появлением новых форм хозяйства. К настоящему времени накопилось достаточно фактов для доказательства данного взгляда. В фатьяновской культуре шаряду с великолепно сделанными орудиями из камня и металла мы встречаем примитивные кремневые и костяные орудия. Поэтому когда был открыт первый могильник, то исследователи⁶⁵ отнесли его к концу каменного периода, тем самым они

⁵³ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин «Разведки в районе Брянска». Труды Секции Археологии РАН ИОН, вып. IV, стр. 374—390, 1929 г.

⁵⁴ А. А. Спицын «Новые сведения о медном веке в средней и северной России», стр. 75.

⁵⁵ Д. А. Крайнов. Раскопки неолитической Кандалихинской стоянки у г. Александрова, Коллекции ГИМ.

⁵⁶ Коллекции Ярославского областного музея.

⁵⁷ Коллекции Гос. Исторического Музея.

⁵⁸ Коллекции музея при школе в Чебакове, Ярославской области.

⁵⁹ Коллекции Тутаевского музея.

⁶⁰ Ю. В. Готье «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», М., 1925 г., гл. «Бронзовый век в Средней России», стр. 110—113.

⁶¹ Б. С. Жуков «Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики». СЭ, 1929 г., № 1.

⁶² О. Н. Бадер «К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла», стр. 115.

⁶³ Там же, стр. 115.

⁶⁴ Там же, стр. 115.

⁶⁵ А. С. Уваров и И. С. Поляков.

признали преемственность культур; наличие примитивных орудий и выводит фатьяновскую культуру из местных. Такое типичное для фатьяновской культуры орудие, как кремневый клиновидный топор, непосредственно развилось из неолитических форм. В могильниках Московской группы (Ивановгорский, Протасовский и др.) найдены клиновидные топоры, явно неолитической формы с толстым обухом. В собственно Фатьяновском могильнике обнаружены каменные клиновидные топоры⁶⁶ типичной неолитической формы. Далее, пластинчатые кремневые «ножи», представляющие по существу различные орудия, также идут от неолитических пластинок. В поздних неолитических стоянках Волго-Окского междуречья все формы их встречаются. Неверно утверждение А. А. Спицына⁶⁷, что они подражают металлическим ножам. Скрепки неолитических форм также встречаются в фатьяновских могильниках. То же самое можно сказать и в отношении наколенников стрел, дротиков и кривых ножей. Костяное долото из Сущевского могильника и костяное долото из Панфиловской стоянки почти одинаковы. Костяное орудие Великосельского могильника по орнаментике сходно с некоторыми орудиями Ладужской стоянки⁶⁸ Молот-мотыга (?) из погребения № 8 Вауловского могильника имеет сходство с мотыжкой (?) из Балахнинской стоянки. Наконец, украшения из кости и зубов, шпиль и пр. также имеют аналоги в стоянках Волосовской, Легалина бора и др.

При разрешении поставленного нами вопроса затруднительными кажутся два момента: 1) лучшие экземпляры фатьяновских сверленных топоров не встречаются в стоянках неолита и 2) своеобразие фатьяновской керамики. Развитие форм сверленного топора показывает, что его изготовление началось в неолите. Сверленные клиновидные топоры-молоты встречаются и в фатьяновских могильниках и в неолитических стоянках (по Волге, Оке и др. местах). В Вауловском могильнике два топора и около Лихачевского⁶⁹ один обращают на себя внимание своей неолитической формой. Что касается лопастных, ромбических и других типов, то они могли развиваться уже в фатьяновское время, возможно, путем подражания металлическим. Вопрос о фатьяновской керамике обстоит сложнее. А. С. Уваров⁷⁰, В. А. Городцов⁷¹ отмечают в своих работах о связи фатьяновской посуды с неолитической. Появление к концу неолита тонкостенной керамики и новых форм устанавливается ими. Отсутствие ручек и наличие дырок в верхней части сосудов присущи как той, так и другой керамике. На первый взгляд форма и орнамента фатьяновской керамики резко отличаются от неолитической. Если подойти к разрешению этого вопроса с общей стороны, то можно заметить закономерность в переходе неолитической остродонной к крутлодонной и от последней к плоскодонной керамике. К концу неолитической эпохи сосуды все чаще и чаще становятся более крутлодонными. Появляется первое подобие шейки. В могильниках «Московской» группы (Сущевском, Протасовском, Верейском и др.) встречаются сосуды удлинненной формы с плохо еще выраженной шейкой. Кстати, эти могильники относятся к начальной стадии фатьяновской культуры. Кроме того, все элементы фатьяновской орнаментаки имеются в неолитической керамике; ромбики, мелкие зубчики, зигзаги, штрихи, нарезки и т. д. Для фатьяновской культуры чрезвычайно характерен ромбический орнамент, и в неолитических стоянках он очень распространен в виде глубоких ромбических вдавлений. По мере развития посуды орнаментаки теряет свое практическое назначение и становится более тонкой. Если в неолитическую эпоху орнаментировался весь сосуд, то в фатьяновское время — только верхняя его часть. Таким образом, и развитие керамического производства фатьяновцев уводит нас своими корнями в неолит.

Вопрос о фатьяновских поселениях, от которого зависит полное разрешение проблемы, до сих пор не выяснен. Отсутствие стоянок с большим культурным слоем у подобного же рода могильников западно-европейские ученые объясняют тем, что общества, оставившие их, были военными отрядами, переходившими с места на место и терроризировавшими местное население.

⁶⁶ Коллекции ГИМ.

⁶⁷ А. А. Спицын «Медный век в Верхнем Поволжье», стр. 78.

⁶⁸ В. А. Городцов «Культуры бронзовой эпохи Средней России», стр. 158.

⁶⁹ О. Н. Бадер «Лихачевский могильник», стр. 25, рис. 5.

⁷⁰ А. С. Уваров «Археология России», стр. 403—412.

⁷¹ В. А. Городцов «Панфиловская палеометаллическая стоянка», Труды Влад. Гос. Обл. Музея, 1926, стр. 13—18.

ние. П. Н. Третьяков пытался объяснить отсутствие стоянок у фатьяновцев существованием у них кочевого скотоводства. Обе эти точки зрения неверны. Кочевое скотоводство бессмысленно в условиях лесной полосы, и ему противоречат находки костей домашней свиньи, указывающие на оседлость. А. С. Уваров высказал мнение о наличии стоянки на Фатьяновском могильнике. Позднейшие раскопки могильника опровергают его доказательства. О. Н. Бадер считает, что «поселения эти (фатьяновские) могли носить характер не стоянок, а селищ без обязательного соседства с рекой или озером»⁷². Развивая эту точку зрения, он отводит фатьяновцам водоразделы а поздненеолитическим племенам — озерные и речные долины. Эти выводы не решают вопроса, а еще более запутывают его.

Нередко вещи фатьяновской культуры находят на так называемых дюнных неолитических стоянках. Таких мест к настоящему моменту насчитывается несколько десятков. Над этим вопросом никто серьезно не работал. Некоторые исследователи считали такие находки «случайными». Однако огромное количество повторяющихся фактов заставляет задуматься над ними. С этой стороны интерес представляют дюнные стоянки в окрестностях г. Брянска, Бежицы и Трубчевска. В Брянском краеведческом музее имеется большая коллекция со стоянки «Куракин Бор»⁷³, расположенной на дюне в пойме р. Десны. Здесь наряду с гребенчато-ямочной, сетчатой, шнуровой и славянской керамикой найдено много вещей, типичных для фатьяновской культуры. Из них наиболее интересны: круглодонный фатьяновский орнаментированный сосуд, напоминающий сосуды из могильников «московской» группы; чашечка — типа Горкинского могильника и много черепков от других круглодонных сосудов. Из кремневых орудий найдены наконечники дротиков такой же формы, как и наконечник из Варегова болота. Стоянка была осмотрена нами. Культурный слой ее 20—30 см. В г. Бежице и вокруг него имеется много таких же стоянок⁷⁴, где встречены фатьяновские вещи, это: 1) стоянка у «Стрельбища», где найдены наконечники дротиков типа Варегова болота и др. кремневые орудия; 2) Жмуровская стоянка — найдено: обломки посуды с зубчатым и елочным орнаментом; кривые ножи типа Истринского могильника и гребенчато-ямочная керамика; 3) стоянка у Ильюхина озера — найдено: фатьяновидная керамика, кремневый полированный топор, кремневые осколки и т. д.

По рекам Навле и Ревне также много таких стоянок, как например: 1) Дунская стоянка — найдены кремневые полированные клиновидные топоры фатьяновского типа, ножи пластинчатые, наконечники стрел и т. д.; 2) стоянка у с. Глинское — найдено: лопастной фатьяновский сверленный топор; обломки круглодонных сосудов; ножи пластинчатые, точильный брусок; 3) Дядьковичи — вместе с неолитическими вещами найдены фатьяновские и т. д. Можно перечислить еще десять мест в этом районе, где наряду с фатьяновскими вещами встречаются гребенчато-ямочная и более поздняя керамика и вещи. Вокруг этих стоянок имеются и могильники, например, Брасовский и Бежицкий — в г. Бежице; в последнем на 1 м глубины вместе с костями человека найдено: сверленный каменный топор, кремневый клин, обломки посуды и кремневые ножи. Есть и другие находки.

По рекам Оке и Волге также известны находки фатьяновских вещей на дюнных стоянках: у с. Борок, Волосовой, М. Окулово и особенно интересны находки на дюнах около Воронского могильника Ярославской области. Здесь наряду с керамикой подборнинского типа найдены фатьяновидная посуда и кремневые орудия (клин, стрелки и пр.). Некоторые черепки своим орнаментом напоминают великосельские. Стоянки у с. Левшина и у оз. Грязного дают находки фатьяновидной керамики и вещей. Перечисленные факты заставляют нас по-новому взглянуть на вопрос о стоянках. Здесь возможна двоякого рода трактовка, а именно: 1) фатьяновские находки на дюнах сочетаются с керамикой поздне-неолитической и представляют единое целое; 2) фатьяновские вещи ничего общего не имеют с неолитическими и оставлены здесь фатьяновцами при временных посещениях дюн, так же как и неолитическими и славянскими племенами. Если принять первое положение, то возможно, мы уже знаем стоянки фатьяновской культуры, но еще не смогли разобраться в том огромном материале, который объединяется под именем «неолит». Пожалуй, второе решение будет более верным, но нельзя

⁷² О. Н. Бадер «Лихачевский могильник», стр. 36.

⁷³ Коллекция Брянского краеведческого музея.

⁷⁴ Коллекция хранится в Брянском краеведческом музее.

думать, что фатьяновцы вели бродячий образ жизни и имели только временные стоянки на дюнах, так же как и неолитические их предки. Эти временные остановки, повидимому, обуславливались временными сезонными «промыслами» (весенняя рыбная ловля, охота, остановки пастухов и т. д.). Безусловно, они имели постоянные места обитания, еще не исследованные нами. Славяне имели постоянные поселения, но их вещи также находят на тех же дюнах, так что временные стоянки фатьяновцев не противоречат существованию постоянных. За оседлость фатьяновцев говорят многие факты. В последнее время участились открытия фатьяновских могильников и «случайных» находок в области распространения этой культуры. Например, рядом с Вауловским могильником имеются и еще два могильника, что позволяет говорить об известной плотности фатьяновского населения и об оседлости. Могильники с таким сравнительно большим количеством захоронений, как Вауловский, Балановский, Горкинский, Кузьминский и др., подтверждают наш взгляд о сравнительно долгом пребывании фатьяновцев на одном месте. Находки костей свиньи также говорят об этом. Таким образом, фатьяновцы, наверное, имели постоянные места обитания. Наблюдения над Вауловским, Холмогорским, Мансуровским, Суцьевским, Верейским и большинством других могильников показывают, что они расположены вблизи болот, бывших ранее озерами или заболоченных мест. Очень возможно, что и постоянные поселения фатьяновцев располагались на берегах этих озер, на островах или возвышенных местах, теперь заболоченных. Исследователи ищут эти стоянки на высоких местах, плоскогорьях, а на низкие места не обращают внимания, а они после времени бытования фатьяновской культуры могли быть заболочены и лежат под торфом. Возможны и свайные постройки. Срубы в Вауловских погребениях свидетельствуют о том, что фатьяновцы умели обрабатывать дерево. О свайных постройках мы также можем говорить не без некоторых оснований. Обследование Варегова болота дало некоторые доказательства жизни на озере и именно в фатьяновское время (лодки-долбенки, виденные рабочими, помост и свай и наконец дрозтика. Наконецники типа Варегова болота часто встречаются на дюнных стоянках вместе с фатьяновскими вещами, и, повидимому, они принадлежат к фатьяновской культуре). Такие местонахождения имеются и еще в области распространения фатьяновской культуры. При добыче торфа в огромном болоте Московской области Ногинского района найдены остатки деревянных строений, кремневый клин (тесло), близкий к фатьяновским, сверленный каменный молот (кирка) и кремневые стрелки типа Ивановогорского могильника⁷⁵.

Выдвинутые нами положения о местном происхождении фатьяновцев, о новой форме хозяйства и о стоянках заставляют несколько иначе взглянуть и на распространение и на время бытования фатьяновской культуры. В связи с новыми находками могильников и случайно утерянных вещей границы распространения фатьяновской культуры необходимо расширить, но вместе с этим нельзя рассматривать фатьяновскую культуру как нечто однородное. Могильники оставлены разными племенами и родами, близкими друг к другу. Можно согласиться с О. А. Граковой⁷⁶ относительно разбивки фатьяновских могильников на группы: северную и московскую. Повидимому, восточную группу составляют могильники Балановский, Курмышский и Атли-Косы, а южную — Деснинскую — Брасовский и Бежидский. Лучше исследованы могильники северной и Московской группы, и каждая из них насчитывает сейчас десятки могильников. Безусловно, при более тщательном изучении, удастся разбить их еще на ряд групп. Что же касается датировки этих групп и вообще фатьяновской культуры, то здесь вопрос обстоит сложнее. Во всех перечисленных группах имеются одинаковые вещи, но есть и различия — и внутри каждой группы будут более древние и более поздние могильники. Повидимому, могильники Верейский, Истринский, Давыдкинский и др., расположенные около Москвы, можно отнести к наиболее древним по форме сосудов и другим признакам, но вряд ли они относятся к концу 3-го тысячелетия, как это предполагает О. А. Гракова⁷⁷. По некоторым признакам Вауловский могильник и северная группа могут быть отнесены к сравнительно позднему времени. Наличие развитого металла, остатки дерева, культ предков и т. д. позволяют отнести его к концу 2-го тысячелетия.

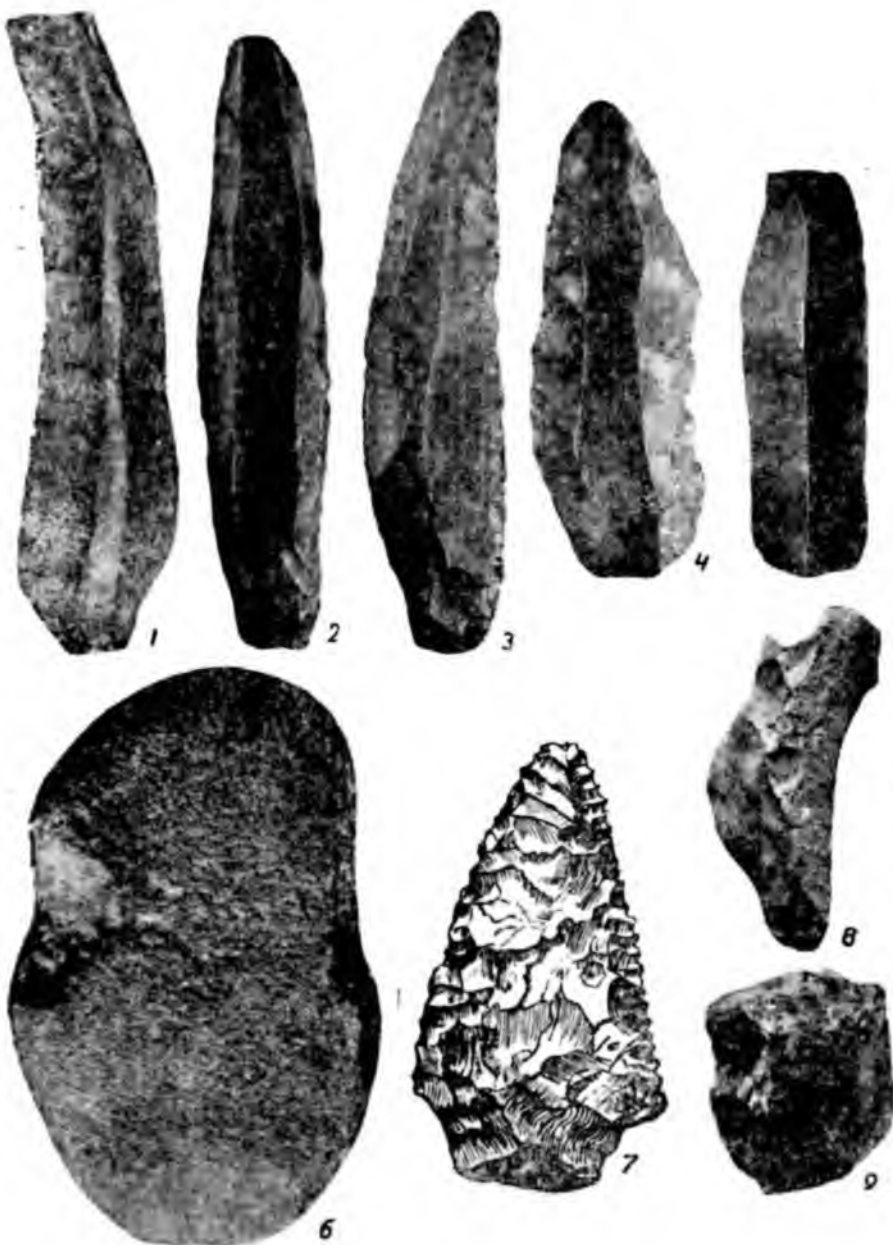
⁷⁵ Коллекция хранится в ГИМ.

⁷⁶ О. А. Гракова «Горкинский могильник», стр. 63.

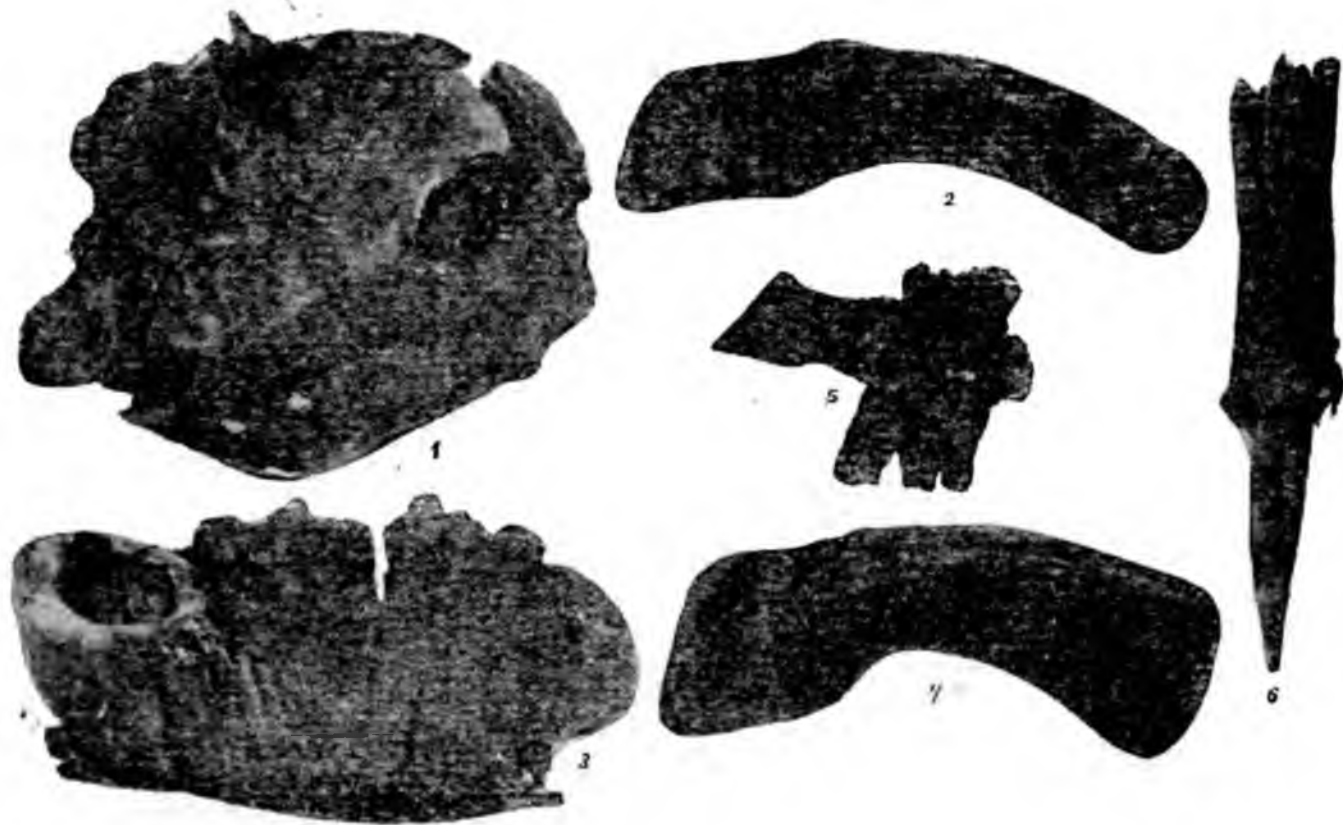
⁷⁷ Там же.

Сверленные каменные топоры из Вауловского могильника;
около $\frac{1}{2}$ н. в.

1—5 — Кремневые ножи. 6 — Молот. 8—9 — Огнива Вауловского могильника.
 7 — Кремневый наконечник дротика из Варегова болота.
 1, 6, 8, 9 — около $\frac{2}{3}$ н. в., 2—5 и 7 — н. в.

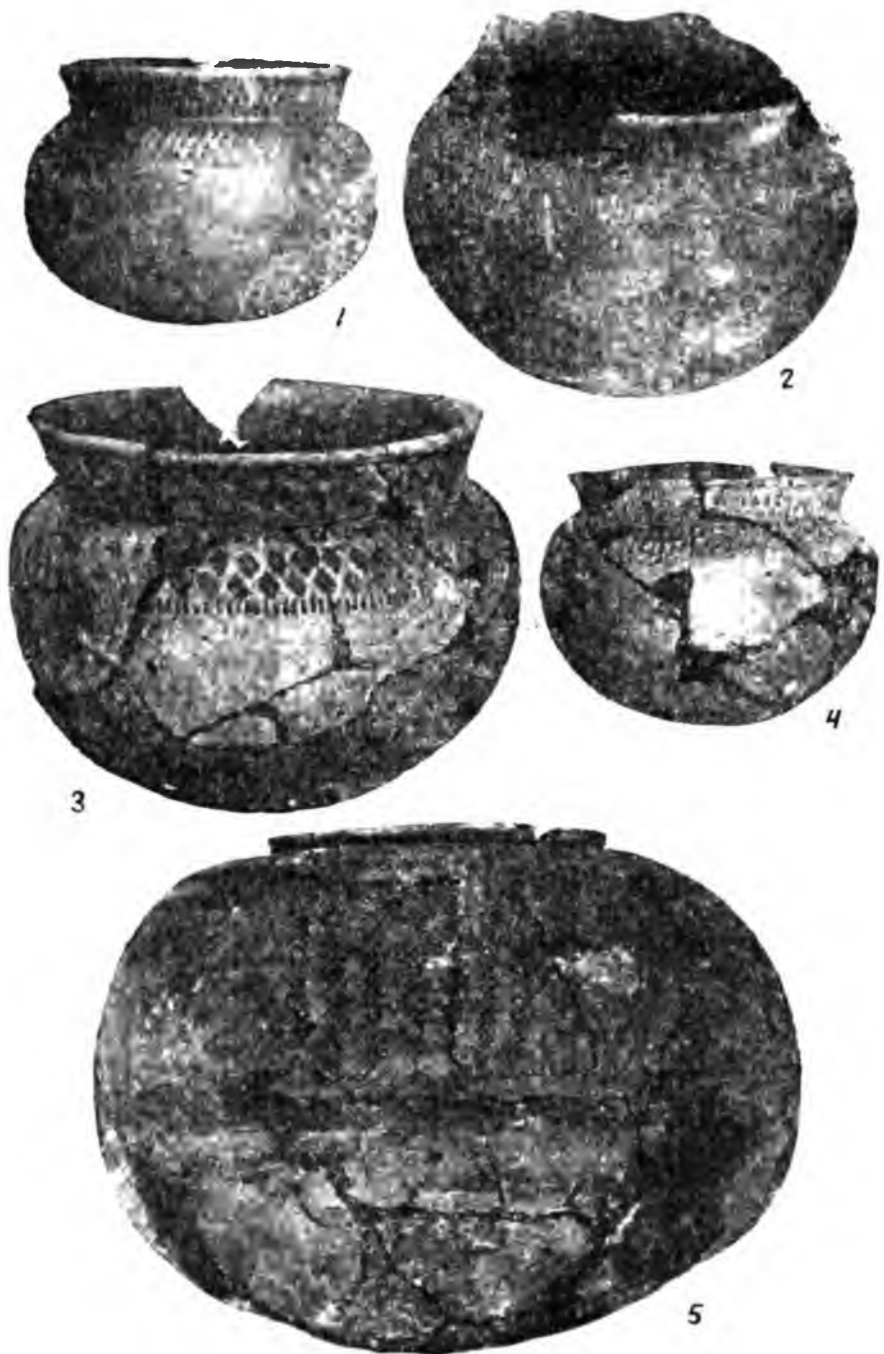
Бронзовые орудия с остатками дерева из Вауловского могильника.

1—2 — из погр. № 7. 3—5 — из погр. № 5. 6 — из погр. № 4. 1—5 — около $\frac{2}{3}$ н. в., 6 — около п. в.

Таблица VI

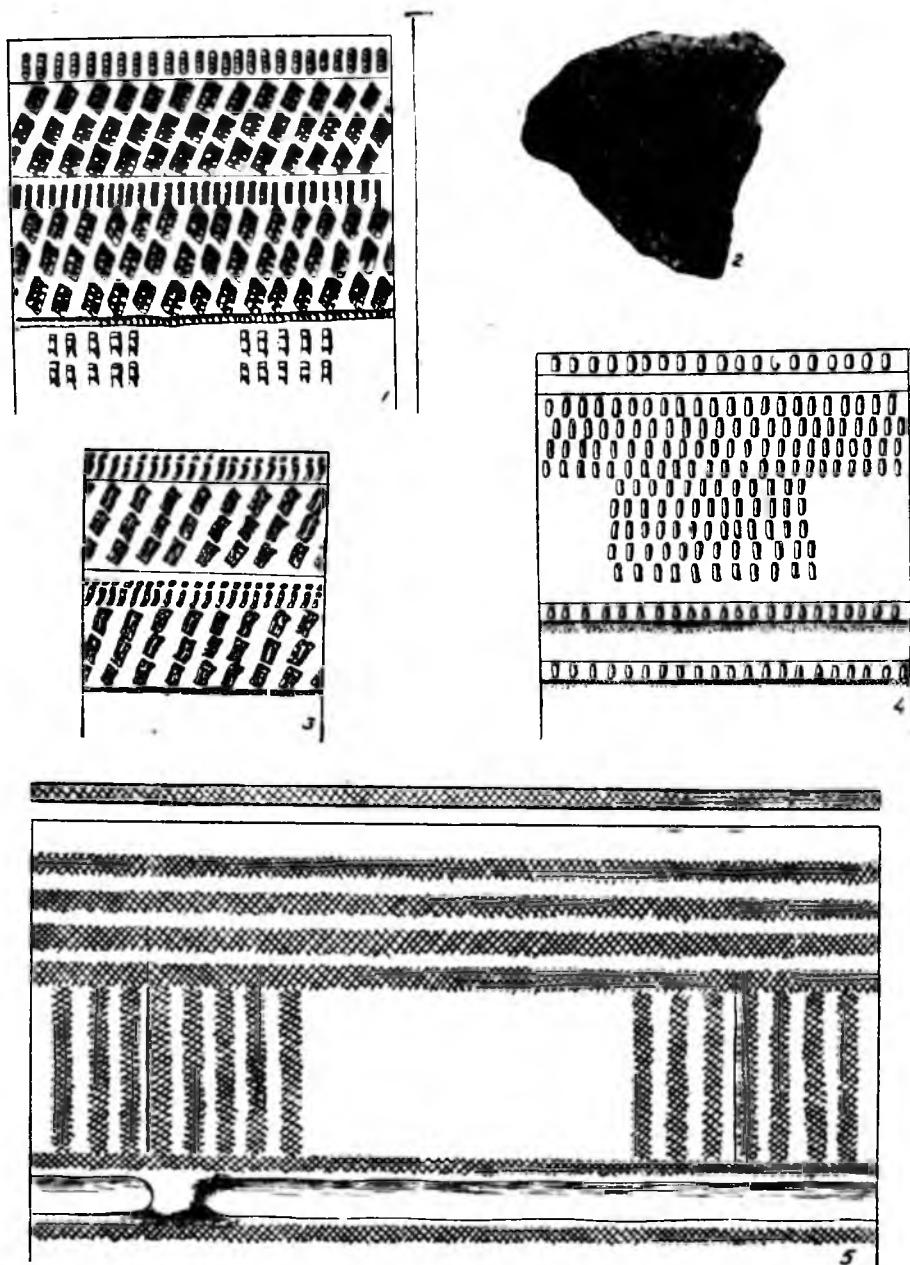

Глиняные сосуды Вауловского могильника;
около $\frac{1}{3}$ н. в.

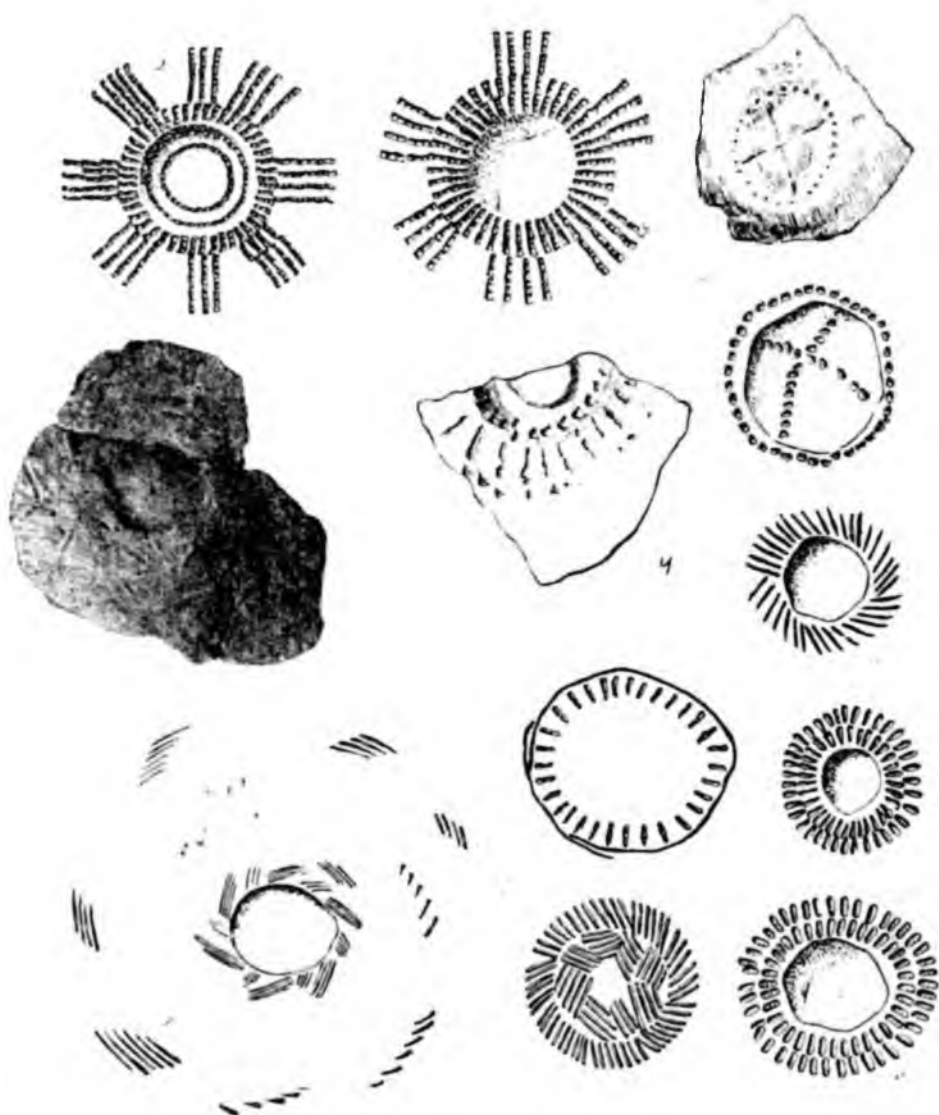

Глиняные сосуды Вауловского могильника; около $\frac{1}{2}$ н. э.

Таблица IX

Образцы орнамента на сосудах Вауловского могильника;
1—3 — $\frac{3}{4}$ н. в., 4 и 5 — $\frac{1}{2}$ н. в.

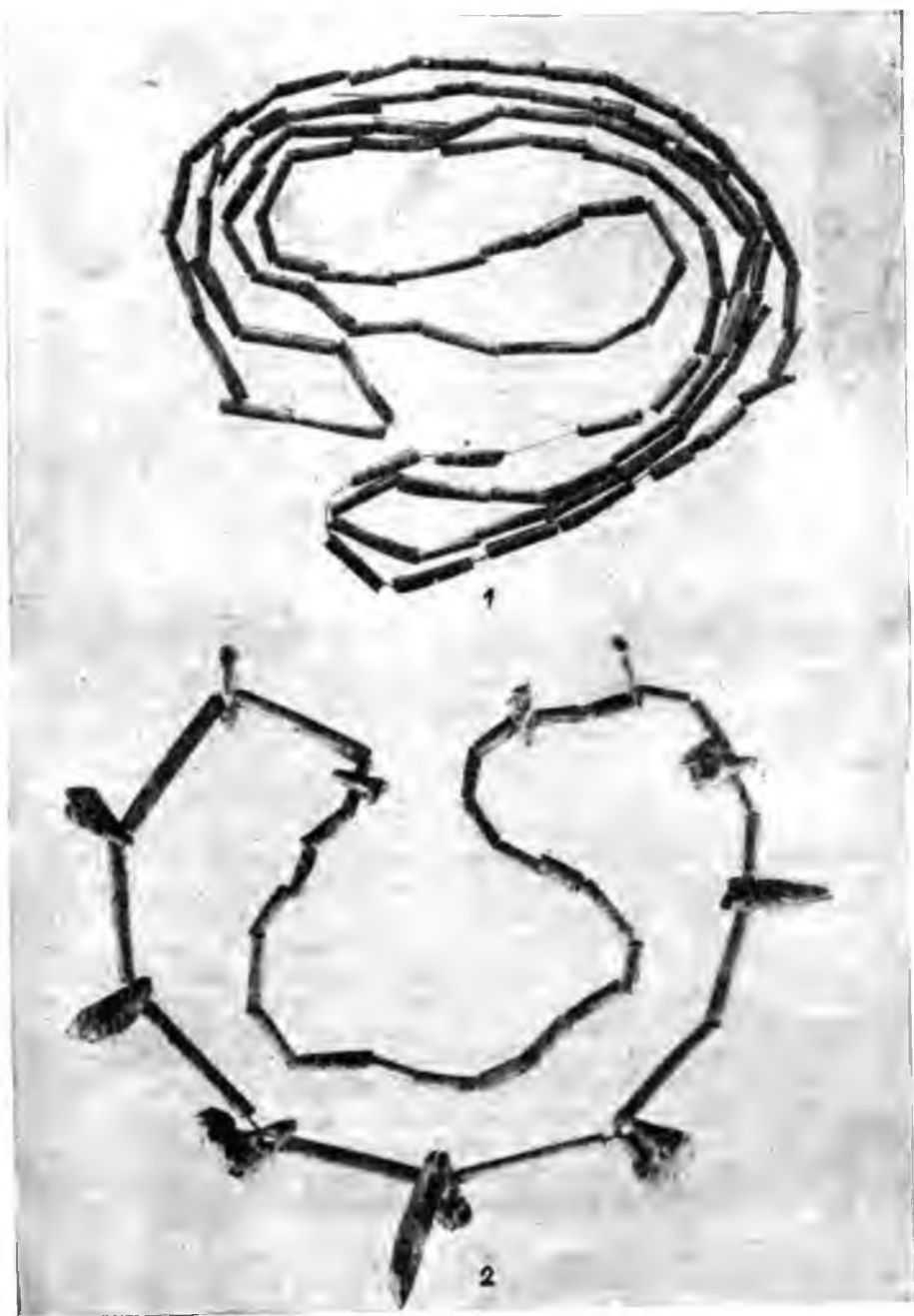

Образцы орнамента на днищах сосудов Вауловского могильника;
1—10 — $\frac{3}{4}$ в. в., 11—12 — $\frac{1}{2}$ п. в.

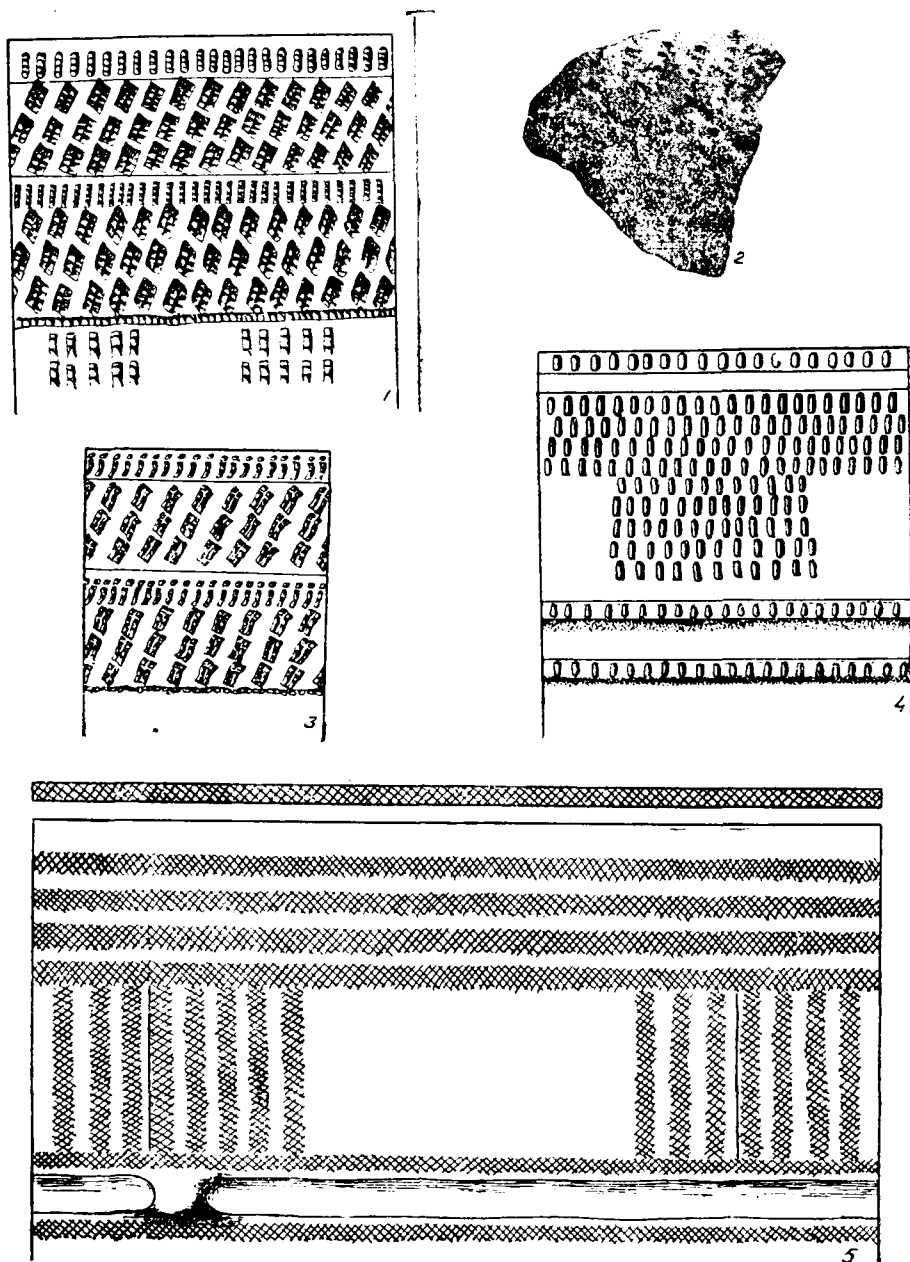

Костяные и бронзовые орудия и украшения Вауловского могильника;
1 — $\frac{3}{4}$ н. в., 2—9 — н. в.

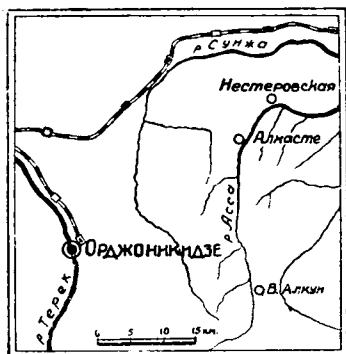
Ожерелья из трубчатых птичьих костей и зубов диких животных из погребения № 3; около $\frac{1}{2}$ н. в.

Образцы орнамента на сосудах Вауловского могильника;
 1—3— $\frac{3}{4}$ н. в., 4 и 5— $\frac{4}{4}$ н. в.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АССИНСКОГО УЩЕЛЬЯ*

I

Широкую известность в различных кругах советской общественности и за рубежом приобрела Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика не памятниками древности, а богатством полезных ископаемых и в первую очередь прекрасными нефтяными источниками. Почти до самых последних лет, по богатству археологических объектов, эта республика занимала одно из последних мест среди других республик Сев. Кавказа и представляла собою почти белое пятно на археологической карте Кавказа,

что объясняется весьма слабой изученностью края. Можно без всякого преувеличения сказать, что до последнего времени мы почти не знали материальных источников по его древнейшей истории.

Те немногочисленные историко-археологические экспедиции, которые посетили территорию современной Чечено-Ингушской республики в дореволюционный период, начиная с XVIII в., задач планового и систематического изучения края не преследовали и хотя некоторые из них и выявили ряд интереснейших памятников, как экспедиция проф. В. Ф. Миллера 1886 г., подарившая культурному миру замечательный памятник грузинской архитектуры XII в. — храм «Тхаба Ерды»¹, в настоящее время сильно нуждающийся в неотложном ремонте и реставрации, — их работа носила случайный, эпизодический характер. Значительных раскопок, ставящих своей задачей систематическое исследование даже отдельных памятников далекого прошлого, не производилось.

Только послеоктябрьский период характеризуется заметным оживлением историко-археологической работы в крае. Нельзя не упомянуть о крупных изыскательных работах, проведенных в течение ряда лет, начиная с 1925 г., бывшим Ингушским научно-исследовательским институтом краеведения под

* Работа была выполнена по предложению Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории и языка (г. Грозный) и частично по плану ИИМК АН СССР. За предоставление фактической возможности выполнить эту работу дирекции Чечено-Ингушского института приношу свою благодарность. Автор.

¹ Впервые храм «Тхаба-Ерды» был открыт Штедером в 1781 г., но обстоятельному ознакомлению с ним мы обязаны В. Ф. Миллеру. См. «Матер. по археологии Кавказа», т. I, М. 1898 г.

руководством проф. Л. П. Семенова. В основу этих работ был положен тщательно разработанный план, составленный на ряд лет. Экспедициями, осуществляемыми из года в год, были обследованы все горные и частично равнинные районы западной части республики, собственно Ингунии, где зафиксированы и подвергнуты предварительному изучению все наличные памятники древности. В результате Ингушским институтом и музеем собран весьма ценный вещественный материал, относящийся по преимуществу к эпохе позднего средневековья (XIII—XVII вв.), связывающийся уже непосредственно с прямыми предками современного населения республики.

В дальнейшем в работу по изучению прошлого республики включаются и различные научные организации центра.

В полном соответствии с бессистемностью исследования края в прошлом осуществлялась и публикация археологических материалов. Данные о проведенных изыскательных работах, о полученных результатах разбросаны по многим, преимущественно местным, периодическим изданиям. Подавляющее же количество материалов осталось неопубликованным.

Выше уже было отмечено, что экспедициями Ингушского института были собраны ценные коллекции вещественных памятников. За время существования Ингушского научно-исследовательского института им были выпущены четыре тома «Известий», содержащие ряд статей по отдельным вопросам местной культуры и публикации собранных экспедициями материалов.

Работы последних 20 лет в значительной степени выяснили далекое прошлое края. Открыт ряд материальных исторических источников, освещающих новые, до сих пор не ставившиеся, проблемы, например, связи древнего местного населения с кустучурным Закавказьем, с Западным Предкавказьем, с Украиной и т. д.

Памятники, открытые на территории Чечено-Ингушской АССР, являются весьма ценными данными для постановки и научной разработки целого ряда проблем, связанных с изучением далекого прошлого республики.

Одним из важнейших вопросов может считаться вопрос о формировании народов Сев. Кавказа вообще, населения Чечено-Ингушской республики в частности. Разрешение этого вопроса теснейшим образом связано с восстановлением подлинной истории самого чечено-ингушского народа.

Как известно, чеченцы и ингуши до советского периода были бесписьменными народами, не имеющими своей письменной истории. Уже этим одним обстоятельством диктуется необходимость вести изучение истории коренного населения республики не только с «исторической эпохи», а с древнейшего периода, выявляя самые отдаленные истоки культуры.

Рассмотрение и историческая оценка памятников, подвергнутых археологическому исследованию экспедицией ГИМ 1937—1938 гг., и является содержанием настоящей статьи.

Данный обзор подводит предварительные итоги двухлетним археологическим работам экспедиции ГИМ в пазовьях Ассинского ущелья и знакомит читателей с тем новым и интересным археологическим материалом, который является единственным источником по древнейшей истории этого района².

II

Район, в котором проводилась археологическая работа экспедиции (окрестности станицы Нестеровской и сел. Алхасте), находится в зоне предгорья

² В экспедиционных работах Гос. Историч. Музея на Кавказе в 1937—1938 гг., как и в предшествующие годы, постоянное участие принимал проф. СОГПИ Л. П. Семенов.

у подножья лесистого хребта, почти у начала нижнего течения бурной многоводной реки Ассы. Беря начало в глубине главного Кавказского хребта (у горы Архотис — Мта), река Асса только у селения Верхний Алкун выбивается из каменного ущелья, далее (уже в предгорном районе) от ингушского сел. Алхасте она принимает северное направление и у станицы Нестеровской, повернув на восток, спокойно вливается в Сунжу. Русло Ассы представляет собой ряд извилистых рукавов и отличается большим непостоянством; размыв берегов здесь — обычное явление.

Станица Нестеровская Сунженского района расположена на левом высоком берегу р. Ассы у начала сравнительно обширной котловины, как бы закрывая вход в живописное Ассиинское ущелье. Постепенно суживаясь вверх по течению р. Ассы и вплотную подходя к лесистому хребту, ущелье у сел. Алхасте в ширину не превышает одного километра.

В настоящее время от сел. Алхасте до ст. Нестеровской р. Асса протекает, придерживаясь правого лесистого склона, замыкающего ущелье с восточной стороны.

Левый берег р. Ассы представляет собою довольно ровную поверхность и является, собственно, системой старых пойменных речных террас, значительно деформированных. Только у выхода из ущелья близ ст. Нестеровской еще четко прослеживается вторая речная терраса, на которой управлением узкоколейки от ст. Сленцовская до лесозавода «Мужич» была организована выборка гравия.

Под черноземными почвами обширной левой террасы, мощность которых достигает 0,40—0,50 м, залегают лёссовидные суглинки, образованные наносами четвертичного периода³.

Выбор этого района для постановки стационарных археологических работ экспедиции не случаен.

Ассиинское ущелье является древнейшим путем сообщения и связи населения горных областей и равнины. Самый выход из ущелья представляет пункт, имеющий определенное стратегическое значение. Кто владел входом в ущелье, тот был хозяином района.

Как выяснено археологическими работами, этот район насыщен разнообразными и разновременными памятниками, начиная от эпохи бронзы и кончая периодом позднего средневековья.

III

Одним из первых археологов, работавшим в окрестностях станицы Нестеровской и селения Алхасте, был местный исследователь В. И. Долбежев⁴. Близ станицы Нестеровской в 1891 г. им был раскопан один большой курган, датируемый эпохой бронзы.

Почти на полпути от ст. Нестеровской к сел. Алхасте в окрестностях (ныне не существующей) ст. Фельдмаршальской в 1913 г. произвел раскопки нескольких курганных насыпей местный краевед Ф. С. Панкратов⁵.

Почти весь добытый Панкратовым погребальный инвентарь теперь находится в Чечено-Ингушском музее краеведения (г. Грозный). Из этого

³ А. К. Вильямс «Географический очерк Ингушетии», ВЛК, 1928 г., стр. 40—41.

⁴ Подробные сведения о раскопках В. И. Долбежева на Сев. Кавказе изложены в специальной статье проф. Л. П. Семенова, «В. И. Долбежев как историк-кавказовед», ВЛК, отд. оттиск «Известий» Горского пед. института, т. VII, 1930 г.

⁵ Сведения об этих раскопках см. в статьях, помещенных Ф. С. Панкратовым, писавшим под псевдонимом «Гребенц», в газете «Терские ведомости» за 1914 г. №№ 54—56 от 8, 9 и 11 марта.

материала особо выделяются многочисленные медные золоченые начельники и бляхи от конского убора, аналогичные бляхам из Северокавказских могильников сс. Чми и Балта и могильников В. Салтова (Харьковщина), датируемых эпохой VI—X вв.⁶

С весьма неопределенным паспортом «из Ассинского ущелья», в Музее Грузии (Тбилиси) находится несколько вещей, относящихся к кобанской культуре. Коллекция в свое время поступила от Общества любителей кавказской археологии. Упоминание о них приводим по V тому «Museum Caucasicum»⁷:

«№№ 866 и 867. Браслеты из бронзовой проволоки со сквозными дырочками на концах,

№ 868. Половина бронзового пластинчатого браслета из тяжелой бронзы с тремя резко выступающими гранями и завитками на концах Кобанского типа.

№№ 869—870. Бронзовые чашечки — бляшки, весьма мелкие, которые могли кобан (цам — Е. К.) служить обшивкою головного убора.

№№ 880—881. Кремневые наконечники: стрела и скребок».

Из соседнего района, расположенного выше по течению реки Ассы, из окрестностей сел. Верхний Алкун происходит один каменный, сверленный топор с лопастью, изготовленный из серо-желтого плотного мергеля (рис. 1).⁸

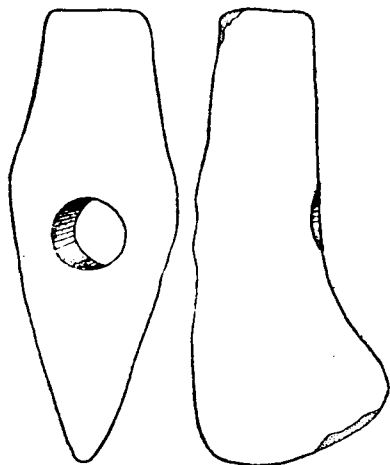

Рис. 1. Каменный топор из с. Верх. Алкун (случайная находка).
½ н. в.

Нижняя часть лезвия и край обуха топора имеют следы старой обивки.

По типу топор близок целой серии каменных топоров с весьма обширной территории равнинной части и предгорий Северо-Западного Кавказа, Придонья и Нижнего Поволжья, т. е. территории, некогда занимаемой синхронными культурами северо-кавказской и катакомбной 2-го тысячелетия до нашей эры.

Большое сходство с алкунским топором обнаруживают определенные типы топоров и фатьяновской культуры.

В виду того что материал из кургана, раскопанного В. П. Долбежевым у ст. Нестеровской, хранящийся в Гос. Историческом Музее, до сих пор еще не издан, пользуюсь случаем его обнародовать. О раскопках кургана в

отчете Археологической Комиссии⁹ приводятся следующие краткие сведения: «Большой курган, раскопанный Долбежевым близ ст. Нестеровской, на

⁶ «Известия Ингушского научно-иссл. ин-та», т. IV, вып. 2, 1934—1935 гг., Грозный, стр. 129—142.

⁷ П. С. Уварова «Museum Caucasicum», т. V, Тифлис, 1902 г., стр. 36.

⁸ По имеющимся у меня сведениям, топор принесен в дар Ингушскому музею краеведения в 1938 г. жителем сел. Алкун т. Шадиевым.

⁹ Отчет Археологич. Комиссии за 1891 г., стр. 122.

р. Ассе, в малой Чечне, имеет в ширину 11, а при подошве в окружности 80 арш. Поведенная траншеей раскопка обнаружила в верхней части насыпи слой булыжника, под которым пайдены беспорядочно разбросанные черепки глиняной посуды, круглый камень в виде жернова, осколок поделки из кремня и четырехугольный шлифовальный камень.

В середине кургана, под тем же булыжным слоем, но глубже, оказались остатки деревянной колоды со скелетом, лежащим головою на ВОВ. Против правого предплечья скелета, но вне колоды, найден бронзовый наконечник стрелы, близ правой кисти руки (тоже вне колоды) — два круглых камня, по левую сторону колоды — грубой работы глиняный горшок, наполненный темнокрасным порошком» (табл. I, рис. 1—8).

При просмотре этого материала мною в указанном глиняном горшочке вместе с «темнокрасным порошком» — охрой был найден обломок каменного обработанного предмета, отдаленно напоминающего молоточную часть узкого, небольшого топорика (табл. I, рис. 3).

Отмеченная исследователем стратиграфия кургана и обстоятельства находки могильного инвентаря могут вызвать законное сомнение в правильности связи этого инвентаря с обнаруженным костяком, ибо указанная колода могла являться повторным захоронением, разрушившим более древнюю могилу. Как известно, погребения в деревянных колодах типичны в этих местах для более поздних эпох XIV—XVI вв. нашей эры¹⁰. Но однообразный характер найденных Долбежевым вещей и отсутствие даже фрагментарных находок более позднего времени решают вопрос.

Инвентарь большого Нестеровского кургана (бронзовый наконечник стрелы, каменные ядра, круглый терочник, шлифованный камень и сосудик с красной краской) является типичным для погребальных комплексов эпохи бронзы, сравнительно хорошо представленной на Северном Кавказе курганными погребениями по бассейнам рр. Кубани и Терека, частично вошедшими в археологическую литературу под названиями памятников северокавказской культуры 2-го тысячелетия до нашей эры¹¹.

При отсутствии на территории Ингушии следов более ранних культур (палеолита, неолита) Нестеровский курган, раскопанный Долбежевым, является пока одним из древнейших памятников края, содержание которого при сопоставлении с аналогичным материалом других археологических объектов позволяет с большей долей вероятности судить о хозяйственном облике древнего населения края.

IV

Самым крупным археологическим объектом, исследованным экспедицией ГИМ в данном районе было огромное селище, открытое в 1937 г. в районе ингушского сел. Алхасте.

Селище находится на первой лево-бережной террасе реки Ассы в 500—800 м к северо-востоку от сел. Алхасте. Восточным краем селище не-

¹⁰ Раскопки Антоновича и Беренштама у сс. Назрань, Базоркино и в др. местах. Труды Подготовит. комитета V Археологич. съезда, т. 1, Тифлис 1882 г., стр. 216—217; см. ниже стр. 191.

¹¹ «Проблемы истории материальной культуры» №№ 1—2 за 1933 г., стр. 47.

А. А. Иессен «К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе», Известия ГАИМК, вып. 120, стр. 92; см. также сводку находок аналогичных памятников на Сев. Кавказе в моей статье «Потребления эпохи бронзы в Сев. Осетии», Труды Гос. Историч. Музея, вып. VIII, 1939 г.; А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий «Родовое общество степей Восточной Европы», Известия ГАИМК, вып. 119, стр. 86.

посредственно примыкает к р. Ассе. Его восточную окраину пересекает неглубокий овраг, поросший лесом.

О размерах селища уверенно сказать что-либо пока затруднительно. Пред-

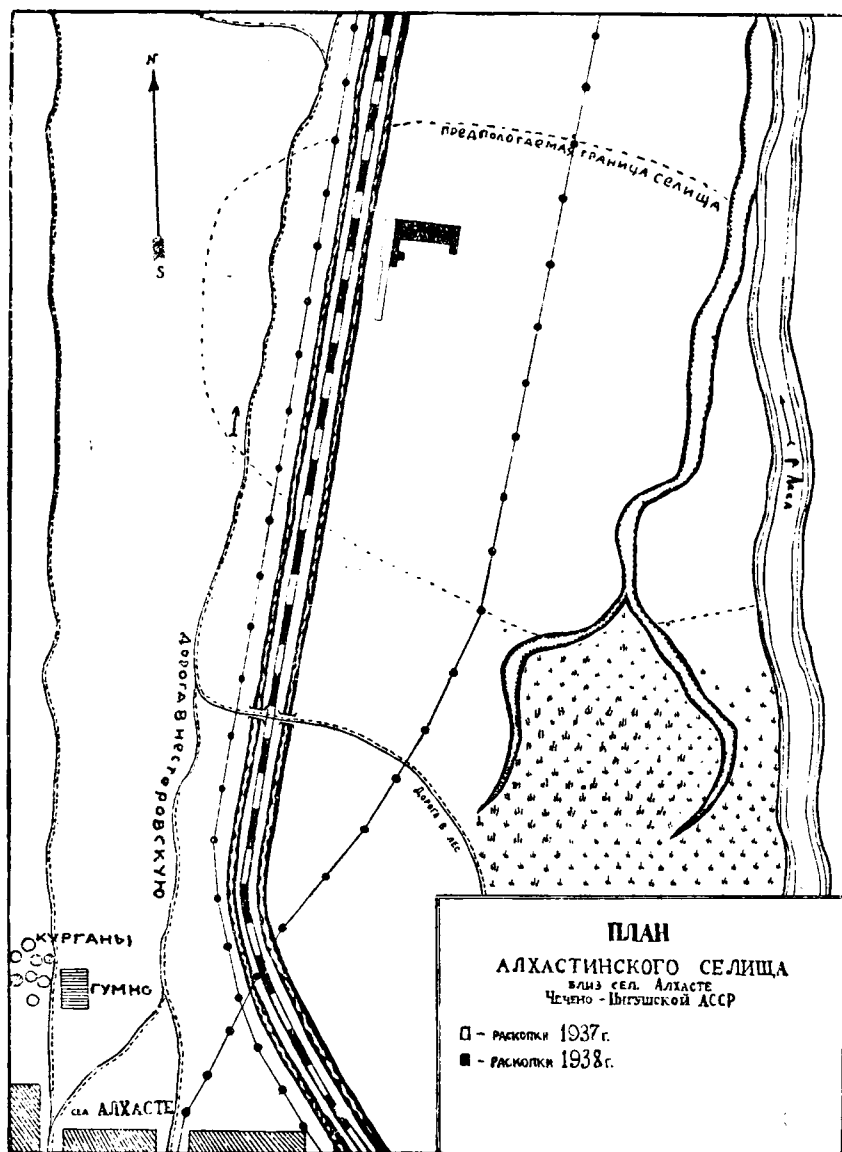

Рис. 2. План Алхастинского селища.

полагаемые границы поселения могут определяться только количеством найденного подъемного материала на его поверхности, он же дает представление о площади поселения весьма неточное. Судя по этому материалу, максимальная протяженность поселения с севера на юг и с востока на запад не превышала 0,5 км (см. план, рис. 2).

Территория селища является прекрасным пахотным полем и ежегодно засеивается; на поверхности поселения в разных местах встречается большое

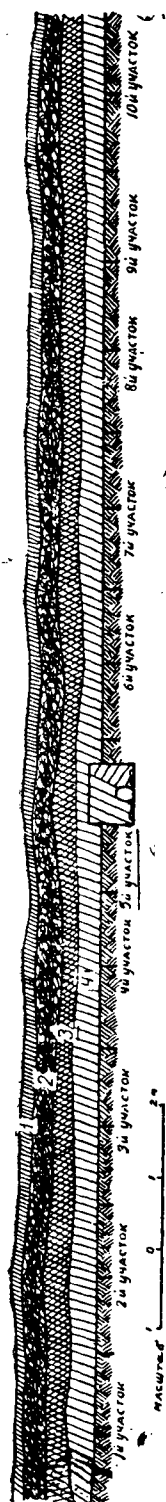

Рис. 4. Профиль северной стенки I траншеи (Атхастинское селище).

ниже, очень однообразен и не фиксировал никаких объектов (очагов, землянок и т. д.). Только в двух местах разведочных траншей 1937 г. прослежены очень тонкие и короткие прослойки, состоящие из золы, порошкообразной обожженной глины и мелких кусочков угля.

Никаких стерильных прослоек, отделяющих один ярус культурного слоя от другого, не замечено. Тем не менее этот мощный культурный слой, отчасти по составу, по главным образом по окраске, делится на четыре яруса или горизонта.

Первый верхний ярус — обычный растительный слой темносерого цвета (толщина его 0,14—0,22 м) — содержит сравнительно большое количество культурных остатков, особенно фрагментов керамики и костей животных.

Второй ярус, наиболее богатый находками, образует толща погребенного чернозема, мощностью от 0,20 до 0,34 м.

Третий ярус, также богатый культурными остатками, представляет собою сильно гумированный лесовидный суглинок; толщина от 0,26 до 0,36 м.

И наконец, четвертый ярус, по структуре весьма близкий третьему, только слабее окрашенный гумусом, содержал наименьшее количество находок; толщина от 0,24 до 0,40 м.

Отмеченное чередование ярусов до известной степени является условным, так как четких границ между некоторыми из перечисленных ярусов не прослежено, например между растительным слоем и погребенным черноземом и кое-где между третьим и четвертым, отличающимся только по степени окраски гумусом. Здесь существует масса еле уловимых для глаза переходов, что позволяет все же составить схематический разрез исследуемого участка поселения (рис. 4).

Находимый в процессе раскопок материал распределялся по всей вскрытой площади довольно равномерно, не сосредоточиваясь в каких-нибудь определенных пунктах, как это обычно бывает на поселениях.

Кроме того, сам материал (фрагменты керамики, обломки костей животных и т. д.) носит на себе следы длительного перемещения с места на место; края изломов, срезов и сколов сглажены; из мелких обломков даже однородной керамики, полученной из одного слоя и даже одного участка, почти не удастся составить более крупных фрагментов, не говоря уже о целых сосудах. Подавляющее большинство керамических изделий, особенно из нижних слоев, представлено в виде мелких сильно окатанных обломков.

Эти факты объясняются долгим, систематическим перенаселением, в результате чего и получились более или менее равномерное распределение находок по всей площади раскопа, нечеткость стратиграфии и наличие большого числа культурных остатков в верхнем, растительном слое. Характер найденного материала здесь (о чем

подробнее ниже) не позволяет считать его столь поздним. Правильнее все находки, обнаруженные в верхнем растительном слое, рассматривать попавшими из нижнего, подстилающего его слоя в результате многократного переплывания. В свою очередь оба нижние яруса объединяются вещевым материалом в самостоятельный горизонт.

Переходя к описанию и характеристике добытого на селище материала, раньше всего необходимо отметить резко выделяющуюся группу керамики из самого нижнего яруса культурного слоя селища. Это обломки толстостенных довольно грубых сосудов, сделанных из хорошо отмученной глины, хорошо обожженных желтоватых и красноватых оттенков.

Поверхность этих сосудов покрыта мелкозубчатым чеканом в виде коротких, составляющих тупые углы, линий (в елочку).

Судя по одному обломку, некоторые сосуды имели острые края горла, причем орнамент покрывал и внутреннюю скошенную сторону верхнего края горла (табл. II, рис. 1).

Из того же нижнего слоя происходит керамика другого типа, близкая по цвету и фактуре только что описанной, но украшенная простым и пробоватым линейным орнаментом в виде глубоких и довольно широких, иногда пересекающихся линий и без орнамента. Есть основания думать, что те и другие сосуды имели плоские днища, стенки слабо выпуклые; горла, возможно, были прямыми, т. е. сосуды имели баночную форму.

Как известно, подобная керамика является довольно типичной для курганных погребений «срубной культуры»¹². Еще большее сходство эта группа алхастинской керамики обнаруживает с керамикой, добытой на местах древних поселений той же культуры.

Посуда баночной формы, украшенная простым геометрическим орнаментом, выполненным чаще всего зубчатым чеканом, очень близкая алхастинской керамике, составляла основную массу материала из Покровского селища (близ старого Саратова), подробно описанного Т. М. Минаевой¹³. Керамика Покровского селища в свою очередь имеет многочисленные аналогии среди материала памятников Нижнего Поволжья и датируется поздним периодом бронзовой эпохи, названной саратовскими археологами стадией С¹⁴, т. е. «срубной культурой».

Подобным же образом орнаментированная керамика была получена О. А. Граковой при исследовании ею стоянок близ г. Пензы: «Зимницы I» в 1926 г. и «Волчьего оврага» в 1928 г.¹⁵. Эти стоянки являются синхронными вышеупомянутым памятникам и относятся А. П. Кругловым и Ю. В. Подгаецким, по принятой ими периодизации бронзовых культур, ко второму периоду II стадии¹⁶.

Сходство с древнейшей алхастинской керамикой обнаруживает и керамика со стоянки «Куракин Бор» близ г. Брянска, опубликованная Т. С. Пассек и

¹² В. А. Городцов «Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковск. губ. в 1901 г.», «Труды XII Археологич. съезда, т. I, стр. 204; В. А. Городцов «Результаты археолог. исследований в Бахмутском уезде...» Труды XIII Археологич. съезда, 1907 г., т. I, стр. 236; его же, «Бронзовый век на территории СССР», «Большая Советская Энциклопедия» (БСЭ), т. VII, стр. 621.

¹³ Т. М. Минаева «Керамика Покровского селища», Труды Секции археологии РАНИОН, вып. IV, 1927 г. М., стр. 316, 322.

¹⁴ Известия Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской обл., т. II, Саратов, 1927 г.

¹⁵ Материал Гос. Историч. Музея. Описан О. А. Граковой в настоящем выпуске «Работ экспедиций».

¹⁶ А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий «Родовое общество степей Восточ. Европы», Изд. ГАИМК, в. 119, стр. 98.

Б. А. Латыниным. Некоторые обломки керамики исключительно близки наиболее выразительным образцам с нашего селища. Они также орнаментированы мелкозубчатым чеканом в елочку и рядом параллельных линий. По мнению авторов статьи «Разведки в районе Брянска», эта группа керамики теснейшим образом связана со срубными курганными погребениями и хвалынскими селищами, т. е. поселениями той же срубной культуры в Поволжье¹⁷.

Нижний ярус алхастинского селища дал и другой материал: кусочки глиняной обмазки, обработанные астрагалы и фаланги овцы, отдельные фрагменты каменных жерновов, обломок каменной мотыжки, что имеет аналогии среди материала последней срубной культуры (табл. II, рис. 2). Такой же фрагмент жернова найден О. А. Граковой на стоянке «Зимница II», а каменная мотыжка, подобная алхастинской, найдена на стоянке «Волчий овраг»¹⁸.

Однако обломок каменного орудия из Алхастинского селища сохраняет отчетливые следы ударов на острие рабочей части и совершенно не заполирован с выпуклой стороны. Эта особенность может внушать сомнение в правильности отнесения предмета к категории мотыжек. Может быть это обломок куранта.

Рис. 5. Каменная зернотерка

Считаю закономерным связать именно с материалом из нижнего горизонта и два очень интересных орудия: каменную зернотерку, найденную на поверхности селища недалеко от места раскопок, и каменный пест, поднятый в выбросе земли из канавы узкоколейки.

Зернотерка имеет архаичную форму. Размеры ее: длина 0,36 м, ширина 0,14 м, высота 0,06 м. Рабочая стертая поверхность почти плоская. По краям зернотерки расположены ступеньки и валики, из которых один отбит (рис. 5). Судя по форме зернотерки, растирание зерен могло производиться так называемым «египетским способом», т. е. специальным терочником с плоской рабочей поверхностью, который двигался в продольном направлении от валика и обратно. Подобные зернотерки были известны еще в древнем Египте¹⁹.

Зернотерки, близкие по типу алхастинской, известны у нас в СССР, — одна с Кибинской стоянки на Среднем Дону²⁰, другая со стоянки «Студе-

¹⁷ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин «Разведки в районе Брянска», Труды Секции археологии РАНИОН, вып. IV, 1939 г., стр. 333, табл. XXII, рис. 4, 8 и 10.

¹⁸ Воспроизводится на стр. 103 настоящего сборника в статье О. А. Граковой.

¹⁹ «Древний Восток», Атлас по древней истории, сост. И. Л. Снегиревым под редакцией В. В. Струве, 1937 г., табл. 12, рис. 6.

²⁰ С. Я. Локтюшев «Доисторический очерк средней Донеччины», Луганск, 1930 г., стр. 24.

нок 2» (близ Изюма)²¹. Обе стоянки относятся к концу бытования бронзовой культуры²².

Пест сделан из речного голубовато-серого валуна. Рабочая часть его в сечении прямоугольная, с округленными углами. Рукоять овальная. Общая длина песта 0,22 м, в поперечнике 0,075 м; длина отлично сработанной рукояти 0,145 м (табл. II, рис. 3). Этот пест по форме является классическим представителем многочисленных и достаточно хорошо известных пестов из разных районов СССР, от времени афанасьевской культуры до предскифского времени²³. Наиболее близким ему, пожалуй, является каменный пест с Алексеевской стоянки (в Кустанайском районе Восточного Казахстана), исследуемой О. А. Граковой и относимой автором раскопок к последней поре существования андроновской культуры, одновременной со срубной²⁴.

Остеологический материал, полученный из двух нижних — 4-го и 5-го слоев, объединенных общностью содержащихся в них находок, невелик и пока

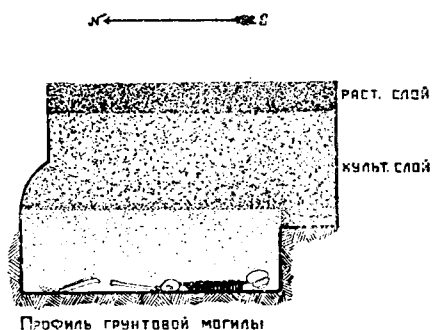

Рис. 6. Профиль грунтовой могилы в нижнем слое Алхастинского селища.

не дает оснований для точных суждений о скотоводстве²⁵. Тем не менее он показателен. Там были обнаружены кости коровы, лошади, овцы, свиньи и собаки, т. е. те же виды животных, остатки которых обычно встречались при раскопках поселений срубной культуры²⁶.

Здесь уместно вспомнить, что и в Нестеровском кургане В. И. Долбежевым встречены были «кости быка, овцы, свиньи и лошади». Это обстоятельство позволяет сопоставлять материал из нижнего слоя Алхастинского поселения с инвентарем Нестеровского кургана не только хронологически; тот и другой памятники, очевидно, оставлены одним и тем же обществом.

²¹ Н. В. Сибилев «Древности Изюмщины», г. Изюм, т. XXVI, вып. I, 1926 г. рис. 1.

²² А. П. Круглов и Ю. Я. Подгаецкий, Указ. соч., стр. 85; см. также помещенные здесь рисунки этих зернотерок, рис. 11 а и б.

²³ Подобные песты известны из сл. Куроты Минусинск. района, раскопки С. В. Киселева 1938 г.; из с. Селимовки близ т. Изюма, из раскопок В. А. Городцова 1906 г. В ГИМ'е хранится абсолютно подобный алхастинскому каменный пест из раскопок В. И. Долбежева у сел. Галиат 1886 г. (Сев. Осетия).

²⁴ Материал готовится О. А. Граковой к печати.

²⁵ Остеологический материал из Алхастинского селища определен сотрудником МОНИМК Н. А. Сугробовым.

²⁶ А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий, Указ. соч., стр. 100, табл. IV—VII. В. А. Городцов, Труды XII Археологич. съезда, т. I, стр. 204.

Приведенный сравнительный материал с обширной территории служит хорошим ориентиром в вопросе датировки нижнего горизонта Алхастинского поселения. Древнюю культуру этого селища (условно называем ее «культурой I») следует рассматривать синхронной и может быть типологически близкой срубной культуре, широко распространенной в лесостепных районах Восточной Европы во второй половине 2-го тысячелетия до нашей эры²⁷.

Очень интересным объектом, вскрытым в нижнем ярусе Алхастинского селища, оказалась могила. Обстоятельства обнаружения могилы таковы: на границе 5 и 6 участков I траншеи (рис. 3) на глубине 0,87 м от поверхности было открыто могильное пятно в виде прямоугольника, ориентированного с севера на юг. Длина ямы сверху 1,80 м, по дну 1,60 м, ширина 0,60 м, глубина 0,65 м. При расчистке пятна в южной части на глубине 0,10 м показался череп, а затем весь костяк человека средних лет, лежавший ничком со слегка согнутыми в коленях ногами. Руки согнуты так, что кисти находились у лицевых костей черепа. Длина скелета в согнутом положении 1,56 м. Некоторая согнутость костяка может объясняться малым размером могилы. Дно ямы приходилось в суглинистом грунте. Могила была засыпана культурным слоем, содержащим обломки керамики и кости животных. Никаких вещей при костяке не найдено. Тем не менее фиксация краев ямы на северной стенке 1-й траншеи показывает, что могила вырыта в культурном слое, когда он достиг мощности до 0,20 м (рис. 6); это позволяет уверенно отнести погребение к эпохе, оставившей отложения нижнего яруса.

Как установлено археологическими наблюдениями, обычай захоронения умерших на площади поселения прослеживается, начиная с самых ранних погребений палеолита²⁸.

На территории Советского Союза весьма редкие погребения лицом вниз, относящиеся к эпохе неолита, были открыты на стоянках: Федоровской²⁹, Языковской³⁰, Кубенинской³¹ и, наконец, на стоянках в бассейне р. Ангара (Усть-Уда и Гаранькин Мыс)³².

Среди аналогичных погребений, датируемых эпохой бронзы, одним из первых в СССР было открытое на Панфиловской стоянке³³.

Подобное же положение скелетов вниз лицом было зафиксировано при раскопках погребений №№ 5 и 6 кургана № 6 в урочище «Три брата» в Калмыкии, также относимых к эпохе бронзы³⁴. Следует отметить, что вскрытые костяки, ориентированные на юго-запад, лежали в слабо скрученном положении, что сближает их с погребением Алхастинского селища. Третий случай погребения вниз лицом известен из раскопок могильника эпохи бронзы в бассейне р. Ангара³⁵.

Все эти примеры позволяют рассматривать погребение вниз лицом не как

²⁷ В. А. Городцов «Бронзовый век на территории СССР», БСЭ, т. VII, стр. 621.

²⁸ См. об этом более подробно в статье М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино», М., Труды Гос. Историч. Музея, вып. VIII, 1939 г., стр. 30.

²⁹ Труды Чухломск. отд. Костромск. научн. об-ва, в. IV, 1929 г., стр. 5.

³⁰ О. Н. Вадер «Археологические раскопки у дер. Языковой», Антропологич. журн., 1936 г., № 2.

³¹ М. Е. Фосс «Стоянка Кубенино», «Советская археология», вып. V, 1940 г., стр. 38.

³² По статье А. П. Окладникова «Археологические исследования на Ангаре», «Советская археология» № 4, 1937 г., стр. 319.

³³ В. А. Городцов «Панфиловская стоянка», Матер. по изуч. Владимирской губ., 1926 г., стр. 4.

³⁴ «Советская археология», № 1, 1936 г., стр. 129—130.

³⁵ Там же, № 4, 1937 г., стр. 319.

случайное явление, а как деталь весьма древнего погребального обряда, деталь, пока спорадически отмечаемую на значительной территории и сопровождаемую иногда другими общими обрядовыми формами эпохи позднего неолита и бронзы (ориентировка, положение костяка, отсутствие погребального инвентаря).

Дальнейшие раскопки селища, возможно, дадут нам и новые погребения, подобные описанному, что позволит в более полной форме выявить особенности погребального обряда, являющегося по существу сравнительно поздним отголоском глубокой древности ³⁶.

V

Вторую группу обильного материала составляют находки, сделанные в верхних трех слоях. Однородный характер всего найденного материала позволяет объединить его условно в «культуру II».

На первом месте здесь также стоит керамический материал, но отличный от керамики из нижнего горизонта. Найденные фрагменты дают представление о посуде из хорошо отжуженной глины и отличного обжига. Цвет керамики варьирует от серого и светлоричневого до черного. Большинство обломков несет на себе следы лощения. Сосуды имели плоские днища. Сохранившиеся ручки указывают как на принадлежность некоторых из них к крупным сосудам, так и на существование сосудов в виде скифских чарок. Размеры сосудов самые разнообразные, начиная от маленьких сосуликов с ручкой (табл. III, рис. 1) до крупных темносерых острооберных горшков с высокой шейкой и сужающимся горлом с отвернутыми краями, типа юрчаг. Зафиксированы по обломкам горшки с почти прямыми, несколько округленными боками. Найдено достаточное количество фрагментов серых мисочек с незащипутыми внутри краями, нередко орнаментированных по краю полосой овальных ямочек или штрихов. Встречены в небольшом количестве фрагменты грубой толстостенной посуды.

На многих обломках заметен орнамент; в основном можно выделить два типа орнамента — парезной геометрический и налепной, причем число обломков, украшенных парезным орнаментом, значительно превышает группу с налепным, подразделяющимся на шипковый и налепы в виде лент, выступов и валиков. Судя по найденным фрагментам, геометрическим орнаментом покрывалась только верхняя часть сосудов, особенно плечи. Этот тип орнамента состоит из параллельных и пересекающихся линий, целых поясов, из заштрихованных треугольников — лестниц, треугольников, обведенных парой параллельных линий и т. д. (табл. III, рис. 2—4). Орнамент наносился, очевидно, острой палочкой, иногда — очень неуверенной рукой. Налепной, шипковый орнамент обычно украшал горло сосудов банкообразной формы, располагаясь по самому краю или ниже под слабо отвернутым краем сосуда (табл. III, рис. 5).

Кроме керамики, здесь сделаны и другие находки, из которых следует отметить половинку глиняной формочки для отливки украшения в виде расклевки *Buliminus* sp.³⁷; она представляет овальную плитку 5,5×3,5×0,8 см; на верхней поверхности углубление, запечатлевшее все детали расклевки, которой оно сделано. От края этого углубления идет расширяющийся каналчик, через который должен был наливаться расплавленный металл (табл. IV, рис. 1). Весьма вероятно, что украшение, отливавшееся в формочке, являлось сергой

³⁶ Не касаясь объяснения обрядовой черты — класть умершего вниз лицом, отсылаю читателей к интересной статье М. Е. Фосс «Погребения на стоянке Кубенино», специально посвященной рассмотрению этого явления (Труды Гос. Историч. Музея, вып. VIII, стр. 90).

³⁷ По определению геологов.

или височной привеской; подобные серги, — правда, сделанные из туго свитой проволоки, — известны из гробницы № 2 на Чеснок-горе в окрестностях кол. Каррас, в Пятигорске³⁸; эта гробница может датироваться VI веком до нашей эры.

Между прочим, раковины, абсолютно схожие с прототипом, послужившим для изготовления формочки, найдены в числе более 200 при костяке в каменном ящике близ Кисловодска (табл. IV, рис. 2); эта могила датируется серединой 1-го тысячелетия до нашей эры³⁹.

Три глиняных штампа в виде крупных печатей с ручками. Один штамп, лучше сохранившийся, с лицевой стороны украшен рядом косых глубоких штрихов по окружности, вписанных в свою очередь в круг. Центр также заполнен несколькими короткими и глубокими бороздками. Ручка обломана. Рабочая поверхность штампа сглажена и выпукла. Диаметр — 4 см, высота — 2 см. (табл. IV, рис. 3).

Второй штамп с сохранившейся ручкой имеет несколько деформированную лицевую сторону, украшенную глубоко врезаемой спиралью. Эта часть менее выпукла, чем у первого штампа. Диаметр — 3,75 см. Общая высота с ручкой — 3,75 см (табл. IV, рис. 4). Напомним, что подобной же, но крупной спиралью украшены тусклые глиняные обломки из Бельского городища.

Плохо сохранившийся третий штамп был покрыт концентрическими кругами, из которых сохранились только один целый и часть второго. Диаметр — 3,5 см, высота — 3,5 см (табл. IV, рис. 5).

Три глиняные штампа, правда, прямоугольные, известны с территории Кавказа; один найден при раскопках древнего поселения «Муханат-тапа» у Еревана⁴⁰, другой происходит из окрестностей б. Ново-Афонского монастыря (Абхазия)⁴¹, и третий, малый, без точного паспорта⁴². Из других районов нашей страны подобные глиняные штампы мне неизвестны.

В Передней и Малой Азии они имели довольно широкое распространение в эпоху бронзы. Так например, не мало разнообразных «Siegel aus Terracotta» было найдено Шлманом в Трое, в культурных слоях, подстилающих остатки гомеровской Трои⁴³.

На Западе подобные каменные и глиняные штампы известны в Болгарии, Валахии, по среднему Дунаю и почти по всему Средиземноморскому бассейну. Гораздо меньше их в Германии. Здесь они также датируются эпохой бронзы⁴⁴. Подобные же штампы некогда бытовали в Мексике и у американских индейцев. Кавказская этнография знает довольно близкие по форме, но уже деревянные и отчасти костяные штампы у хевсур для орнаментации ритуальных хлебов⁴⁵.

В зарубежной археологической литературе глиняные штампы известны

³⁸ Д. Я. Самоквасов «Могилы Русской земли», М. 1908 г., стр. 124.

³⁹ По сведениям, полученным от Н. М. Егорова, работника Пятигорского музея.

⁴⁰ «Советская археология», т. III. 1937 г., стр. 265.

⁴¹ Хранится в Гос. Историч. Музее. Коллекция А. В. Комарова.

⁴² Этот штамп был некогда приобретен на Кавказе Флоренским и позднее передан В. А. Городцову. За любезное разрешение ознакомиться и использовать этот штамп в моей статье, В. А. Городцову приношу свою благодарность.

⁴³ H. Schliemann, «Ilios, Stadt und Land der Trojaner», Leipzig, 1891 г., стр. 461, рис. 493—496 и др.

⁴⁴ V. Gordon Childe, «The Orient and Europe», American Journal of Archaeology, 1939 г., стр. 18, см. также стр. 15, фиг. 4.

⁴⁵ В. Бардавелидзе и Г. Читая «Хевсурский орнамент», Тбилиси, 1939 г., стр. 148, рис. 9 и 10.

под названием «pintaderas» и определяются, как инструменты, применявшиеся при татуировке ⁴⁶.

Эти функции трудно приписывать штампам, найденным на Алхастинском селище, хотя практика раскраски тела народами Кавказа (мусульманами и сарматами) подтверждается некоторыми античными писателями ⁴⁷.

Маловероятным кажется и предположение, трактующее эти штампы как печати для обозначения собственности, как клеймо для оттисков на посуде и т. д.

Вероятно алхастинские глиняные печати являлись штампами для украшения кожи и, может быть, ткани (набойка) или назначение их аналогично хевсурским деревянным и костяным штампам.

Четыре головки глиняных фигурок животных разной сохранныости, из которых в одной можно узнать лошадь (табл. IV, рис. 6), в другой теленка (табл. IV, рис. 7); третий экземпляр напоминает голову барана; на поврежденной правой стороне остались следы уха, на левой стороне ухо не выражено (табл. IV, рис. 8).

Наконец, фрагмент головы, сильно деформированный и даже окатанный с обломанными ушами и концом морды, не сохранил признаков определенной породы животного (табл. IV, рис. 9).

Подобные фрагменты фигурок животных были находимы в зольниках городищ типа Бельского. Кроме глиняной фигурки животного с обломанной мордой, на Бельском городище были найдены и головки подобных статуэток ⁴⁸. Реалистическая трактовка морды лошади с вертикально поднятыми ушами одной из фигурок (табл. IV, рис. 6) отдаленно напоминает деталь бронзового наперсья в виде головы мула из Келермесской станицы ⁴⁹, сближая алхастинские статуэтки с памятниками раннескифской культуры VII — VI вв. до нашей эры.

Гребенка из рога оленя с длинной, сужающейся кверху рукоятью, имеющая всего 4 зуба. Длина — 14,5 см, ширина — 2,5 см, толщина — 0,75 см (табл. III, рис. 6).

Обломок рога косули со следами обработки на широком конце; верхний острый конец обломан. Предмет мог служить пробойкой, шилом для грубой работы по коже. Длина — 9 см, ширина — 1,5 см (табл. IV, рис. 7).

Отжимная пластинка из белого кремня (размеры 2×1 см).

Нуклеус из сероватого кремня, со следами отжима пластинок со всех сторон. Размеры — $2,7 \times 1,5$ см (табл. III, рис. 8).

Кусочек плотной красной краски — охры или мумии в виде овала с просверленным отверстием посредине, очевидно, для ношения.

Две проколки, хорошо зашлифованные; одна из кости, другая из зуба хилцника (табл. III, рис. 9).

Две бронзовых шила, одно четырехгранное, другое малое круглое, обломанное (табл. III, рис. 10).

Бронзовое проволоочное колечко в виде бусины, со спаянными концами (табл. III, рис. 11).

Бронзовая проволоочная спиралька в 4 оборота ⁵⁰.

⁴⁶ Max Ebert «Reallexicon der Vorgeschichte», Berlin, 1927—1928 г., т. VI, с. 161.

⁴⁷ В. В. Латышев «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», т. I. 1893 г., стр. 82, 472; т. II, вып. I, стр. 178, 193; т. II, вып. II, стр. 117.

⁴⁸ Труды XIV Археологич. съезда. т. III, 1911 г., зольник № 9, рис. 23.

⁴⁹ Отчет Археологич. Комиссии, 1904 г., стр. 88, рис. 139.

⁵⁰ К сожалению, спиралька утеряна во время упаковки материала, производившейся под проливным дождем.

Две половинки различных по форме толстых глиняных прясел. Одно с лощенной поверхностью биконической формы с усеченными вершинами и второе — бочкообразное.

Малое удлиненное пряслище, очевидно, сделанное из обломка посуды.

Второе малое пряслище из шиферного сланца (табл. III, рис. 14).

Два грузила из речной гальки с отверстиями посредине. Одно круглой формы, другое неправильной; они пришивались к рыболовным сетям (табл. III, рис. 12—13).

Обломки двух костяных стержней, служивших, очевидно, рукоятками ножей или крупных шпильев.

Три астрагала овцы, сильно заточенных с одной стороны; один астрагал просверлен.

Более десятка малых фаланг овцы, нередко сильно заточенных с двух и трех сторон, очевидно, служивших, как и первые, для детских игр. (табл. III, рис. 15).

Два обломка жернова или терочников с хорошо заполированными рабочими поверхностями.

Два малых кусочка обожженной глины.

Два небольших кусочка глиняной обмазки.

Множество костей животных в раздробленном состоянии.

Многочисленные поделки из рога, кости в виде рукояток, шпильев и проколов, орудия из осколков обработанного кремня, глиняные пряслища биконической формы с сильно усеченными плоскостями, обломки жерновов и терочников, грузила из галек, орудия труда из металла, куски обожженной глины и глиняной обмазки, игральные кости, миниатюрные глиняные сосудики и прочие находки, сделанные в верхних слоях селища, являются обычными находками на памятниках Украины, аналогичных Вельскому городищу. Встречаются они и в подкурганных мегалах, ранней поры скифской культуры⁵¹. Подобный же материал (керамика, обломок жернова, кости животных) был найден и прямо на поверхности, близлежащего от раскопок холма, о котором упомянуто выше.

Этот холм представляет собой невысокую насыпь, из рыхлосыпучей почвы, сильно перемешанной с золой, и содержащей большое количество обломков керамики, мелких костей животных, малое количество костей рыб и другие культурные остатки. Насыпь имела все признаки памятников степной полосы Европейской части СССР, называемых «зольниками». По мнению одного из первых исследователей этих объектов, В. А. Городцова, они представляют собою остатки многолетних стоянок на одних и тех же местах, вследствие чего в них отложились большое количество разного рода домашних отходов⁵². Подобным зольником является и возвышенность на Алхастинском селище, также вытянутая с юга на север, как и аналогичные зольники Украины. Теперь уже определенно установлено, что площадь распространения зольников весьма обширна; они известны и на поселениях бассейнов рек Мерлы (Харьковщина), Ворсклы (Полтавщина), в бассейне нижнего течения Днепра и на Северном Кавказе, в окрестностях развалин г. Маджар

⁵¹ Труды XIV Археологич. съезда, т. III, 1911 г., зольники №№ 1, 3, 4 и 9; А. А. Бобринский «Курганы и случайные археологич. находки близ мест. Смелы», т. III, 1901 г., табл. IV, рис. 16, стр. 25, фиг. 3; Б. И. и В. И. Ханенко «Древности Приднепровья», вып. II, 1899 г., табл. XXIV, рис. 692.

⁵² В. А. Городцов «Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г.», Труды XIV Археологич. съезда, т. III, 1911 г., стр. 93.

близ г. Буденновска Ordжоникидзеvского края)⁵³. Зольники связываются с ранней скифской культурой и датируются VII—VI вв. до нашей эры, а некоторые из них, как курганообразные зольники у сс. Белогрудовка, Краснополье, Будки (Украина), — даже началом 1-го тысячелетия до нашей эры.

Большинство зольников и места поселений, на которых первые расположены, дают керамику двух типов: сравнительную хорошую технику, иногда лощеную, с геометрическим орнаментом и более грубую с налепным валиком у горла, украшенным шпиковым орнаментом, т. е. близкую алхастинской. Первая группа была встречена в Маджарском зольнике⁵⁴. Особенно же близкий и обильный керамический материал дали зольники Вельского городища. Образцы керамики из этого городища и по технике изготовления, и по цвету, и по форме сосудов, и по орнаментовке их повторяют все типы керамики Алхастинского селища⁵⁵.

Некоторые фрагменты алхастинской орнаментированной керамики, от сравнительно крупных острореберных сосудов с вытянутыми шейками, встречаются аналогичны среди погребального инвентаря раннескифского времени. Такова, например, часть сосуда из темносерой глины, украшенного по основаниям плечиков нарезным геометрическим орнаментом и напоминающего известный сосуд из кургана № 1, у дер. Гамарки (Киевщина)⁵⁶. Близкими же этой категории предметов являются сосуды из собрания Зноско-Боровского, а также сосуд из кургана у с. Будки (Полтавщина)⁵⁷. Более грубые сосуды, в виде горшков с налепным шпиковым орнаментом у горла, сходные с алхастинскими, известны с Вельского городища и из кургана № 3 в Осягах⁵⁸, из кургана, в урочище «Голушчино» (Киевщина)⁵⁹, из кургана № 2 у с. Востковны (Полтавщина)⁶⁰ и ряда других мест Украины⁶¹. Территориально же наиболее близким памятником, давшим керамический материал, сходный с алхастинским, является могильник, исследованный близ г. Моздока работниками б. ГАНМБ и Эрмитажа. Некоторые Моздокские курганы содержали крупные острореберные сосуды с сильно расширяющимися корпусами и высокими шейками, аналогичные тем, которые, судя по найденным крупным фрагментам, бытовали на Алхастинском селище. В окрестностях же г. Моздока было открыто и поселение с остатками зольников, откуда получен материал, аналогичный выше рассмотренному и относящийся к раннескифскому времени VII—VI вв. до нашей эры⁶². Синхронными алхастинскому и моздокским памятникам являются и некоторые погребения Пятигорья⁶³.

Рассмотрение всех категорий находок, сделанных в верхних слоях Алхастинского селища при учете сравнительного материала, позволяет уверенно говорить о времени образования этих слоев — это 1-я половина 1-го тысячелетия до нашей эры.

⁵³ Там же, стр. 103, 113, 206.

⁵⁴ В. А. Городцов, Труды XIV Археологич. съезда, т. III, 1911 г., стр. 206.

⁵⁵ Материал из Вельского городища находится в ГИМ.

⁵⁶ Д. Я. Самоквасов «Могилы Русской земли», 1908 г., стр. 9.

⁵⁷ Б. И. и В. И. Ханенко «Древности Приднепровья», вып. III, 1900, табл. LXIII, рис. 2, вып. II. 1899 г., стр. 8, табл. XXXIV, рис. 682.

⁵⁸ В. А. Городцов, Труды XIV Археологич. съезда, т. III, 1911 г., стр. 124; табл. 1, рис. 5 и 9.

⁵⁹ Б. И. и В. И. Ханенко «Древности Приднепровья», вып. III, 1900 г., стр. 20, табл. LIII, рис. 819.

⁶⁰ Там же, табл. XXXIV, рис. 676, стр. 7.

⁶¹ А. Бобринский «Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы», т. II, 1894 г., стр. 19, рис. 4/6.

⁶² Б. В. Луния «Археологические раскопки 1935 г. в окрестностях Моздока», «Наука и жизнь», 1936 г., № 4, стр. 39—40.

⁶³ Д. Я. Самоквасов «Могилы Русской земли», 1908 г., стр. 124, гробница № 2, сосуды №№ 1908—1910.

Наличие же четырех маловыразительных предметов из бронзы и отсутствие железа позволяют предполагать здесь и более ранний материал — начала 1-го тысячелетия до нашей эры, пока четко не выделяющийся.

Нельзя не учитывать одного обстоятельства: наиболее близкие объекты — Моздокские памятники и Бельское городище дали немало очень показательных бронзовых вещей и даже железо (Бельское городище). На Алхастинском поселении этих находок пока еще не сделано.

В отличие от древнейшей культуры, прослеженной по материалу из нижних слоев этого селища, эту культуру условно будем именовать «культурой I». Можно полагать, что ей непосредственно предшествует «культура I».

К этой же «культуре II» относится одна, очевидно, хозяйственная яма, обнаруженная в процессе раскопок III и IV траншей; яма имела прямоугольную форму, $1,80 \times 0,80$ м; глубина ее — 1,30 м. Яма была засыпана верхним культурным слоем. У северной стены на дне обнаружена куча бусыжника (рис. 3). Кроме обломков керамики, никаких иных остатков в яме не найдено.

В процессе раскопок Алхастинского селища использовано преимущество раскопок подобных памятников рядами небольших участков, перед раскопками большими площадями; раскрытые памятники обширными траншеями дает значительное количество профилей, отсутствующих при раскопках большими площадями. Между тем, чаще всего именно в профиле и фиксируются все особенности stratigraphии памятника. План же почти всегда не столь показателен. Достаточно сказать, что все три объекта на селище (могила, хозяйственная яма и катакомба — о ней см. стр. 185) обнаружены были именно по профилям стенок траншей.

Основой хозяйства носителей этой «культуры II», очевидно, нужно считать скотоводство и земледелие. Правда, следует оговориться, что определению подвергся далеко не весь остеологический материал; значительная часть его состоит из трудно определяемых и мелкодробленых костей. Кости свиньи определены без подразделений на остатки домашней и дикой свиньи (последняя по моему мнению распространена в окружающих лесах). Тем не менее, довольно четко выявляется соотношение видов животных, окружавших алхастинского человека «культуры II». На первом месте стоит корова, далее лошадь, затем овца, свинья (даже если мы предположим, что здесь больше костей дикого кабана), затем собака и, наконец, олень (см. таблицу).

ТАБЛИЦА

Находок костей диких и домашних животных на Алхастинском селище ⁶⁴

№№ п/п.	Виды животных	Раннескифская эпоха			Эпоха бронзы		Из неопр. слов	Всего
		1-й, штыковые	2-й, слои	3-й, слои	4-й, слои	5-й, слои		
1	Бык (Bos)	7	9	17	2	1	1	37
2	Лошадь (Equus)	3	2	3	1	—	—	9
3	Овца (Ovis)	3	2	1	1	3	—	10
4	Свинья (Sus)	10	23	19	9	2	4	67
5	Собака (Canis)	—	1	1	1	—	—	3
6	Олень (Cervus)	1	—	—	—	—	—	1

⁶⁴ Определение остеологического материала произведено сотрудником Моск. отдел. ИИМК АН СССР Н. А. Сугробовым.

Обломки каменных жерновов и терочников, фрагменты очень крупных сосудов (по ряду данных, служивших зернохранилищами), найденных на поселении, наконец, общий облик всего памятника, аналогичного многим украинским, указывают на земледелие, игравшее значительную роль в хозяйстве обитателей поселения. Район представляет особенности, очень благоприятствующие развитию именно земледелия.

Древние алхастинцы занимались также и рыболовством. Каменные грузила и небольшое количество костей рыбы, найденные на селище, говорят за это. Река Асса достаточно богата рыбой, чтобы стимулировать занятия рыболовством.

Вероятно, охота играла подсобную роль в хозяйстве древних алхастинцев.

Разнообразие посуды, как по величине, технике, так и по форме предполагающей разнообразные функции (от горшков-зернохранилищ до мисок, чарок и миниатюрных сосудиков), с одной стороны, указывает на широкое использование продуктов растительного и животного происхождения и, с другой — позволяет приписывать населению селища хорошее гончарное мастерство.

Наличие глиняных и шиферных пряслиц, бронзовых и костяных шпильев и проколов свидетельствует как о ткачестве, так и о шитье из кожи и грубошерстной ткани.

Весь полученный материал позволяет только в общих чертах представить себе именно такой хозяйственный облик древних алхастинских насельников.

Малая изученность скифских и близких им городищ и селищ вообще, а в пределах Северного Кавказа — в особенности, выдвигает на первый план задачу систематического изучения Алхастинского поселения. Пока же можно констатировать, что оно является совершенно новым и весьма интересным памятником края.

VI

Вторым крупным и научно-ценным археологическим объектом, подвергнувшимся исследованию, был могильник, расположенный вблизи станции Нестеровской. История обнаружения этого нового и интересного памятника заслуживает быть отмеченной. Весною 1938 г. контора строительства узкоколейной железной дороги от ст. Слещовской до лесозавода «Мужич» в поисках правды близ станции Нестеровской устроила карьер. В процессе работы на карьере был открыт могильник, пусто насыщенный погребениями. Руководители работ проявили преступно-легкомысленное отношение к обнаруживаемым памятникам. Соответствующие организации гг. Грозного и Орджоникидзе (Институт истории и языка и музея краеведения) не были извещены о находках. Работы же на карьере продолжались, в результате чего было разрушено до полусотни погребений, а весь найденный могильный инвентарь погиб безвозвратно. Первоначально травил оказался для строительства мало пригодным, и работы были приостановлены. Только это обстоятельство и сохранило остатки памятника.

В августе месяце 1938 г. участники экспедиции осмотрели могильник; ознакомлением с этим памятником мы обязаны исключительно жителю ст. Нестеровской рабочему карьера А. В. Бражникову и жителю сел. Алхасте колхознику А. С. Арчакову; они передали нам небольшую коллекцию вещей, собранную на могильнике. От гр. Бражникова получены три бронзовые браслета из толстого прута, овального сечения с несходящимися, расщепленными концами. От гр. Арчакова приобретены:

- 1) медная штампованная бляшка в виде двух выпуклых овалов, соединен-

ных между собою. По краям овалов точечный пунктирный орнамент. Середина каждого овала заполнена крестообразным знаком с загнутыми концами, также выполненным пунктиром ⁶⁵;

2) один бронзовый браслет из круглого прута, с несходящимися распуснутыми концами (табл. V, рис. 1);

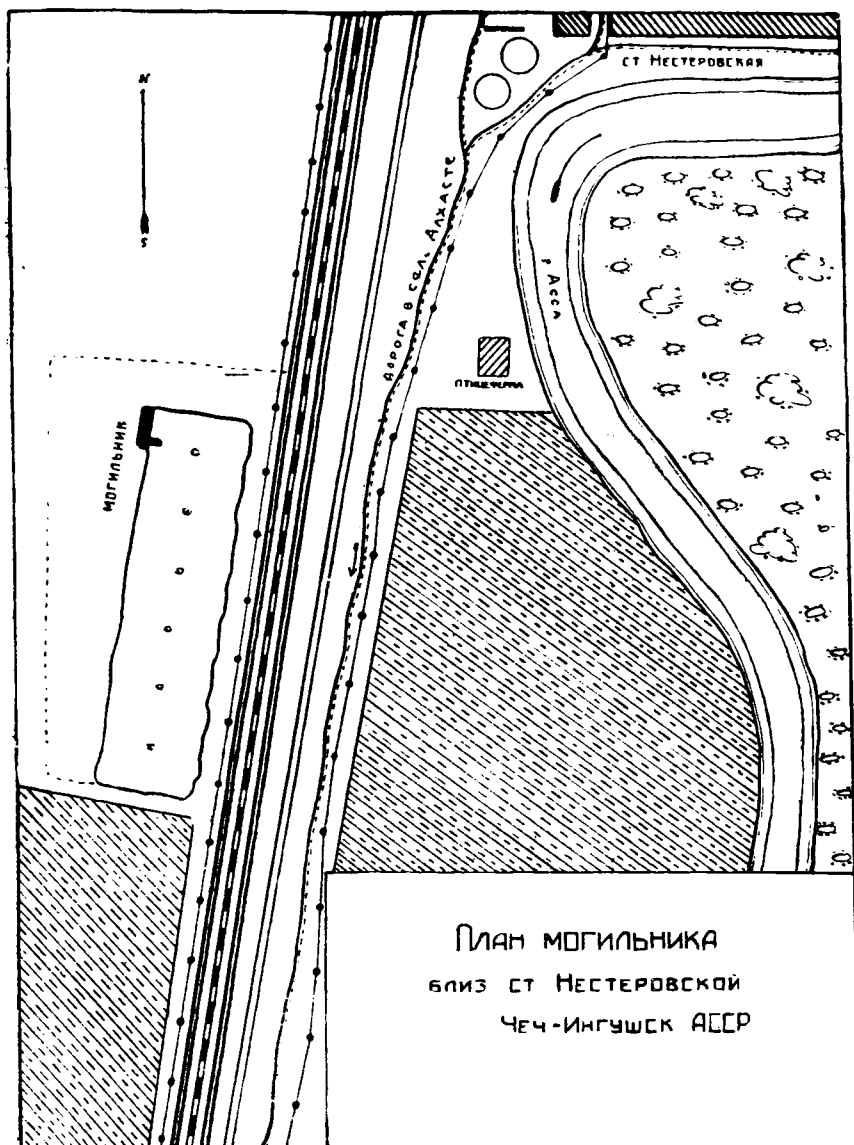

Рис. 7. План Нестеровского могильника.

⁶⁵ По словам гр. Бражникова и других рабочих, участвовавших в работах по выборке гравия, подобные бляшки были найдены в нескольких могилах. Эти бляшки покрывали грудь некоторых костяков, являясь как бы частями панциря.

3) пять обломков бронзовых браслетов разной толщины, подобных только что описанным;

4) два железных браслета разной толщины, так же как и бронзовые с несходящимися и расплюснутыми концами, один обломан;

5) железная фигурная пряжка из расплюснутого прута, с клювообразным крючком с обратной стороны (табл. V, рис. 2);

6) железный нож с плоской, расширяющейся книзу просверленной рукоятью и слепка изогнутым лезвием. Общая длина ножа — 24 см, рукоятки — 10 см (табл. V, рис. 3);

7) обломок широкого лезвия от меча или кинжала, сильно деформированный;

8) два железных наконечника копий, втульчатые, листовидные, со сквозными отверстиями во втулке (табл. V, рис. 4);

9) подобный же наконечник копья, сильно деформированный;

10) два глиняные пряслица; одно конической формы; второе трапецевидной формы, с вогнутыми сторонами (табл. V, рис. 5, 6).

Эти предметы подтвердили сведения о разграблении Нестеровского могильника, ориентировочно определили характер могильного инвентаря и укрепили решение исследовать новый для района памятник.

Могильник назван нами Нестеровским по наименованию станицы (Нестеровской), от которой он находится на расстоянии около одного километра к юго-западу. Расположен он на второй террасе левого берега р. Ассы. От берега могильник отделяют колхозные огороды, тянущиеся метров на 200, и тройная линия дорог: узкоколейка, шоссе и проселочная (рис. 7).

С западной стороны узкоколейки почти вплотную примыкает карьер для гравия, парастельный узкоколейке. Длина — 135 м, ширина 20—30 м. За карьером в 5—7 м западнее начинаются уже пахотные участки. Площадь, занятая карьером, также использовалась ранее под посевы.

По свидетельству рабочих, погребения встречались почти на всей площади карьера, причем некоторые были обнаруживаемы под небольшими курганными насыпями. Действительно, обследованием установлено, что на еще нетронутой карьером территории находятся весьма небольшие возвышения, диаметром в 3—4 м и высотой не превышающие 0,20—0,40 м. Возможно, что это остатки распадавшихся длительное время небольших курганов. Показания рабочих о массовых погребениях подтверждались и находками обломков керамики и костей человека, разбросанных по всей площади карьера. Больше таких находок обнаружено в северной части раскопа, почему и было решено приступить к раскопкам именно у северо-западного угла карьера.

Стратиграфия установлена по стенкам карьера.

Почва, в которой вырыты ямы могил, состоит из сравнительно тонкого растительного слоя, чернозема и суглинка, причем резкой разницы между этими слоями не наблюдается, особенно между двумя верхними.

Все три слоя содержат огромное количество мелкой тальки, что чрезвычайно затрудняло работу, особенно расчистку костяков.

Раскоп был затоплен длиной в 14 м, и шириною в 4 м и разбится поспойно по квадратам, 2×2 м. В юго-восточном углу вскрыт оставленный рабочими выступ 2×4 м. В процессе работы в разных местах раскопа были обнаружены костяки (рис. 8). Погребения получали нумерацию в последовательности их обнаружения. Всего найдено семь погребений.

Погребение № 1. На глубине от поверхности 0,23 м открыты кости человека, головой на ССВ, в нарушенном состоянии. Положение погребенного установить трудно, кости очень плохой сохранности, череп разбит; нижняя челюсть в стороне на значительном расстоянии. У головы две бусины, одна сер-

доликовая, шаровидная, другая стеклянная, круглая, уплощенная, обломанная. Под остатками тазовых костей железный нож — клижал весьма редкого типа: рукоять обычного скифского акинака, с закрученными концами верх-

Рис. 8. План раскопок Нестеровского могильника.
Масштаб: 1/80

ней переключины и сердцевидной нижней; клинок представляет собою одностороннее лезвие, значительно изогнутое, напоминающее серповидный нож; общая длина клинка 0,27 м, рукоятки — 0,12 м (табл. V, рис. 7). В стороне ног, на некотором расстоянии от костей, глиняный грубый толстостенный горшочек с одной ручкой (в обломках) и обломок железного предмета — шила (?).

Погребение № 2. В профилях выступа, оставленного рабочими, были видны разбитые кости человека. Расчистка на глубине 0,45—0,48 м обнаружила второе погребение, значительно разрушенное. Костные остатки находились в беспорядке. Установить расположение костей весьма плохой сохранности не представлялось возможным. В северо-восточной части, почти в ряд, 10 глиняных сосудов разных размеров, мелкие вставлены в более крупные; ни один из них не сохранился целым.

Кроме 7 чашек обычной формы, здесь найдены: одна мисочка, по бортику покрытая геометрическим нарезным орнаментом, и два горшочка, из которых больший на венчике имеет напелной шиповый орнамент (табл. VI, рис. 1, 2).

Около сосудов найдено рассыпанными 10 целых и 17 обломков разноцветных стеклянных бус разной формы и величины; большинство бус зеленые в виде уплощенных кружков (табл. V, рис. 12). Кроме того, найдена одна бронзовая бусина из тонкой пластинки. В разных местах обнаружено два неодинаковых глиняных пряслица, обломки железного листовидного копья со втулкой, мелкие обломки железных ножа и проколки, а также обломки двух железных браслетов из нетолстого прута с расплюснутыми концами. Кроме того, вблизи сосудов найдены четыре бронзовые трубочки — пронизи, из них одна распахавшаяся (табл. V, рис. 8), две кремневых пластинки, два целых и один в обломках бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника стрел явно скифского типа (один наконечник с обломанным шипом) (табл. V, рис. 9, 10) и два обломанных железных плоских наконечника стрел с опущенными крыльями (плоски) (табл. V, рис. 11). Очевидно, могильный инвентарь этого богатого погребения частично погиб при разработке карьера.

Погребение № 3. На глубине 0,28 м также прямо в грунте обнаружен человеческий костяк, лежащий скорченно на правом боку; ориентировка на север; позвонки сильно согнуты в коленях; кисти рук подняты к лицу. Кости очень плохой сохранности, особенно черепные, распавшиеся на отдельные части. Мелкие кости ног и рук не сохранились. Слева у головы скелета несколько фрагментов разбитого сосуда грубой техники. Тесто имеет значительное количество примеси крупнозернистого песка. Сосуд сильно обожжен. Стенки частично восстановленного сосуда прямо переходят в днище. Кроме обломков сосуда, у шейных позвонков костяка найден бронзовый или медный маленький сегментовидный предмет в сечении треугольный, напоминающий крупный выщербленный остаток лезвия ножа. Других вещей при костяке не найдено.

Погребение № 4. На глубине 0,25 м от поверхности найдены костные останки человека, далеко неполные и в беспорядке; определимы только бедренная кость и череп плохой сохранности; остальные кости в мелких обломках. Среди костей бронзовый трехлопастный наконечник стрелы без шипа скифского типа и несколько мелких фрагментов керамики.

Погребение № 5 вскрыто на глубине 0,50 м. Костяк, головой на ССВ, лежит скорченно на правом боку. Кости скелета, как и предыдущие, плохой сохранности. Руки были сложены так, что кисти находятся у лицевых костей. Раздавленный на мелкие части череп лежал на небольшой каменной плитке валуна. Судя по сильной стертости зубов, возраст покойника значи-

телен. На плитке по другую сторону черепа две серебряных серьги в виде колец из довольно толстой проволоки со слегка заходящими концами (табл. V, рис. 13, 14). У шеи пять стеклянных зеленоватых утолщенно-круглых бус (одна разбита). У лучевых костей рук — одно глиняное пряслище (табл. V, рис. 15) с выемчатым основанием, по типу близкое пряслищам из погребения № 2.

Два последних погребения, №№ 6 и 7, в отличие от предыдущих сбиты и завалены крупным булыжником, причем могилы завалены не по кругу, как наблюдалось в некоторых курганных погребениях Украины, а в виде прямоугольников.

Погребение № 6. Под растительным слоем на глубине 0,20 м обнаружен двойной слой крупного булыжника поперечником до 0,25 м. По разборке этого слоя оказалось, что крупные камни заполняют прямоугольную площадку; длинные стороны ее, обращенные к ССВ и ЮЮЗ, равняются около 2—2,10 м, остальные около 1,80 м.

По удалению булыжника на глубине 0,45 м в центре разобранной площадки обнаружены весьма незначительные остатки человеческого костяка. Части черепа находились в юго-восточном направлении по отношению к другим остаткам костяка. У черепных костей обломок маленького железного плоского трута, плохой сохранности. Других вещей при костях не обнаружено.

Погребение № 7. В 1—1,5 м к ЮЗ от погребения № 6 находилось последнее вскрытое погребение. На глубине 0,25 м от поверхности обнаружена прямоугольная кладка из булыжника $2,70 \times 1,10$ м поперечником до 0,25 м. Длинные сторонами она ориентирована на СВ ЮЗ и короткими ЮВ СЗ. В отличие от предыдущего погребения, булыжникам здесь сплошь покрыта была юго-западная половина прямоугольника (в 0,50—0,60 м).

По удалении булыжника на глубине 0,50 м обнаружен костяк человека, лежащий скорченно на левом боку с руками, поднятыми до уровня лица, головой на ЮВ. Кости очень плохой сохранности. У черепа один обломок височной.

Таковы результаты полевого исследования Нестеровского могильника.

Состояние некоторых вскрытых костяков, находившихся в беспорядке при очевидной непарушенности могилы человеком, пока трудно поддается объяснению.

Переходя к рассмотрению и определению добытого на могильнике материала, следует отметить резко бросающуюся в глаза однородность, позволяющую обобщать его с определенным кругом памятников скифской культуры V века до нашей эры.

Раньше всего несколько слов о железном кинжале, изогнутом и однолезвийном из погребения № 1 (табл. V, рис. 7). Абсолютно подобные акинаки мне неизвестны. Железные скифские кинжалы с плоской рукоятью с двух перекладинах — верхней с загнутыми внутрь концами и нижней сердцевидной формы — довольно обычны в скифских памятниках Украины. Вспомним хотя бы рукоять железного кинжала из Чигирина. Кинжал датируется VI—V вв. до нашей эры⁶⁶. Акинаки, близкие по типу нестеровскому кинжалу, но с прямыми двусторонним лезвием, известны и из Киевщины (один близ м. Смелы и другой — в Староселье)⁶⁷.

С территории Северного Кавказа также известны кинжалы, имеющие только некоторое сходство с нестеровским типом. Это железный акинак с

⁶⁶ Известия Арх. Комиссии, вып. 14, 1905 г., стр. 62, рис. 10.

⁶⁷ А. Бобринский «Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы», т. I, 1897 г., табл. VII, рис. 2 и 5.

прямым двусторонним лезвием из гробницы № 2 у кол. Каррас в Пятигории, датирующийся VI—V вв. до нашей эры⁶⁸. Подобный железный кинжал вместе с поздней кобанской бронзой обнаружен в могиле № 11 у сел. Пседах⁶⁹.

Из окрестностей североосетинских селений Чмп и Корца в собрании Уваровой имеется два однолезвийных и изогнутых железных кинжала, но с иными рукоятками.

Плоской, несколько расширяющейся к концу рукоятке нестеровского железного ножа (табл. V, рис. 3) очень близки железные ножи с рукоятками, обложенными костяными или роговыми пластинками из курганов у Дарьевки⁷⁰ и других мест Украины. Железные наконечники копий листовидной формы с отверстиями во втулке также являются обычной принадлежностью могильного инвентаря подкурганных погребений украинских степей. Бронзовые и железные браслеты из прута со сплюснутыми и несходящимися концами повторяют типы браслетов поздней стадии кобанской культуры⁷¹ и, с другой стороны, входят в скифские комплексы Пятигорья⁷². Железная фигурная поясная пряжка из Нестеровского могильника (табл. V, рис. 2) абсолютно подобна бронзовой пряжке из окрестностей североосетинского селения Чмп⁷³.

Весь остальной материал могильника также встречает многочисленные аналогии в памятниках степной полосы Украины и Предкавказья. Глиняная посуда: мисочка с орнаментированным краем (табл. VI, рис. 2) и сосуд с ребристым корпусом (табл. VI, рис. 1) очень близки некоторым сосудам из Моздокского могильника; такая же чашечка найдена Самоквасовым в гробнице № 2 у кол. Каррас; в других гробницах этого могильника обнаружены чаши, также схожие с сосудами Нестеровского могильника.

Горшок, украшенный пилочковым орнаментом, очень близок сосудам из Вельского городища⁷⁴. Найденные на могильнике бронзовые и железные наконечники стрел (табл. V, рис. 9—11), глиняные пряслица (табл. V, рис. 15), стеклянные синие и белые бусы (табл. V, рис. 12), серебряные височные провололочные кольца (табл. V, рис. 13, 14) и бронзовые трубочки (табл. V, рис. 8) также не стоят одиноко в сопоставлении с материалом из многочисленных памятников скифской культуры периода ее расцвета⁷⁵.

Некоторые вещи, как посуда, бронзовые браслеты и др., по аналогии с предметами из Вельского городища, Моздокского могильника и из курганный группы на Чесноке-горе могут датироваться V и даже VI вв. до нашей эры⁷⁶; большинство же материала: наконечники стрел, прясла, бусы, оружие и другой тип керамики, не неся архаических черт, позволяют датировать погребения Нестеровского могильника V, а, может быть, и началом IV в. до нашей эры.

Близость со степными памятниками прослеживается и в способе погребения

⁶⁸ Д. Я. Самоквасов «Могины Русской земли», 1908 г., стр. 125.

⁶⁹ Отчет Археологич. Ком. за 1898 г., стр. 161.

⁷⁰ А. Бобринский «Курганы и случайные находки у мест. Смелы», т. II, 1894.

⁷¹ МАК, вып. VIII, табл. XXXIII, рис. 5 и 6.

⁷² Д. Я. Самоквасов «Могины Русской земли», 1908 г., стр. 125—6, гробн. 2—4.

⁷³ МАК, вып. VIII, 1900 г., табл. LVI, рис. 3.

⁷⁴ Труды XIV Археологич. съезда, т. III, 1911 г., стр. 160, табл. I, рис. 5 и 9.

⁷⁵ Там же, табл. II, рис. 4, 8.

В. И. и Б. И. Ханенко «Древности Приднепровья», вып. II, 1899 г., табл. II, рис. 55; табл. III, рис. 65; табл. XXXIV, рис. 655, 676; А. Бобринский «Курганы и случайные находки близ мест. Смелы», т. I, 1887 г., табл. IX, рис. 15.

⁷⁶ В. В. Лунин «Археологические раскопки 1935 г.», «Наука и жизнь», 1936 г., № 4, стр. 39.

ния, и в положении костяков. Как известно, далеко не все скифские погребения характеризуются положением на спине и вытянутостью костяков, даже на территории Украины; курганы так называемого «переходного периода» содержат в большем числе скорченные скелеты ⁷⁷.

А. А. Спицын в своей работе «Курганы скифов-пахарей» приводит целый ряд примеров разнообразия обряда и способа погребения, относящихся даже к одному периоду скифской культуры ⁷⁸.

В частности могильник со скорченными костями в окрестностях гор. Буденновска дал керамику, близкую посуде мажарских зольников ⁷⁹. Некоторое число могил Моздокского могильника также содержали скелеты, лежавшие на правом боку, с подогнутыми ногами ⁸⁰. Такой же обряд погребений наблюдался при исследовании ранних комплексов на Усть-Лабинском могильнике и на могильнике Исти-су, ближайшем к Нестеровскому ⁸¹; последние памятники являются грунтовыми могильниками, как и Нестеровский.

Все эти обстоятельства не позволяют Нестеровский могильник и Алхастинское селение рассматривать изолированно от памятников Скифии, тем более что скифская культура в западном и северном Предкавказье признана бесспорно ⁸²; при отнесении же к скифской культуре пятигорских могильников авторы проявляли сугубую осторожность ⁸³.

Но советские археологи-кавказоведы значительно умножили свой опыт и материалы из могильников и мест поселений, содержащих элементы скифской культуры. И проявленная некогда осторожность в вопросе признания скифских элементов в центральном и даже в восточном Предкавказье в наше время лишена оснований ⁸⁴.

Применительно к юго-восточной окраине территории скифской культуры, включая сюда и все Предкавказье, в силе остается положение, высказанное М. П. Ростовцевым в 20-х годах нашего столетия о том, что «географические границы области господства этой (скифской) культуры до сих пор с точностью указаны быть не могут» ⁸⁵. Выяснить эти границы может и должна только плановая археологическая работа на Северном Кавказе.

Изучаемые памятники — Алхастинское поселение и Нестеровский могильник, хранящие элементы местной и скифской культуры наряду с могильником Исти-су и рядом других памятников на территории восточного Кавказа, не могут считаться пограничными представителями, отражающими скифскую культуру. На периферии какой-либо культуры и нельзя ожидать концентрации резко выраженных черт ее; давая общую характеристику культуре скифов, М. П. Ростовцев писал: «Основною характерною особенностью этой культуры на всем ее протяжении является смешанность составных ее элементов, притом не везде одинаковых. В состав ее вхо-

⁷⁷ А. А. Спицын «Курганы скифов-пахарей», Изв. Археологич. Ком., вып. 65, 1918 г., стр. 89—98.

⁷⁸ Там же, стр. 111—115.

⁷⁹ «Известия Археологич. Ком.», вып. 65, 1918 г., стр. 142.

⁸⁰ «Наука и жизнь», 1936 г., № 4, стр. 39.

⁸¹ «Вестник древней истории», 1938 г., № 2 (3), стр. 249—250.

⁸² «Известия Археологич. Ком.», вып. 65, 1918 г., стр. 137, 140.

⁸³ Там же, стр. 143.

⁸⁴ Не говоря уже о данных, полученных научными раскопками, следует указать на многочисленные случайные находки бронзовых наконечников скифских стрел в песках Северного Дагестана. Двухперая втульчатая с шипом стрела из м. Төрекли-Мектеб была передана художником И. П. Шеблыкным в Гос. Историч. Музей в 1938 г. О многочисленных находках наконечников скифских стрел в песках Кизлярского района мне сообщил геолог Л. Д. Бельгий.

⁸⁵ М. П. Ростовцев «Скифия и Боспор», ГАИМК, 1925 г., стр. 302.

дят, прежде всего, разнообразные по местам элементы местной, так называемой доисторической культуры». Применительно к Северному Кавказу он писал: «в состав так называемой скифской культуры входят еще и другие, менее важные и значительные, но тем не менее, уловимые (элементы — Е. К.). К составу последних можно причислить некоторые культурные элементы, свойственные главным образом Кавказу»⁸⁶ (подчеркнуто мною — Е. К.).

Выразительным представителем культуры, совмещающей в себе элементы древней, местной, горной и степной скифской культуры, и является Нестеровский могильник. В каком отношении находится он к Алхастинскому поселению (верхний горизонт) — пока неясно.

Весьма вероятно, что и Алхастинское поселение и Нестеровский могильник следует считать памятниками, представляющими местную, степную культуру, развивавшуюся под сильным и длительным воздействием скифской.

VII

Один, по сравнению с предыдущими, довольно поздний памятник заставляет вернуться к Алхастинскому селению.

При зачистке два 2 и 3 участков IV траншеи у восточной стены на глубине 1,1 м было обнаружено почти прямоугольное темное пятно, вытянутое с Ю на С.

Раскрытием пятна установлено наличие вырытой в плотном суглинке на большой глубине катакомбы, свод которой давно рухнул. Входом в катакомбу служил трехступенчатый корридор, вытянутый с ССВ на ЮЮЗ, у конца которого на глубине около 1,5 м была вертикально поставлена песчаниковая плита (размерами $0,76 \times 0,33 \times 0,05$ м), закрывавшая вход в катакомбу. Дно конца корридора покрывал редкий гравий. На третьей ступени корридора, у самой плиты найдены обломки черного плоскодонного горшка, сделанного на круге.

Длина корридора не превышала 2 м, ширина его у верхней ступени 0,80 м, при входе в катакомбу она достигла 1 м. Ступеньки корридора также неодинаковы (см. план рис. 9). Потолок катакомбы обвалился.

Катакомба имела форму овала ($2 \times 1,1$ м), расположенного перпендикулярно корридору, и вырыта в плотном суглинистом грунте узкими плоскими орудиями, следы работы которых сохранились кое-где на стенках.

Оказать определенно о высоте погребальной камеры трудно, но если судить по ее сужающимся стенкам, не подвергнувшимся обвалу, можно думать, что общая высота ее немного превышала 1,5 м и что потолок ее мог быть сводчатым.

На дне катакомбы, вытянуто на спине, головой на запад, лежали два человеческих скелета исключительно плохой сохранности. Кости скелетов представляли собой порошкообразную массу. Судя по зубам, оба погребенные преклонного возраста. Первый от входа скелет — мужской, второй — женский. В головах находились три глиняные сосуда, сделанные на гончарном круге. Первый — черный лощеный сосуд с широким корпусом имел по бокам два небольших палецных выступа, в виде лунки, с отверстиями, очевидно, для подвешивания. Высота сосуда — 19,5 см, диаметр горла — 10,5 см; слабо выраженные плечи сосуда объясняет тройная линия на широких полюс, переходящих над выступами — ручками. Рядом с этим сосудом находилась крышка

⁸⁶ Там же, стр. 302.

с коническим верхом, в котором имелось отверстие; крышка из серой глины, лощеная; ее размеры: высота 5,5 см, диаметр 13,5 см. Крышка плотно при-
ходится к большому сосуду (табл. VII, рис. 1).

По другую сторону большого сосуда находилась лощеная миска из темно-серой глины с загнутыми внутрь краями; высота блюда 8 см, диаметр 25 см (табл. VII, рис. 2). Внутри миски стояла небольшая плоскодонная и невысокая, также лощеная чарка с ручкой в виде стилизованного животного; нижняя часть борта украшена нарезными двойными кружками, соединенными между собой слабо намеченными волнистыми полосами. Высота чарки 4,8 см, диаметр — 8,75 см (табл. VII, рис. 3).

В той же миске оказалось медное обломанное шило или игла от фибулы.

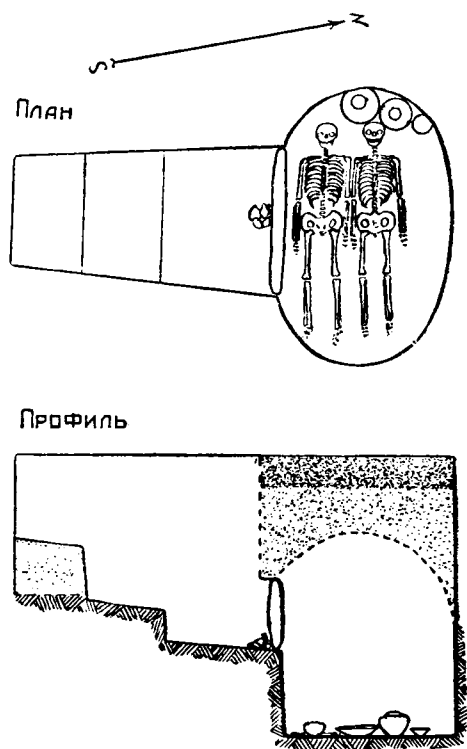

Рис. 9. План и профиль катакомбы, вскрытый на Алхастинском селище.
1/50 н. в.

У мужского скелета обнаружены: железная круглая пряжка с язычком, круглая крупная рифленая бусина из голубой пасты, найденная в полости грудной клетки (табл. VI, рис. 3), фибула с дужкой так называемого римского типа, обвитая бронзовой проволокой. На приемнике фибулы с оборотной стороны сохранился отпечаток грубой шерстяной ткани. Фибула найдена у пояса с правой стороны (табл. VI, рис. 4).

У женского скелета обнаружены: две стеклянные бочкообразные золоченые бусины у шеи. Две серебряные фибулы арбалетного типа, с расширенными пластинчатыми приемниками, лежавшие на груди (табл. VI, рис. 5, 6). Зеркальце из сплава, диаметром в 5,5 см, частично обломанное еще до захоронения. По краю округлости обратной стороны идут парные слабо выступающие

валяшки, расстояние между которыми заполнено радиальными валяшками; внутри второго круга вписан квадрат, исполненный в той же манере. Зеркало найдено у пояса (табл. VI, рис. 7).

Между костяками — медная маленькая пряжка из тонкой проволоки. Щиток пряжки по краю покрыт слабо выраженным выпуклым точечным орнаментом (табл. VI, рис. 8); железный нож небольшого размера.

Этими находками исчерпывается могильный инвентарь алхастинской катакомбы.

Самый тип сооружения (катакомба) в данном районе установлен недавно в окрестностях сел. Верхн. Алкуп⁸⁷. Одна катакомба исследована экспедицией ГИМ в 1937 г., в лесу близ сел. Алхасте (о чем подробнее ниже). Эти погребения датируются VI—X вв. нашей эры.

Инвентарь же катакомбы, вскрытый на алхастинском селище, значительно отличается от инвентаря указанных погребений и характеризует иную эпоху, чем алкупские катакомбы.

Инвентарь этой катакомбы в некоторой части типичен для весьма обширной территории юго-восточной Европы первых веков нашей эры. Памятники этой эпохи достаточно хорошо известны на сев.-западном Кавказе и в центральной части Северного Кавказа. Так, например, бронзовые с витой дужкой и арбалетные фибулы, аналогичные фибулам катакомбы алхастинского селища, известны из могильников Сев. Осетии у сс. Кумбулты и Камупты⁸⁸ из окрестностей сел. Балта и Задалеск⁸⁹ и других мест. Подобные фибулы встречаются особенно часто в подкурганых погребениях раннеримского времени⁹⁰. Большое количество их известно из разных районов Украины⁹¹, Нижнего Поволжья⁹² и особенно из окрестностей Керчи⁹³.

Подобные же фибулы входили в инвентарь погребений №№ 40 и 87, вскрытых в Краснодарском могильнике на Почтовой улице. Дата погребений — II—III вв. нашей эры⁹⁴.

Бусы мелкие стеклянные золоченые и крупные рифленые из голубой «египетской» пасты, также широко распространены, как и фибулы, которым они обычно сопутствуют⁹⁵. Голубые мелкие и крупные рифленые бусы дал Сузловский курганный могильник. В. А. Городцов отмечает голубые бусы в Бахмутском районе, относя их к II веку нашей эры. Стеклянные золоченые бусы, иногда парные и тройные, найдены нами в 1938 г. на могильнике «Верхняя Рутха» (Сев. Осетия) при вскрытии погребений, датируемых временем около начала нашей эры.

⁸⁷ Раскопки Ингушского музея 1933 г. под руководством Л. П. Семенова и экспедиции ГИМ, 1939 г.

⁸⁸ МАК, вып. VIII, 1900 г., табл. I, XXXVIII, рис. 10—11.

⁸⁹ МАК, вып. VIII, табл. I, XXXI, рис. 16 и табл. LXV, рис. 25.

⁹⁰ Отчет Археологич. Комиссии за 1894 г., стр. 38, рис. 41 и стр. 85 рис. 140.

⁹¹ Отчет Археологич. Комиссии за 1891 г., стр. 87, рис. 67.

⁹² Там же, за 1898 г., стр. 78, рис. 140—141; за 1895 г., стр. 52, рис. 65/6; «Советская археология», № 1, 1936 г., стр. 145, рис. 17, курган № 13; P. Rau «Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga», Pokrowsk, 1927 г., стр. 9, рис. 1д., стр. 46, рис. 71, стр. 53, рис. 83, стр. 56, рис. 86.

⁹³ Отчет Археологич. Комиссии за 1894 г., стр. 90, рис. 153; Д. Я. Самоквасов «Основания хронолог. классификации», Варшава, 1892 г., стр. 24, № 1212.

⁹⁴ Из письма Н. В. Анфимова; за консультацию и любезное разрешение сослаться на его материал Н. В. Анфимову приношу благодарность.

⁹⁵ МАК, вып. VIII, табл. LXXXII, рис. 39 (из Лизгора); Д. Я. Самоквасов, Указ. соч., стр. 23, № 1144 (из Керчи); Ханенко «Древности Приднепровья», вып. II, табл. XXXIII, рис. 592 (из Каневск. уезда Киевск. губ.); Указ. соч., стр. 23, рис. 22в.

Обломанное зеркало, найденное в катакомбе, не составляет исключения из целой серии аналогий известных по могильному инвентарю римской эпохи из юго-востока Европы. Известно одно зеркало из Нижнего Поволжья, абсолютно схожее по орнаментовке с нашим ⁹⁶. На этом зеркале сохранились только основания бокового ушка, чего нет на нашем зеркале. Как уже отмечено, найденное в катакомбе зеркало положено в могилу обломанным.

Подобные случаи нередки в практике раскопок. Некоторые авторы с достаточным основанием объясняют этот факт суеверным представлением о значении зеркал.

Глиняной посуде из катакомбы Алхастинского селения также имеются многочисленные аналогии среди того же круга памятников. Миски — блюда с вогнутыми краями, подобные нашей миске, известны из раскопок в Северной Осетии у села Корца ⁹⁷, причем в одной могиле вместе с арбалетной фибулой и зеркалом, типичным для сарматских погребений Юга СССР римского времени. Такие же миски найдены в кургане № 3 на Сусловском могильнике, из урочища «Три брата» Калмыцкой АССР ⁹⁸ и ряда других мест. Сосуды с ручками в виде стилизованных животных также широко известны из сарматских погребений. Например кувшины с двумя такими ручками из кургана № 13, в том же урочище «Три брата» Калмыцкой АССР ⁹⁹, в Северной Осетии ¹⁰⁰, Краснодарском могильнике и других пунктах.

Весьма интересен черный лощеный сосуд из нашей катакомбы, украшенный двумя лунницобразными просверленными выступами для подвешивания. Параллели ему мне неизвестны. Брызгалки же с коническим верхом и отверстием в нем известны из раскопок кубанских могильников II — III вв. нашей эры.

Значение Алхастинской катакомбы заключается в том, что она является пока единственным памятником для всей территории Ингуши и, пожалуй, должна стоять в одном ряду с большой группой подкурганых катакомбных погребений близ сел. Алхан-Кала (Чечня) ¹⁰¹.

VIII

К последующему культурному этапу, открытому в данном районе, относятся могилы, раскопанные Панкратовым (стр. 161). В целях обнаружения аналогичных памятников экспедицией выполнена разведка в окрестностях бывшей станицы Фельдмаршальской (почти на полпути от Нестеровской к Алхасте). На шевыловском седловидном отроге древней террасы, сильно заросшем молодым лесом, в 1,5 км к ЮЗ по прямой линии от быв. ст. Фельдмаршальской обнаружено около полусотни больших оплывших ям, являющихся следами раскопок не одного Панкратова. По свидетельству местных жителей, это место издавна раскапывалось населением, находившим здесь железные удила, стремена, бляхи и т. п. Наши попытки обнаружить нетронутую могилу были безуспешны. В процессе раскопок найдены отдельные предметы: пастовая цилиндрическая зеленая бусина с красными разводами, обломок бронзовой пуговицы, носик от сосуда, ручка и фрагменты керамики, несомненно, указывающие на производство хищнических раскопок.

Только в одном случае в лесу под мощным слоем черной толщиной в 0,65 м обнаружена обвалившаяся катакомба, вырытая в плотной глине.

⁹⁶ Р. Рау, указ. соч., стр. 9, рис. 1а.

⁹⁷ МАК, вып. VIII, 1900 г., табл. LXXIX, рис. 13—14, стр. 171.

⁹⁸ «Советская археология», № 1, 1936 г., стр. 153, рис. 22, курган № 24.

⁹⁹ Там же, стр. 146, рис. 16.

¹⁰⁰ МАК, вып. VIII, табл. I, XXXV, рис. 6.

¹⁰¹ Отчет Археологич. Комиссии за 1887—88 гг. и «Записки Чечено-Ингуш. науч.-иссл. ин-та языка и истории», 1938 г., Грозный, стр. 12.

На глубине 3,76 м от поверхности на малом уступе, являющемся как бы ступенькой у входа в катакомбу, найден кувшин, сделанный из серой глины на гончарном круте, шпеченый с отбитой ручкой.

На глубине 4 м был зачищен пол катакомбы. На стенах последней сохранились следы орудия в виде узкой мотыги с закраинами. Судя по основанию свода, катакомба была почти круглой в плане, диаметром 1,95 м и 1,90 м. Предполагаемая высота катакомбы более 1 м. На дне ее совершенно истлевший костяк головы на СЗ, лежавший скорченно на левом боку на угольной прослойке. По стертости зубов погребенный был средних лет. В чрезвычайно плотном глинистом слое, вблизи костяка, но в разных местах найдены: обломок бронзовой пуговицы, девять бус (8 стеклянных золоченых круглых и 1 пастовая), одна просверленная крупная раковина, две полусферических бляшки, бронзовая спираль и бронзовое проволочное кольцо.

Весь инвентарь этой катакомбы повторяется в некоторых катакомбных могилах близ сел Гоуст и Балта¹⁰², а также сближается с инвентарем могил Сев. Осетии¹⁰³, но особенно близко он стоит к материалу из катакомбного могильника у сел. Дуба-Юрт¹⁰⁴, время существования которого относится к концу VIII — началу IX в. нашей эры.

Пожалуй, к концу бытования катакомбных потребностей и нужно отнести вскрытую нами в лесу катакомбу.

Между прочим, и панкратовские находки 1913 г. также датируются автором статьи об ассижских древностях VIII—IX вв. нашей эры. Любопытно отметить, что проведенными раскопками в районе фиксируется заметная имущественная дифференциация между богатыми погребениями в могилах, раскопанных Панкратовым, и бедным, очевидно, женским погребением в катакомбе, раскопанной нами, т. е. вскрыта картина имущественного и, очевидно, социального неравенства среди населения Сев. Кавказа эпохи раннего средневековья.

При ознакомлении с окрестностями ингушского селения Алхасте, метрах в 200 к юго-западу от него, на территории современного местного кладбища и вокруг него обнаружены признаки культурного слоя: обломки преимущественно серой толстостенной, плоскостной керамики; две ручки (одна из них черная, лошадная), близкие типам ручек от сосудов VI—X вв. нашей эры; половника круглого глиняного шарообразного прясла, обломок круглого плоского жернова от ручной мельницы; кости животных, куски глиняной обмазки и пережатой глины. Подобные находки обнаружены и на соседнем небольшом холме с очень крутыми склонами.

Весь подъемный материал указывает на наличие поселения, хотя при самом тщательном осмотре стенок канав, окружавших кладбище, четкой стратиграфии не установлено. Очень возможно, что она нарушена распашкой до момента возникновения кладбища. Найденный же на поверхности материал позволяет связывать поселение с инвентарем катакомбы в лесу, и относить время бытования этого поселения также к эпохе раннего средневековья, когда предгорья Северного Кавказа были заселены аланскими племенами.

Совокупностью археологических и литературных источников и данных языковедения устанавливается, что в древности аланы населяли как современную Кабардино-Балкарию и Сев. Осетию, так и территорию Чечено-Ингушской АССР, во всяком случае западную ее половину. Об этом говорит родственный материал из многочисленных могильников горной Ингушии, как Гоуст и дру-

¹⁰² Отчет Археологич. Комиссии за 1890 г.; стр. 87—96; за 1897 г., стр. 146—149.

¹⁰³ МАК, вып. VIII, 1900 г., стр. 255—261.

¹⁰⁴ «Записки Чечено-Ингуш. науч.-иссл. ин-та языка и истории», т. I, Грозный, 1938 г., стр. 29.

гие. Это подтверждается и рядом памятников более восточной полосы республики, как могильник у с. Дуба-Юрт и случайные находки.

Все вместе взятое позволяет памятники Ассинского ущелья эпохи раннего средневековья (включая сюда и панкратовские курганы) приписывать аланам, коренным обитателям середины части Сев. Кавказа, одному из основных элементов населения южных окраин Хазарского каганата.

IX

В процессе разведочных работ, километрах в 1,5 к СЗ от сел. Алхасте, при осмотре терновых зарослей, резко выделяющихся среди обрабатываемого поля, была обнаружена курганная группа из 8 курганов. Поверхность курганов также густо поросла терновником и сорной травой. Изредка на курганах встречались крупные булыжные камни, лежавшие в беспорядке. Средняя высота кургана не превышала 1 м; при диаметре в 6—9 м. Сильно оплывшие курганы сохраняли все же полушарную форму.

В целях выяснения характера насыпей экспедицией раскопаны три кургана, наименее заросшие кустарником. Учитывая малую высоту курганов, исключавшую возможность повторных захоронений, сразу вскрывалась вся насыпь по окружности. Оставлялся только поп для контроля профиля и для измерения глубины.

К у р г а н № 1.

Высота кургана 0,55 м, диаметр — 8 м, окружность 25 м. Верхний слой курганной насыпи на большую глубину состоял из старого перегноя с большим количеством булыжника. Почва испещрена норами грызунов. В разных местах и на разной глубине (до 0,60 м) были обнаружены: угольки, мелкие обломки керамики, кости и куски дерева.

На глубине 0,95 м в центре кургана показалось в суглинке прямоугольное мощное пятно с округленными углами. Ориентирована могила с востока на запад. Западная стенка могилы несколько выгнута; вблизи ее кусок дубового дерева. Длина могилы 2,20 м, ширина в головах 0,88 м, в ногах — 0,81 м.

По очистке могилы на глубине 1 м от вершины кургана показались костяк человека, лежавший вытянуто на спине, головой к западу, с руками вдоль туловища. Потребенный — мужчина, средних лет. У локтя левой руки против таза скелета железное опниво овальной формы, кусок кремня и железный небольшой нож в деревянных ножнах. В центре тазовой кости обломанная железная поясная пряжка.

К у р г а н № 2.

В 4 м к западу от первого был раскопан второй курган, высотой 0,80 м, диаметром 9 м и окружностью 28 м.

Насыпь изрыта грызунами на значительную глубину.

В насыпи в разных местах до глубины 0,75 м обнаружены мелкие фрагменты керамики, угольки и обломки костей овцы и коровы. На глубине 1,20 м — могильное пятно, ориентированное с В на З длиной 2,70 м и шириной 1 м. По зачистке тонкого слоя земли в суглинке показалась дубовая колода очень плохой сохранности с проломленной стенкой. Длина колоды 2,40 м, ширина 0,50 м, высота 0,40 м. Накрыта она была толстой (до 0,12 м) дубовой доской; кроме того, головную (западную) часть колоды покрывала другая небольшая доска, положенная поперек колоды.

По вскрытии крышки установлено, что все кости погребенного разбросаны хлябком, устроившим здесь себе яму.

В головной (западной) части колоды находились уголки. Посредине колоды найден небольшой железный нож.

Курганы № 3.

Третий курган, по величине близкий первому, был вскрыт метрах в 20 к юго-западу от первых двух.

На глубине 0,90 м было обнаружено могильное пятно длиной 2,27 м, шириной в головах 0,70 м, и в ногах 0,68 м.

В могильной яме находилась дубовая колода исключительно плохой сохранности. Обнаруженный в колоде скелет очень плохой сохранности лежал на спине головою на ЮЗ.

В этой могиле найден только один небольшой железный нож, лежавший у левого бока покойника ¹⁰⁵.

Ритуал погребения (в деревянных колодах под курганной насыпью, ориентировка на запад), бедность и самый характер могильного инвентаря трех алхастинских курганов сближают их с многочисленными памятниками плоскостной части Чечено-Ингушской, Сев.-Осетинской, Кабардино-Балкарской АССР и Пятигорья. Таковы, например, погребения у сс. Базоркино, Назрани и Кантышево ¹⁰⁶, этого же типа курганы вскрыты у сел. Христиановское, Эльхотово, близ станц. Прохладная, Солдатская ¹⁰⁷, у сел. Пседах и Бескем ¹⁰⁸, у сел. Куденетово и близ г. Нальчика ¹⁰⁹, в Пятигорье близ колонии Баррас ¹¹⁰, и, наконец, немало их было исследовано в Прикубаньи ¹¹¹. Известны раскопки подобных курганов у ст. Андрюковской ¹¹². Некоторые из исследованных на этой обширной территории курганов дали богатый могильный инвентарь, в состав которого входят золотые и серебряные украшения, оружие — сабли, копьяны, стрелы, посуда; сохранились и остатки дорогой ткани. Большинство же курганов содержало бедные погребения с вещами типа алхастинских насыпей: железными ножами, пряжками, огнивами, осколками кремня и т. п. Это обстоятельство подчеркивает наличие среди более или менее однородного по составу населения резко выраженного имущественного неравенства. По инвентарю курганы столь обширной территории справедливо считаются позднекочевническими памятниками. Наиболее ранние из них датируются серебряными монетами татарских ханов Джанибека (1341—2 гг.), Абдулы (1365 г.) и Улубека (курган у ст. Старо-Мышастовки) ¹¹³. Курганы у ст. Натухайской также дали татарские монеты XIV в. ¹¹⁴.

Арабской надписью XIV в. датируется и зеркало, найденное в подобном же кургане у аула Ульского ¹¹⁵. Отдельные типы вещей, найденных в этих курганах, как сабли, ножи, пряжки, огниво, с загнутыми спирально концами, украшения и т. д., бытуют и в последующие века (XV и даже XVI).

¹⁰⁵ Могильный инвентарь из Алхастинских курганов находится в Чечено-Ингушском музее краеведения (г. Грозный).

¹⁰⁶ Труды Подготовит. комитета к V Археологич. съезду в Тифлисе, т. I, 1892 г., стр. 217, 297.

¹⁰⁷ Там же, стр. 219—253.

¹⁰⁸ Отчет Археологич. Комиссии на 1898 г., стр. 157, мог. № 4.

¹⁰⁹ Отчет Археологич. Комиссии за 1897 г., стр. 138—142.

¹¹⁰ Д. Я. Самоквасов «Могилы Русской земли», 1906 г., стр. 242—245.

¹¹¹ Труды Подготовит. комитета к V Археологич. съезду, стр. 300—316.

¹¹² Отчет Археологич. Комиссии за 1897 г., стр. 22.

¹¹³ Труды Подготовит. комитета к V Археологич. съезду, стр. 305—307.

¹¹⁴ МАК, в. II, 1889 г., стр. 85.

¹¹⁵ Труды Подготовит. комитета к V Археологич. съезду, стр. 307.

Территорию центрального предгорья Сев. Кавказа, сохранившую упомянутые только что курганные группы, в то время населяли адыгейские племена, значащиеся на исторических картах под названием «кабардинцев»¹¹⁶ или «пятигорских черкес».

Исследованные нами на ингушской земле три подкурганных погребения нельзя связывать с предками современных насельников края — ингушами, колонизационная волна которых достигла этих мест не ранее XVII в., а если судить по допесениям квартирмейстера царской армии Штедера, в более северных районах — даже в XVIII в.¹¹⁷ Погребенных в алхастинских курганах мы имеем все основания считать рядовыми представителями населения Малой Кабарды; заселение им равнинной и даже предгорной части близлежащих районов подтверждено рядом исторических письменных источников¹¹⁸. О древних взаимоотношениях ингушей и кабардинцев говорит и ингушский фольклорный материал (легенда о Гази-мальчике и другие). Рассмотрев столь поздних памятников, подвергнувшихся исследованию экспедиций ГИМ, мы и закончим очерк о древностях Ассинского ущелья.

Х

Подводя общие итоги археологическим работам в окрестностях станицы Нестеровской и селения Алхасте, считаю нужным оговориться, что исследование двух основных объектов — поселения и могильника — нельзя считать законченным, да и весь прилегающий район остается еще не полностью обследованным. Выводы, делаемые мною на основании добытого материала, являются предварительными. Вместе с тем у меня есть уверенность, что основные положения намечены правильно.

Произведенными археологическими работами в окрестностях ст. Нестеровской и сел. Алхасте зарегистрированы новые для этих мест, по обильные и изученные в степной полосе Предкавказья и на Украине, типы памятников.

Меняющееся на протяжении веков местное население, представленное рассмотренными выше памятниками, жило не изолированно в предгорьях Сев. Кавказа, а имело широкие связи с населением южных степей Восточной Европы. Особенно наглядно это положение прослеживается по материалам из верхних слоев Алхастинского поселения и Нестеровского могильника, связывающихся со степной скифской культурой. В свете всех данных о наличии элементов этой культуры на Северном Кавказе (включая и горные и даже высокогорные районы) можно решительно утверждать, что в эпоху около середины 1-го тысячелетия до нашей эры скифские элементы участвовали в формировании местных культур, а в степных районах и кое-где в предгорье эти элементы в местных культурах даже преобладали. Именно об этом говорит материал Нестеровского могильника и Алхастинского селения.

Вместе с тем слабая изученность археологами скифских городищ и селений вообще, а в пределах Сев. Кавказа в особенности, выдвигает на первый план важность продолжения систематического исследования Алхастинского селения.

Насыщенность района разнотипными и разновременными памятниками древности заставляет признать Ассинское ущелье крупнейшим археологическим

¹¹⁶ «Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства», 1838 г., стр. 56; ВСЗ, т. 30, стр. 408.

¹¹⁷ Записки коллегии востоковедов, т. V, 1930 г., стр. 691—694.

¹¹⁸ Платон Зубов «Картины Кавказского края», кн. 3, 1835 г., стр. 92; С. Броневский «Новейшие исторические и географические сведения о Кавказе», т. II, 1823 г., стр. 90.

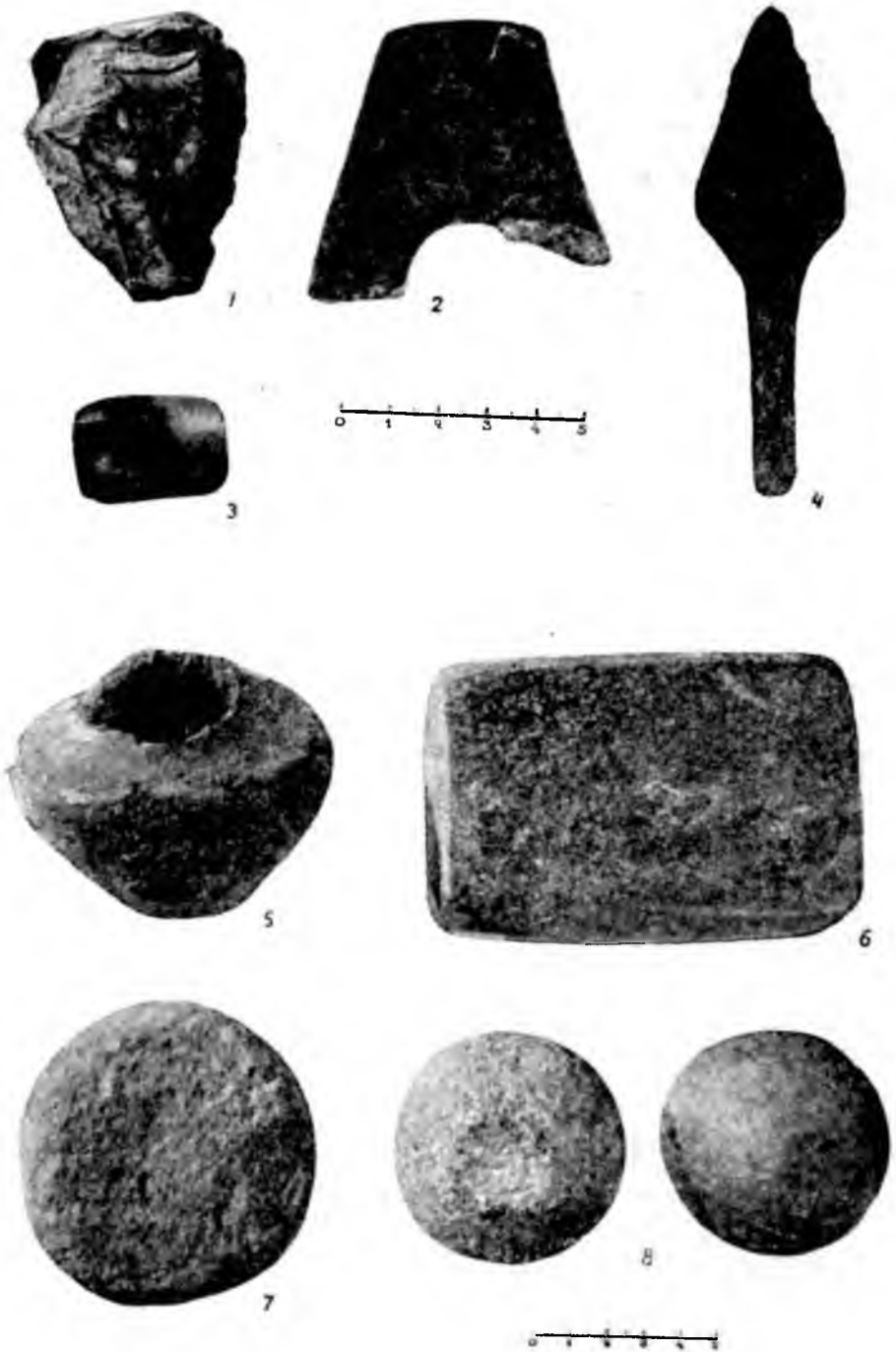
комплексом республики; значение некоторых памятников выходит за пределы рамок краевого масштаба; это особенно очевидно для освещения скифской проблемы применительно к Сев. Кавказу по данным развернутых раскопок Алхастинского поселения и Нестеровского могильника, разумеется, при учете всего аналогичного кавказского материала.

Кроме того, комплексное изучение всех памятников района, а не изолированное исследование одного объекта дает нам единственно верную историческую перспективу и позволяет наметить правильные пути изучения истории населения края с древнейших времен.

Многочисленные археологические памятники всего Ассинского ущелья позволяют это ущелье считать древнейшим культурным очагом республики.

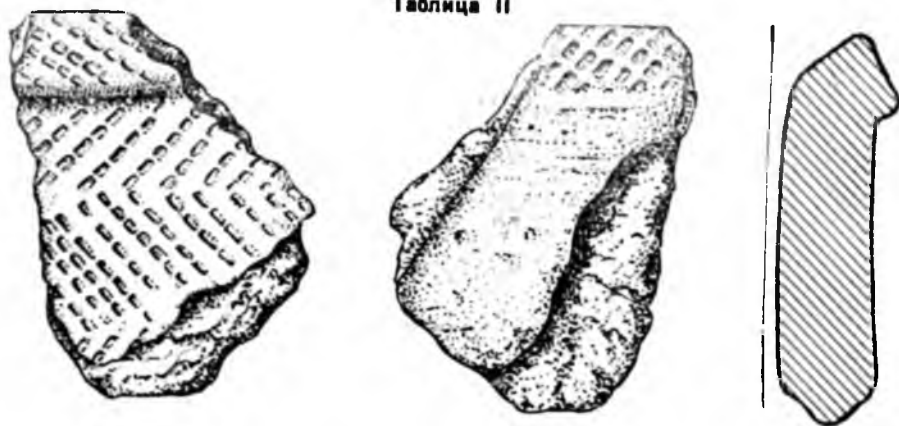

Таблица I

1—Обломок кремневого орудия. 2—Обломок каменного сверленного топора. 3—Обломок каменного топорика. 4—Бронзовый наконечник стрелы. 5—Сосудик из светлой глины. 6—Шлифовальный камень. 7—Каменный терочник. 8—Два каменных ядрища.

Таблица II

2

3

1—Обломок толстостенной керамики. 2—Обломок каменной мотыжки. 3—Каменный пест.

1—2 н. в., 3— $\frac{1}{2}$ н. в.

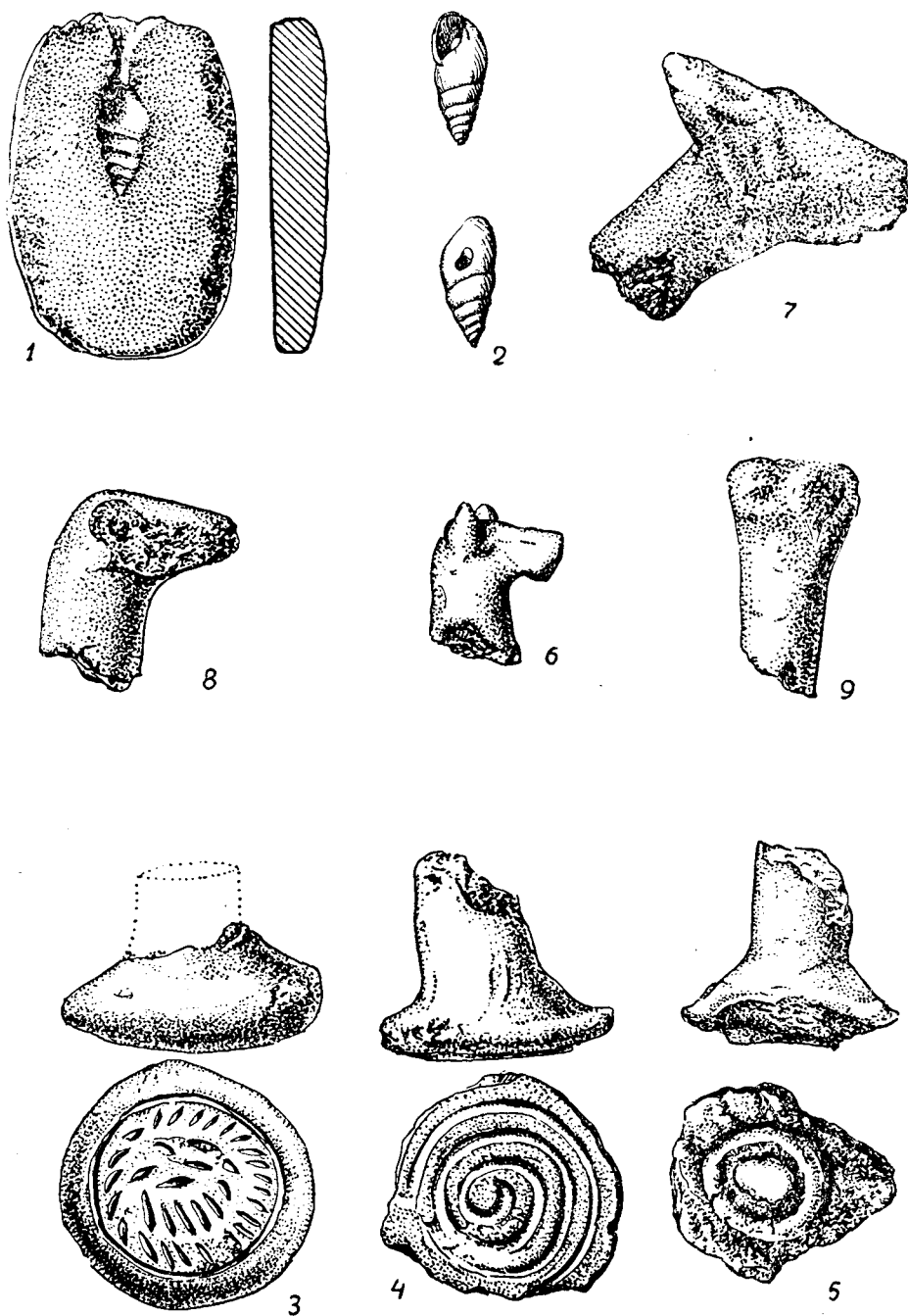
Таблица III

1—Обломок малого сосуда с ручкой. 2—Два обломка сосуда, украшенного нарезным геометрическим орнаментом. 3—То же. 4—То же. 5—Обломок сосуда, украшенного лепным шипковым орнаментом. 6—Гребень из рога оленя с 4-х зубцах. 7—Обрезанная рукоять из рога косули. 8—Нуклеус из сероватого кремня. 9—Костяная проколка. 10—Бронзовое шило. 11—Бронзовое колечко. 12—13—Грузила из гальки. 14—Пряслище из шиферного сланца. 15—Малая фаланга овцы со следами обработки.

1—5, 8— $\frac{1}{2}$ н. в. 6—7, 9— $\frac{3}{4}$ н. в.

Таблица IV

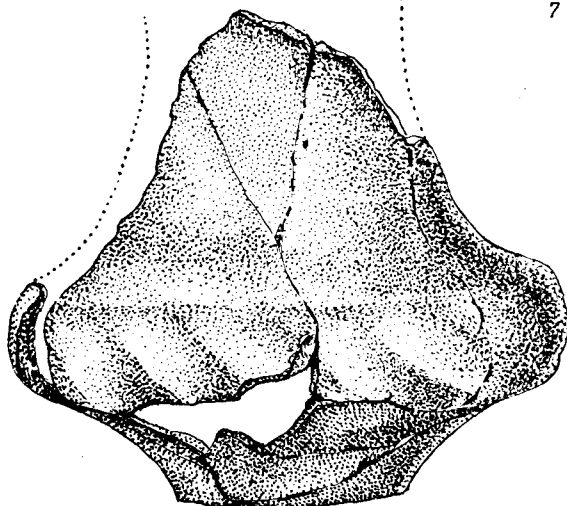
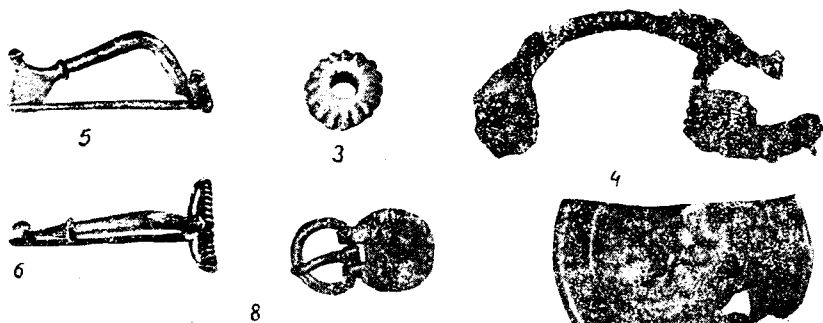

1—Глиняная формочка для отливки украшений. 2—Две раковины. 3—5—Три штампа из глины. 6—9—Четыре головки животных из глины.
н. в.

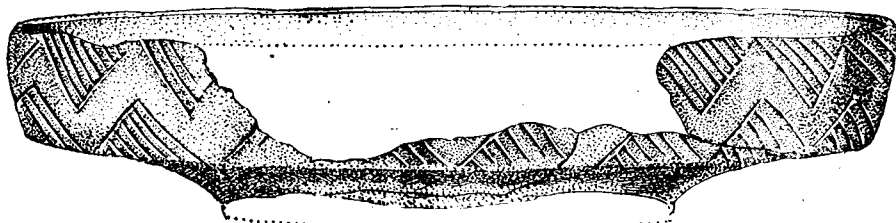

1—Бронзовый браслет (приобретен у гр. Бражникова). 2—Железная поясная пряжка (приобретена у гр. Арчакова). 3—Железный нож (приобретен у гр. Арчакова). 4—Железный наконечник копья (приобретен у гр. Арчакова). 5—6—Два глиняных прясла (приобретены у гр. Арчакова). 7—Железный нож (из погребения № 1). 8—Трубочка из листовой бронзы (из погребения № 2). 9—Бронзовый 3-лопастный наконечник стрелы с обломанным шипом на втулке (из погребения № 2). 10—То же без шипа (из погребения № 4). 11—Железный наконечник стрелы—пловик (из погребения № 2). 12—Круглая бусина из синего стекла (из погребения №№ 2 и 5). 13—14—Два проволочных серебряных височных кольца (из погребения № 5). 15—Глиняное пряслице (из погребения №№ 2 и 5).

Таблица VI

1

2

1—Глиняный сосуд с ребристым корпусом (из погребения № 2 Нестеровского могильника). 2—Чаша (из погребения № 2 Нестеровского могильника). 3—Рубчатая бусина из голубой пасты (из Алхастинской катакомбы). 3—Медная фибула (из Алхастинской катакомбы). 5—6—Две серебряные фибулы (из Алхастинской катакомбы). 7—Зеркальце из сплава, деформированное (из Алхастинской катакомбы). 8—Медная пряжка (из Алхастинской катакомбы).

1—2— $\frac{1}{4}$ н. в., 3—8— $\frac{1}{2}$ н. в.

1—Лощеный сосуд с крышкой. 2 —Миска-блюдо. 3—Чарка с ручкой.
1—2— $\frac{1}{2}$ н. в., 3— $\frac{2}{3}$ н. в.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
А. Я. Брюсов — Отчет о раскопках 1935—1939 гг.	5
М. Е. Фосс — Стоянка Веретье	21
М. Е. Фосс — Раскопки стоянок на р. Осколе	71
О. А. Кривцова-Гракова — Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь	85
Д. А. Крайнов — Вауловский могильник	105
Е. И. Крупнов — Археологические памятники Ассинского ущелья .	157

Л13601. Подписано к печати 2/1 1941 г. 12¼
п. л. + ½ п. л. вклейка. Уч.-авт. л. 20. Заказ тип.
№ 2328. Тираж 1000 экз. Цена книги 20 рублей.
Тип, изд-ва «Черная металлургия» Москва
Цветной бульвар, 30.

ЦЕНА 20 руб.

Я ЦОС

р. _____

с 1. 1-1961 г.

цена 1 р. 40 к.

